ПРИКЛЮЧЕНИЯ
И ФАНТАСТИКА

ЗАГЛЯНУТЬ ВПЕРЁД...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник вошли произведения английских писателей, ранее не переводившиеся на русский язык.

Содержание:
Эллери Квинн **Безумное чаепитие**. Перевод Л. Высоцкого
Брайан Олдисс **Пантомима**. Перевод В. Стегния
Брайан Олдисс **Пара-циклоп**. Перевод В. Стегния
Джон Браннер **Заглянуть вперед**. Перевод В. Стегния
Рекс Стаут **Окно смерти**. Перевод В. Стегния
Рекс Стаут **Иммунитет к убийству**. Перевод В. Стегния

Оформление художника: О. Н. Советниковой

- Заглянуть вперед…
  -
  - Эллери Квинн
  - Брайан Олдисс
  - Брайан Олдисс
  - Джон Браннер
  - Рекс Стаут
  - Рекс Стаут
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
И ФАНТАСТИКА

ЗАГЛЯНУТЬ ВПЕРЁД...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИЛЕТА»
1991

Эллери Квинн
Безумное чаепитие

Эллери Квинн

Эллери Квинн — псевдоним двух двоюродных братьев, Фредерика Даннэя (р. 1905) и Манфреда Ли (1905–1971), совместно написавших свой первый детективный роман в 1928 году.

Эллери Квинн также — имя частного детектива, героя их романов. К настоящему моменту[1] писателями издано 33 романа и 7 сборников рассказов с участием Эллери Квинна. Эллери Квинн неоднократно появлялся в исполнении разных актеров и в кино, и на телеэкранах США; в течение девяти лет был участником еженедельных радиопрограмм.

Рассказ «Безумное чаепитие» был опубликован издательством «Редбук» в 1934 г.[2]

(См. The great American Detective, P. 126)

— В жизни не видел такого потопа! — подумал высокий молодой человек в серо-коричневом плаще, прячась под навесом платформы. С черного неба с грохотом низвергались целые каскады воды, отсвечивая сталью в тусклом свете станционных фонарей. На западе только что растаяли во мраке хвостовые огни пригородного поезда. За пределами неровного светового пятна, окружавшего маленькую железнодорожную станцию, было очень темно и, без сомнения, очень мокро. Молодой человек поежился и спросил себя, какая нелегкая занесла его в такую отчаянную погоду в эту дыру на окраине Лонг-Айленда[3]. И куда, черт побери, подевался Оуэн?

В тоске он уже решил было разыскать телефонную будку, принести извинения и вернуться ближайшим поездом в город, но в этот момент из темноты вынырнул, пыхтя и отплевываясь грязью, низкий двухместный автомобильчик и, взвизгнув, затих у края платформы. Из автомобиля выскочил человек в шоферской униформе и одним прыжком перемахнул посыпанную гравием дорожку под защиту навеса.

Человек оказался румяным молодым блондином с прищуренными, как от солнца, глазами.

— Мистер Эллери Квинн? — выпалил он.

— Да, это я, — признался Эллери со вздохом. Отступать было поздно.

— Я — Милан, шофер мистера Оуэна, — представился блондин. — Мистер Оуэн просит прощения, что не смог встретить вас сам: у него гости… Пожалуйста, мистер Квинн. Вот здесь посуше.

Милан подхватил саквояж Эллери, и они ринулись к машине. Эллери плюхнулся на мохеровое сиденье, не испытывая при этом никакой радости. Чтоб этому Оуэну с его приглашением пусто было! Впрочем, сам виноват — нечего ездить к кому попало. Собственно говоря, Оуэна он толком и не знает — так, один из сомнительных приятелей их общего знакомого… Ох уж, эта людская назойливость! Глазеют на тебя, как на дрессированного

тюленя. Сюда, сюда, Бобби, смотри, какая диковинка!.. Криминальные истории и выдумки о чужих приключениях приводят их в экстаз, давая выход нерастраченным эмоциям. Чувствуешь себя, как какая-нибудь музейная редкость. Да пусть его четвертуют, если он сегодня хоть раз заикнется о преступлениях! Но Оуэн говорил, что будет Эмма Уиллоуз, а с ней он уже давно хотел познакомиться. Любопытная женщина, судя по тому, что он о ней слышал. Дочь дипломата голубых кровей, опозорившая свой род уходом на сцену. Напыщенные болваны, должно быть, эти ее родственнички. Родовая честь! И встречаются же еще люди, до сих пор живущие средневековыми представлениями!.. К тому же, Оуэн хотел показать ему свой дом, купленный всего месяц назад. «Симпампончик», как он выразился. Симпампончик! Экая балда!

Автомобиль бодро шлепал по лужам, освещая фарами лишь сплошную завесу дождя и выхватывая порой из темноты одинокое дерево, строение или изгородь.

Милан прокашлялся.

— Скверная погода, — не правда ли, сэр? Такого с самой зимы еще не было. Дождя, я хочу сказать.

— Только разговорчивого шофера мне не хватало, — мысленно простонал Эллери. — Да сохранит Господь заблудшего путника в такую ночь! — произнес он набожным тоном.

— Да уж, действительно, — хохотнул Милан. — А вы ведь немного запоздали, да? Вы приехали поездом в 11.50, а мистер Оуэн говорил мне утром, что вы будете в 9.20.

— Дела задержали, — буркнул Эллери, жалея, что они не уморили его совсем.

— Какое-нибудь убийство, мистер Квинн? — оживился Милан, и глаза его загорелись.

И этот туда же! О господи…

— Нет-нет. Просто у отца приключился очередной ежегодный приступ слоновой болезни. Мы уж и не чаяли, что бедняга на этот раз выкарабкается.

Шофер открыл рот, но, не найдя, что на это сказать, так и закрыл его. Затем со слегка озадаченным видом он переключил все внимание на усеянную камнями размокшую дорогу. Облегченно вздохнув, Эллери закрыл глаза.

Однако Милан был явно не из тех, кого легко сбить с избранного курса. Помолчав минуту-другую, он ухмыльнулся — правда, на этот раз не очень уверенно — и сообщил:

— А у мистера Оуэна сегодня такое творится! Ведь Мастеру Джонатану…

— Как? — отозвался Эллери, вздрогнув. — Мастер

Джонатан? — У него в памяти всплыл сей худосочный и плаксивый отпрыск лет семи-десяти, обладавший поистине дьявольской изобретательностью по части доставления хлопот окружающим. Мастер Джонатан! Эллери внутренне содрогнулся в предчувствии того, что его ожидает. Он совсем забыл про Мастера Джонатана!

— Да, сэр. У Джонатана завтра день рождения — девять лет, по-моему, и родители решили устроить для него что-нибудь необычное. — Милан ухмыльнулся с таинственным видом. — Совершенно исключительное!.. Но это секрет. Малыш — Мастер Джонатан, то есть, — еще не знает об этом. Вот удивится-то завтра!

— Сомневаюсь, Милан, — проворчал Эллери и впал в угрюмое молчание, из которого его не могли вывести даже угодливо-настырные поползновения шофера возобновить разговор.

* * *

«Симпампончик» Ричарда Оуэна оказался беспорядочным скопищем пристроек, фронтонов, ярких ставень и цветных кирпичей, нагроможденных в конце извилистого подъездного пути, зажатого между двумя шеренгами деревьев. Дом сиял огнями; входная дверь была приоткрыта.

— Ну, вот мы и прибыли, мистер Квинн! — жизнерадостно воскликнул Милан, выпрыгивая из машины и распахивая дверцу для Эллери. — До подъезда всего один скачок, не успеете вымокнуть.

Эллери выбрался из автомобиля и послушно скакнул к подъезду. Милан выудил его саквояж из недр машины и пулей взлетел по ступенькам.

— Даже дверь закрыть некогда, — ухмыльнулся он. — Наверное, вся прислуга смотрит спектакль.

— Спектакль? — переспросил слабым голосом Эллери, чувствуя, как на дне его желудка что-то похолодело.

Милан раскрыл дверь настежь.

— Входите, пожалуйста, мистер Квинн, входите. Я пойду доложу мистеру Оуэну. Они там как раз репетируют. Понимаете, пока Джонатан не спал, нельзя было, так что пришлось ждать, когда он ляжет. Это ведь все к завтрашнему… А он будто чувствовал что-то, они прямо замучились с ним, пока укладывали.

— Вот в этом нисколько не сомневаюсь, — проронил Эллери.

Чтоб этот Джонатан провалился вместе со всей его родней!.. Маленькая прихожая вела в широкую гостиную, нарядную и заманчиво теплую на вид. — Так говорите, они ставят пьесу? Ну что ж… Не стоит беспокоиться, Милан, я потихоньку зайду и подожду, пока они закончат. Не мне, ничтожному, становиться помехой на пути развития драматического искусства.

— Конечно, сэр, — сказал Милан с ноткой разочарования в голосе и, поставив саквояж на пол, поднес два пальца к фуражке и растворился в ночной тиши. Дверь за ним захлопнулась со злорадным щелчком, бесповоротно отрезав Эллери от внешнего мира.

Неохотно сняв промокшие плащ и шляпу, он чинно повесил их на вешалку в прихожей, запихнул саквояж в угол и устремился в гостиную обогреть озябшие руки у камина. За камином в гостиную открывалось несколько дверей. Впитывая блаженное тепло, он лишь краем уха воспринимал голоса, доносившиеся оттуда.

Женский голос произнес со странными детскими модуляциями:

— Нет-нет, прошу вас, продолжайте. Я больше не буду перебивать. Полагаю, один где-нибудь и может быть.

— Эмма! — догадался Эллери, сразу проснувшись. — Что у них там такое? — Он подошел к ближайшей двери и прислонился к косяку.

Удивительное зрелище предстало перед ним. Здесь собрались, насколько он мог судить, все обитатели дома. По всей вероятности, это была библиотека — большая современная комната с рядами книг по стенам. Дальний конец комнаты был освобожден от мебели и отгорожен самодельным занавесом из накрахмаленных простыней. На расчищенном пространстве Эллери увидел длинный стол, покрытый белой скатертью, на которой были расставлены чашки, блюдца и прочая чайная посуда. В кресле, во главе стола, сидела Эмма Уиллоуз в детском передничке, придававшем ей весьма пикантный вид. Ее золотисто-каштановые волосы ниспадали вдоль спины; стройные ноги в белых шелковых чулках были обуты в туфли-лодочки на низком каблуке. Рядом с ней восседало какое-то чудище из мира привидений: кроликоподобное существо человеческих размеров с торчащими кверху гигантскими ушами и огромным галстуком-бабочкой на мохнатой шее. Чудище говорило человеческим голосом, и при этом его пасть широко раскрывалась и со стуком захлопывалась. Дальше расположился еще один монстр с дружелюбной крысиной мордочкой и замедленными движениями, выдававшими в нем грызуна-соню. Соседом сони было самое

примечательное из всего квартета существо с большими кустистыми бровями и галстуком-бабочкой в горошек, франтовском жилете викторианской эпохи[4] и невероятной высоты шелковом цилиндре, за ленту которого была засунута этикетка с надписью «Цена модели 10 шиллингов 6 пенсов».

Публика была представлена двумя женщинами: совершенно седой старой дамой с застывшим на лице выражением непоколебимой приветливости, которое чаще всего скрывает хроническую озлобленность, а также молодой пышногрудой красавицей с рыжими волосами и зелеными глазами. Приглядевшись, Эллери заметил в соседних дверях еще две головы, принадлежащие прислуге. Они изображали подобающее изумление и хихикали.

— «Безумное чаепитие»![5] — усмехнулся Эллери. — Ну конечно, этого и следовало ожидать, раз тут Эмма. Только не слишком ли хорошо для этого бесчувственного отрока?

— Они учились рисовать, — пропищала маленькая соня тонким голосом, зевая и потирая кулачками глаза, — и рисовали разные вещи, начинающиеся на букву «М».

— Почему именно на «М»? — недоуменно спросила женщина-ребенок.

— А почему бы и нет? — огрызнулся заяц, негодующе хлопая ушами.

Между тем соня задремала было, но на нее тут же накинулся джентльмен в цилиндре и так энергично ее ущипнул, что она с визгом проснулась и продолжила: —…разные вещи на букву «М»: мышеловку, мышьяк, мышление, множество, — ну, знаете, ведь говорят же «великое множество»… Разве вам не приходилось видеть нарисованное великое множество?

— Даже не знаю… Вы ставите вопрос так прямо, в лоб… — пробормотала девочка в полной растерянности. — Я не думаю…

— А тогда нечего и болтать, — язвительно ввернул Шляпник.

Девочка с возмущением поднялась из-за стола и, мелькая белыми ногами, направилась за кулисы. Тем временем соня опять впала в спячку, а заяц со Шляпником схватили ее за голову и принялись сосредоточенно запихивать в носик довольно страшного на вид чайника.

— Ноги моей здесь больше не будет! — вскричала девочка, топнув ногой. — В жизни не видела такого дурацкого чаепития!

С этими словами она скрылась за кулисами, где, по-

видимому, потянула за какую-то веревку, потому что занавес дрогнул, медленно пополз по натянутому канату и закрылся.

— Превосходно! — захлопал в ладоши Эллери. — Браво, Алиса! А также еще два «браво» зоологическим персонажам Соне и Мартовскому Зайцу, не говоря уже о моем дрожайшем друге Шляпнике.

Шляпник вытаращил глаза и, отбросив цилиндр, кинулся к Эллери. Ястребиные черты его лица казались, благодаря гриму, одновременно добродушными и хищными. Это был полнеющий человек в расцвете сил, причем, в расцвете, несколько циничном и беспощадном к окружающим.

— Квинн! Когда, черт возьми, вы приехали? Будь я проклят, но вы начисто вылетели у меня из головы! Что вас задержало?

— Да так, домашние дела. Милан меня встретил. Оуэн, клянусь, вы созданы для этого костюма. И что только вас дернуло податься на Уолл-Стрит[6], не понимаю. Вы — прирожденный Шляпник.

— Серьезно? — отозвался Оуэн, польщенно посмеиваясь. — По правде говоря, я всегда испытывал пристрастие к театру. Именно поэтому я сразу поддержал идею Эммы Уиллоуз насчет «Алисы». Однако познакомьтесь с нашей компанией. Мама, — обратился он к седовласой даме, — разрешите представить вам мистера Эллери Квинна. Квинн, это мать Лауры, миссис Мэнсфилд. — Дама обворожительно улыбнулась Эллери, но взгляд ее, как он заметил, оставался при этом колючим. — Миссис Гарднер, — продолжал Оуэн, указывая на цветущую молодую женщину с рыжими волосами и зелеными глазами. — Хотите верьте, хотите нет, но она замужем вон за тем волосатым зайцем. Хе-хе-хе!..

В смехе Оуэна послышалось что-то грубо-издевательское. Эллери поклонился рыжеволосой красавице.

— Гарднер? Вы, случайно, не супруга архитектора Пола Гарднера?

— Сознаюсь! — изрек Мартовский Заяц утробным голосом и, сняв голову, явил миру худощавое лицо с насмешливыми искорками в глазах. — Как поживаете, Квинн? Мы ведь не виделись с тех самых пор, как я давал показания вашему отцу по поводу того убийства в Гринвич-Вилледж[7].

Они обменялись рукопожатием.

— Действительно, приятный сюрприз, — сказал Эллери. — Миссис Гарднер, могу вас поздравить: вы выбрали себе в мужья человека незаурядного ума. Своими показаниями на суде он сумел совершенно запутать и перессорить всех представителей защиты.

— Я всегда говорила, что Пол — гений, — улыбнулась рыжеволосая дама. У нее был своеобразный хрипловатый голос. — Но он мне не верит. Он считает, что я — единственный в мире человек, кто не ценит его.

— Ну что ты, Кэролин, — со смехом возразил Гарднер, однако насмешливые искорки в его глазах потухли, и он почему-то взглянул на Ричарда Оуэна.

— Вы, конечно, помните Лауру, — пророкотал Оуэн, цепко ухватив Эллери за локоть. — То бишь, грызуна-соню. Симпатичная зверушка, не находите?

На какое-то, едва уловимое, мгновение приторное выражение слетело с лица миссис Мэнсфилд. Понравилось ли соне, что муж публично представляет ее как зверушку, пусть даже симпатичную, судить было трудно из-за пушистой маски, скрывавшей ее лицо. Когда она сняла маску, на лице была улыбка. Лаура Оуэн была маленькой, болезненной на вид женщиной с усталыми глазами и слегка осунувшимся лицом.

— А это, — сказал Оуэн с гордым видом фермера, демонстрирующего выращенную им корову-рекордсменку, — единственная и неповторимая Эмма. Эмма, познакомьтесь с тем самым, погрязшим в убийствах, субъектом, о котором я вам столько рассказывал. Эллери, мисс Уиллоуз.

— Мы встречаем вас в таких легкомысленных костюмах, мистер Квинн, — проворковала актриса. — Надеюсь, вы прибыли не по делу? А не то мы немедленно разоблачимся и примем нормальный вид, дабы вы могли не мешкая приступить к своим обязанностям. Со своей стороны, я, увы, не могу сказать, что моя совесть абсолютно чиста. Если бы мне пришлось отбывать срок за все те убийства, которые я совершила мысленно, то мне и девяти жизней Чеширского Кота[8] не хватило бы. Одни критики чего стоят…

— Ваш костюм, — ответил Эллери, старательно не глядя на ее ноги, — как нельзя более к месту. К тому же, в роли Алисы вы мне нравитесь даже больше. — И действительно, Эмма была очень привлекательной Алисой; изгибы стройной фигуры делали ее похожей одновременно и на девочку, и на мальчика. — Чья же это все-таки идея?

— Мы, наверное, выглядим идиотами или свихнувшимися, — захохотал Оуэн. — Присаживайтесь, Квинн, присаживайтесь. Мод! — громогласно распорядился он. — Коктейль для мистера Квинна! И принесите еще лимонного сока. — Одна из голов, торчавших в дверях, поспешно скрылась.

— У нас генеральная репетиция перед завтрашним днем рождения Джонни; приглашены все соседские ребятишки. Эта

блестящая идея принадлежит Эмме, она и костюмы привезла из театра. Вы ведь знаете, мы закрылись в субботу.

— Понятия не имел. Я думал, «Алиса» будет идти весь сезон.

— Так и предполагалось. Но срок аренды «Одеона»[9] истек, а на очереди — следующий контракт. В среду мы начинаем выступать в Бостоне.

Длинноногая Мод поставила перед Эллери бокал с розоватой жидкостью домашнего изобретения. Он осторожно попробовал коктейль, ухитрившись не скорчить гримасу.

— Сожалею, что приходится разбивать компанию, — сказал Пол Гарднер и начал стаскивать с себя костюм зайца. — Но нам с Кэролин предстоит еще нелегкий путь. А завтра снова… Дорогу, наверное, совсем развезло…

— Хуже некуда, — подтвердил Эллери, отставляя отпитый на четверть бокал.

— И речи не может быть о том, чтобы ехать, — вмешалась Лаура Оуэн. Круглый животик грызуна, нацепленный на нее, делал ее совсем маленькой, пухленькой и бесполой. — Вести машину в такое ненастье! Кэролин, вы с Полом должны остаться.

— Но ведь это всего четыре мили, Лаура, — слабо возразила миссис Гарднер.

— Не говорите чепухи, Кэролин. В такую погоду, да еще ночью, это все равно, что сорок, — загремел Оуэн. Его щеки под гримом были неестественно бледными и вспотели. — Все уже решено. У нас столько места, что его девать некуда. Уж кому это знать, как не Полу, проектировавшему эту часть здания.

— Вот плата за личное знакомство с архитектором, — заметила Эмма Уиллоуз, уютно забираясь с ногами в кресло. — Его невозможно обмануть относительно количества спален в доме.

— Не обращайте внимания на Эмму, — фыркнул Оуэн. — Она просто испорченная девчонка из детской сказки. Никакого воспитания. Ну что ж… Замечательно. Как насчет коктейльчика, Пол?

— Нет, благодарю.

— А уж вы-то, Кэролин, не откажетесь? Единственный человек из всей этой шайки-лейки, кто способен поддержать компанию. — Эллери вдруг понял, с бессильным возмущением, что неудержимая веселость их хозяина объясняется тем, что он в стельку пьян.

Кэролин подняла на него свои зеленые глаза с тяжелыми веками. — Не имею ничего против, Дик. — Они смотрели друг на друга долгим жаждущим взглядом. Лаура Оуэн неожиданно улыбнулась и, повернувшись к ним спиной, стала копошиться со

своим нескладным крысиным костюмом.

Миссис Мэнсфилд так же неожиданно поднялась на ноги, растянула губы в своей фальшивой улыбке и обратилась в пространство медоточивым голосом:

— Надеюсь, вы меня простите? День был слишком утомительным для такой старухи, как я… Лаура, голубка. — Она подошла к дочери и поцеловала ее в наморщенный лоб.

Каждый произнес что-то приличествующее случаю, включая Эллери, который ощущал сильную головную боль, медленное розоватое жжение во внутренностях и непреодолимое желание очутиться как можно дальше от этого места.

* * *

Внезапно, как будто его что-то толкнуло, Эллери Квинн пробудился. Со стоном он повернулся на другой бок, чувствуя себя отвратительно. После часа ночи он несколько раз впадал в полузабытье. Дождь, барабанивший в стекла, не столько успокаивал, сколько раздражал. И вот теперь он проснулся окончательно, досадуя на эту необъяснимую бессонницу. Приподнявшись, он потянулся за наручными часами, грохотавшими на ночном столике. Фосфоресцирующие стрелки показывали пять минут третьего.

Он опять лег, скрестив руки за головой и вперив взгляд в темноту. Матрас был плотным и мягким, каким и подобает быть матрасу в доме богача, однако он не приносил отдохновения уставшим костям Эллери. Дом был удобен, но не доставлял радости. Хозяйка была предупредительна, но поглощена своими горестями. Хозяин же вносил в дом примерно столько же уюта, сколько можно ожидать от урагана. Другие гости… Мастер Джонатан, сопевший в своей отроческой постели… Эллери почему-то был уверен, что Мастер Джонатан сопит во сне.

В четверть третьего он капитулировал и, поднявшись, включил свет, одел халат и шлепанцы. Еще перед сном он убедился, что в комнате нет никаких книг или журналов. Потрясающее гостеприимство! Со вздохом он подошел к двери, приоткрыв ее, выглянул в коридор. Маленький ночник мерцал на площадке лестницы. Все было тихо.

И вдруг его охватило чувство необъяснимой тревоги. Ему совершенно отчетливо не хотелось выходить из спальни.

Попытавшись установить причину этого мимолетного страха и не найдя ее, Эллери обозвал себя впечатлительным идиотом и решительно шагнул в коридор. Он был отнюдь не слабонервным

или психически неуравновешенным человеком. Свое состояние он мог приписать только пониженной сопротивляемости организма вследствие усталости и бессонницы. Чудесный дом, и люди в нем чудесные… Он поймал себя на том, что похож на человека, который хочет задобрить какое-нибудь чудовище с капающей из пасти слюной, говоря ему: «Хорошая собачка, хорошая собачка»… Эта женщина с глазами цвета морской волны… В открытое море на лодке цвета морской волны… Или лодка была горохового цвета?.. «Мест нет! Мест нет!»… — «Места сколько угодно», — сердито сказала Алиса. А от улыбки миссис Мэнсфилд просто видало в дрожь…

Пристыдив себя за то, что дал волю разыгравшемуся воображению, он спустился по устланной ковром лестнице в гостиную.

Внизу его встретила полная темнота. Где выключатель, он не знал. Споткнувшись, он больно ударился обо что-то большим пальцем ноги и беззвучно выругался. Библиотека находилась напротив лестницы, рядом с камином. Он напряг зрение, но последние угольки в камине уже потухли. Осторожно ступая, он добрался, наконец, до противоположной стены. В тишине, нарушаемой лишь шелестом дождя, вытянул руки в поисках библиотеки. Нащупав холодную дверную ручку, повернул ее и открыл заскрипевшую дверь. К этому времени его глаза привыкли к темноте, и он различал смутные очертания крупных предметов.

Здесь, однако, он будто на стену из темноты наткнулся. Чернота за дверью была абсолютной. Он уже собирался войти, но вдруг остановился. Это была не та комната. Не библиотека. Он не смог бы объяснить, как он это определил, но у него не было никаких сомнений, что он ошибся дверью. Наверное, в темноте отклонился вправо. Путник, заблудившийся в ночном лесу… Безуспешно попытавшись проникнуть взором в раскрывшуюся перед ним черноту, он вздохнул и сделал шаг назад. Дверь с прежним скрипом отворилась.

Он стал шарить по стене левее. Еще несколько футов… Вот она! Соседняя дверь. На миг он задержался, прислушиваясь к своим ощущениям. Нет, с психикой все в порядке. Усмехнувшись, он распахнул дверь и, не тратя больше времени даром, вошел, отыскал кнопку выключателя и нажал ее. В море хлынувшего света перед ним с торжеством предстала библиотека.

Занавес был задернут; в комнате тот же беспорядок, какой был оставлен, когда хозяин проводил его наверх в спальню.

Он подошел к встроенным книжным шкафам, окинул полки взглядом и, после недолгого колебания, выбрал «Гекльберри Финна» — самое подходящее чтение в столь неприветливую ночь.

Затем выключил свет, ощупью нашел лестницу и стал подниматься с книгой под мышкой. Наверху послышались шаги. Он поднял голову. В слабом свете ночника на площадке вырисовывался темный силуэт мужской фигуры.

— Оуэн, — нерешительно прошептала фигура.

Эллери рассмеялся.

— Это Квинн. Вы тоже не можете уснуть, Гарднер?

— Ни в какую. Я как раз собирался спуститься и взять что-нибудь почитать. Кэролин, вроде бы, уснула в соседней комнате, хотя как ей это удалось — не представляю. По-моему, сегодня в воздухе что-то такое…

— Или же вы просто слишком много выпили, — пошутил Эллери, взбегая по ступенькам.

На Гарднере был халат поверх пижамы, волосы всклокочены.

— Да практически совсем не пил. Это все проклятый дождь, наверное. Нервы прямо на пределе.

— Да, возможно, в этом что-то есть. По крайней мере, Гарди[10] верил в единство человеческой души с космосом… Раз вам все равно не спится, может быть, зайдете ко мне? Покурим.

— А я не помешаю вам?..

— Спать? Ерунда. Единственное, зачем мне понадобилась книга — так это чтобы отвлечься. А беседа с этой точки зрения намного лучше, хотя и Гек Финн иногда помогает. Пойдемте.

Они пошли в спальню Эллери, где, устроившись в креслах, болтали и курили, пока первые проблески света не стали пробиваться сквозь тонкую пелену дождя за окном. Тогда Гарднер, зевая, отправился в свою комнату, а Эллери провалился в беспокойный тяжелый сон…

…Он лежал, связанный, в каком-то средневековом подвале, и инквизиторы пытались вырвать его руку из плечевого сустава. Ощущение было почти приятным… Он проснулся и увидел над собой розовощекое лицо Милана с трагически растрепанными русыми прядями. Уже совсем рассвело. Милан изо всех сил дергал его за руку и вопил:

— Мистер Квинн! Мистер Квинн!.. Проснитесь же, ради бога!

Эллери рывком сел.

— Что случилось, Милан?

— Мистер Оуэн, сэр. Он пропал!

Эллери выскочил из постели.

— Что значит — «пропал»?

— Исчез, мистер Квинн! Он… его нигде нет. Пропал. Миссис Оуэн прямо…

— Идите вниз, Милан, — спокойно сказал Эллери, снимая пижамную куртку, — и выпейте чего-нибудь покрепче. Скажите

миссис Оуэн, чтобы она ничего не предпринимала, пока я не спущусь. И никто не должен выходить из дома или звонить по телефону. Вы все поняли?

— Да, сэр, — глухо ответил Милан и удалился, нетвердо ступая.

Эллери оделся, как пожарный во время тревоги, плеснул водой в лицо, прополоскал рот и сбежал вниз. Лаура Оуэн в сбившемся пеньюаре рыдала на диване. Миссис Мэнсфилд сидела рядом с дочерью, успокоительно похлопывая ее по плечу. Мастер Джонатан строил бабке рожи, Эмма Уиллоуз молча курила, а побледневшие Гарднеры тихо пристроились у вымытого дождем окна.

— Мистер Квинн, — проговорила актриса при виде Эллери, — вот вам еще одна драма, прямо по горячему сценарию. По крайней мере, Лаура Оуэн так считает. Не убедите ли вы ее, что на самом деле никакой драмы, возможно, и нет?

— Не могу этого сделать, — возразил Эллери, — пока не буду знать все факты. Оуэн исчез? Когда? Как?

— О, мистер Квинн! — прорыдала Лаура, поднимая мокрое от слез лицо. — Я знаю, случилось что-то… что-то ужасное. Я предчувствовала… Вчера, после того, как Ричард проводил вас в вашу комнату… — Помните?

— Да-да.

— Он опять спустился и сказал, что должен приготовить что-то к понедельнику в своей «берлоге», а мне велел ложиться спать. Все уже разошлись, и слуги тоже. Я предупредила, чтобы он не засиживался слишком долго, и пошла в спальню. Я… я так устала, что сразу уснула, как убитая…

— У вас общая спальня?

— Да, у нас гарнитур из двух кроватей… Я уснула и не просыпалась до самого утра. И тогда… — Ее стало трясти, и она опять разрыдалась. У миссис Мэнсфилд был беспомощно-сердитый вид. — Я увидела, что он так и не ложился. Его одежда была на том же месте, где он оставил ее, когда переодевался для сцены. Я испугалась, ничего не могла понять, сбежала вниз — а его нигде нет…

— Так-так, — протянул Эллери заинтригованно. — Значит, насколько вам известно, он до сих пор в костюме Шляпника? Вы не проверяли его гардероб? Его обычная одежда на месте?

— Да, да, все на месте! О боже, его нет в живых. Я знаю, его нет в живых.

— Лаура, дорогая, ну нельзя же так, — сказала миссис Мэнсфилд сдавленным голосом.

— Ах, мама, это так ужасно…

— Ну-ну, не волнуйтесь, — сказал Эллери. — Истерика ни к чему. Скажите, он не был чем-нибудь обеспокоен? Какие-нибудь непорядки в делах?

— Уверена, что не был. Он сам только вчера говорил, что все складывается прекрасно. К тому же он… не такой человек, чтобы принимать что-либо слишком близко к сердцу.

— В таком случае, это вряд ли потеря памяти. У него не было в последнее время каких-либо сильных потрясений?

— Нет-нет, что вы.

— А не мог он, несмотря на костюм, все-таки поехать в свою контору?

— Это исключено. Он никогда не ездит на работу по субботам.

Мастер Джонатан ожесточенно сунул кулаки в карманы своей курточки студента Итонского колледжа и процедил сквозь зубы:

— Я знаю, он опять напился. А мама должна из-за него плакать. Пускай он вообще не возвращается!

— Джонатан! — завопила миссис Мэнсфилд. — Немедленно отправляйся в свою комнату, негодный мальчишка! Сию же минуту!

Никто не произнес ни слова. Лаура Оуэн по-прежнему рыдала. Мастер Джонатан выпятил нижнюю губу, с нескрываемой ненавистью посмотрел на свою бабку и, громко топая, убежал наверх.

— Миссис Оуэн, — спросил Эллери, нахмурившись, — где вы видели вашего мужа в последний раз? В этой комнате?

— В его «берлоге», — с трудом выдавила Лаура. — Когда я вчера поднималась по лестнице, он как раз входил туда. Вот в эту дверь. — Она указала на дверь справа от библиотеки. Эллери застыл на месте… Это была та самая комната, в которую он чуть не вломился во время ночных поисков.

— Вы думаете… — начала было Кэролин Гарднер своим хрипловатым голосом, но не закончила фразы. Ее губы были сухими; волосы в сером свете раннего утра выглядели не такими рыжими, а глаза — не такими зелеными, как накануне. Вся она как-то поблекла, будто происшедшее загасило в ней ее бьющую через край жизненную силу.

— Ты лучше не вмешивайся в это, Кэролин, — резко бросил Пол Гарднер. Глаза его покраснели от недосыпания.

— Ну, ну, — пробормотал Эллери. — Вполне возможно, что мы в самом деле делаем из мухи слона, как предположила мисс Уиллоуз. Если вы не возражаете, я взгляну на эту «берлогу».

Он вошел в «берлогу» Оуэна, плотно закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. Комната была небольшая и такая

узкая, что казалась длинной. Спартанская обстановка и отсутствие каких-либо украшений придавали ей деловой вид. В безукоризненной аккуратности письменного стола, в строгости и простоте современной мебели отражался прямой и жесткий характер Ричарда Оуэна. В комнате царил идеальный порядок, и смешно было даже подумать, что здесь могло произойти какое-то преступление.

Эллери рассматривал ее долго и задумчиво. Насколько он мог судить, все находилось на своих местах и не было ничего лишнего. Но затем его взгляд остановился на том, что находилось прямо перед ним. Вот это, действительно, было довольно странно. В стену напротив двери было вмонтировано большое зеркало без всякой оправы, занимавшее все пространство от пола до потолка — деталь, явно не гармонировавшая с общим строгим стилем комнаты. В блестящей поверхности зеркала отражалась стройная фигура Эллери и дверь позади него. А выше… А выше он увидел отражение электрических часов над дверью. В сумеречном свете их циферблат излучал какое-то своеобразное слабое сияние… Он отошел от двери и повернулся к часам лицом. Это было современное изделие из оникса и хрома, круглое, незатейливое и неожиданное…

Он открыл дверь и поманил Милана, присоединившегося к безмолвствующей компании в гостиной.

— У вас есть стремянка?

Милан принес стремянку. Кивнув ему, Эллери закрыл дверь, взобрался на стремянку и внимательно осмотрел часы. Электрическая розетка была спрятана позади циферблата, вилка вставлена в нее. Часы шли и, как убедился Эллери, сверившись со своими, показывали точное время. Заслонив циферблат ладонями от света, Эллери увидел, что цифры и стрелки, как он и подозревал, покрыты фосфоресцирующим составом.

Спустившись, он открыл дверь, отдал стремянку Милану и неторопливо прошел в гостиную. Все смотрели на него с доверчивым ожиданием.

— Ну и как? — поинтересовалась Эмма Уиллоуз. — Удалось ли Всемогущему Разуму обнаружить ключ к тайне? Только не уверяйте нас, что Дикки Оуэн в данный момент бегает в наряде Шляпника по площадке для гольфа где-нибудь в Медоубруке.

— Ну что, мистер Квинн? — нетерпеливо спросила Лаура Оуэн.

Эллери опустился в кресло и закурил сигарету.

— В этой комнате, миссис Оуэн, есть кое-что любопытное. Скажите, вы приобрели этот дом с обстановкой?

— С обстановкой? — удивилась она. — Нет-нет, мы купили ее

отдельно; привезли также свои вещи.

— Стало быть, электрические часы над дверью в «берлоге» тоже ваши?

— Часы? — они все уставились на него с недоумением. — Ну, конечно. А какое это…

— Хм-м, — произнес Эллери. — Эти часы обладают странным свойством таять в воздухе, подобно Чеширскому Коту, — так что, мисс Уиллоуз, с этой кэроловской историей мы еще не покончили.

— Но позвольте спросить, какое отношение имеют часы к исчезновению Ричарда? — саркастически осведомилась миссис Мэнсфилд.

Эллери пожал плечами.

— Пока не знаю. Дело в том, что ночью я не мог заснуть и в начале третьего спустился в библиотеку за какой-нибудь книжкой. Но в темноте я заблудился и вместо библиотеки открыл дверь «берлоги». И, как ни странно, ничего там не увидел.

— Но как же вы могли увидеть там что-нибудь, мистер Квинн, если было темно? — спросила прерывающимся голосом Кэролин. Ее грудь тяжело вздымалась.

— Как раз это и кажется мне странным, миссис Гарднер, — задумчиво проговорил Эллери. — Я должен был увидеть одну вещь именно потому, что было темно.

— Какую вещь? Я не понимаю…

— Часы над дверью.

— Вы что, вошли в комнату? — вмешалась Эмма Уиллоуз, нахмурившись. — Я, признаться, тоже не совсем понимаю. Если часы над дверью…

— Прямо напротив двери зеркало, — объяснил он ровным тоном. — И тот факт, что в полной темноте я ничего не увидел, весьма примечателен, ибо цифры и стрелки этих часов — светящиеся. Следовательно, я должен был увидеть в зеркале отражение часов. А я не увидел ровным счетом ничего.

Все молчали, совершенно сбитые с толку. Наконец, Гарднер нарушил молчание:

— Я все-таки не улавливаю… Вы хотите сказать, что кто-то стоял перед зеркалом, заслоняя отражение часов?

— Никоим образом. Часы находятся на высоте семи футов от пола, если не больше. Зеркало доходит до самого потолка. Мебели такой же высоты в комнате нет, а вероятность появления незнакомца ростом в семь футов, как вы понимаете, практически равна нулю. Так что, Гарднер, похоже, когда я заглядывал в комнату, часов не было на месте.

— Молодой человек, — раздраженно прервала его миссис

Мэнсфилд, — вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Я полагала, что мы хотим разобраться в исчезновении моего зятя, а не часов. И каким образом, скажите на милость, часы могли не быть на своем месте?

Эллери прикрыл глаза.

— Тут-то собака и зарыта. Часы покидали свое место. Когда я открыл дверь, их там не было. Я ушел — и их вернули.

— Но, мистер Квинн, — возразила актриса, — чего ради кто-то станет снимать обыкновенные часы со стены? Это почти такая же бессмыслица, с какой то и дело сталкиваешься в «Алисе».

— Именно этот вопрос, — сказал Эллери, — я задаю себе сам. И, честно говоря, не могу найти ответа. — Он открыл глаза. — Между прочим, никому не попадалась шляпа Сумасшедшего Шляпника?

Лауру опять затрясло.

— Нет, она… она тоже исчезла.

— Вы искали ее?

— Да. Но, если вы хотите сами…

— Нет-нет. Верю вам на слово, миссис Оуэн. Да, кстати. У вашего мужа не было врагов? — Он улыбнулся. — Сакраментальный вопрос. Боюсь, мисс Уиллоуз, я не смогу предложить вам что-нибудь сногсшибательное по части методов расследования.

— Врагов? — переспросила дрожащим голосом Лаура Оуэн. — Я… Я не знаю, мистер Квинн. Ричард был… У Ричарда довольно властная натура, он часто резок и непримирим, но вряд ли кто-нибудь ненавидит его настолько, что хотел бы… хотел бы убить. — Чтобы унять дрожь, она плотнее запахнула пеньюар вокруг своих полных плеч.

— Что ты несешь, Лаура? — возмутилась миссис Мэнсфилд. — Заявляю вам всем: вы ведете себя, как дети. Я уверена, что все это имеет какое-нибудь очень простое объяснение.

— Очень может быть, — поддержал ее Эллери оптимистическим тоном. — Это все погода действует, по-видимому… Смотрите, дождь, похоже, перестал. — Они равнодушно посмотрели в окно. Дождю, в самом деле, надоело идти, и он прекратился; небо стало светлеть. — Разумеется, — продолжил Эллери, — могло произойти всякое. Допустим, — я говорю «допустим», миссис Оуэн, — вашего мужа похитили… Нет-нет, не пугайтесь, пожалуйста. Это всего лишь мое предположение. Поскольку он исчез в театральном костюме, то это произошло, по всей вероятности, очень быстро и против его воли. Он не оставил вам какой-нибудь записки? Может быть, в

почтовом ящике? Утренняя почта…

— Похитили… — прошептала чуть слышно миссис Оуэн.

— Похитили? — выдохнула миссис Гарднер и прикусила язык. Однако в глазах ее что-то прояснилось, как прояснилось небо за окном.

— Не было никаких записок, — отрезала миссис Мэнсфилд. — Я все-таки утверждаю, что все это смешно. Разумеется, это твой дом, Лаура, но я… я просто не имею права оставаться в стороне. Ты должна сделать одно из двух. Либо отнестись к этому серьезно и вызвать настоящую полицию, либо оставить все, как есть. Лично я думаю, что Ричард в нетрезвом виде — а выпил он вчера немало, что и говорить, — забрел куда-нибудь в поле, где сейчас и опит. А когда проспится, вернется домой, и худшее, что с ним может случиться — это сильная простуда.

— Замечательное предположение, — одобрительно прогудел Эллери. — Только я не согласен, миссис Мэнсфилд, что нам следует вызывать настоящую полицию. Уверяю вас, я обладаю вполне, так сказать, официальным статусом. Я предлагаю не звонить сейчас в полицию, а потом, в крайнем случае, сказать, что не смогли дозвониться. Если от вас потребуют объяснений, я их дам. А пока давайте не будем расстраивать себя воображаемыми ужасами и подождем. Если мистер Оуэн к ночи не вернется, мы соберемся и решим, что нам предпринять. Согласны?

— Звучит вполне разумно, — хмуро отозвался Гарднер. — Скажите, Квинн, а могу я… — он усмехнулся. — Нет, это даже забавно! Могу я позвонить к себе на работу?

— Господи, ну разумеется.

Внезапно Лаура Оуэн, негромко вскрикнув, поднялась с дивана и, пошатываясь, направилась к лестнице.

— День рождения Джонатана! Я совсем забыла! Приглашено столько народа… Господи боже, что я им скажу?

— Мне кажется, лучше всего сказать, что Мастер Джонатан заболел, — предложил Эллери, сокрушенно разводя руками. — Мера суровая, но необходимая. Очевидно, следует позвонить всем, кто собирался прийти на спектакль, и сообщить им об отмене. — С этими словами Эллери встал и прошел в библиотеку.

* * *

Несмотря на расчистившееся небо и обрадованно выглянувшее из-за облаков солнце, настроение у всех было

подавленное. Утро тянулось медленно, и решительно ничего не происходило. Миссис Мэнсфилд, не слушая возражений дочери, уложила ее в постель, заставила проглотить полтаблетки люминала из большого пузырька в аптечке и не отходила, пока та не уснула в полном изнеможении. Затем она обзвонила приглашенных и выразила от имени всех Оуэнов сожаление по поводу столь огорчительного поворота событий. И надо же, чтобы у Джонатана вдруг подскочила температура в тот самый день, когда… Мастер Джонатан, несколько позже извещенный о постигшем его несчастьи, поднял наверху такой мощный негодующий вой, что у Эллери, рывшегося в книгах в библиотеке, мурашки так и забегали вверх и вниз по спине. Только объединенными усилиями миссис Мэнсфилд, Милана, горничной и кухарки удалось утихомирить подрастающую надежду Оуэнов. Пятидолларовая бумажка явилась тем решающим фактором, который окончательно скрепил непрочное перемирие.

Эмма Уиллоуз невозмутимо коротала время за книгой. Гарднеры апатично разыгрывали бридж на двоих… Не внес оживления в обстановку и лэнч. За столом переговаривались лишь односложными репликами. Атмосфера становилась гнетущей.

После лэнча все слонялись по дому, как неприкаянные призраки. Даже актриса начала терять свойственное ей присутствие духа. Выкурив бессчетное количество сигарет и поглотив столько же коктейлей, она замкнулась в чуть ли не враждебном молчании. Вестей извне не поступало. Один раз зазвонил телефон, но это оказался всего лишь местный кондитер, выразивший протест по поводу отмены заказа на мороженое. Эллери был занят большую часть какой-то таинственной деятельностью в библиотеке и «берлоге». Что он там выискивал, так и осталось для всех секретом. В пять часов он выбрался из «берлоги» с мрачной физиономией и глубокой складкой между бровями. Выйдя на крыльцо, он прислонился к колонне и погрузился в размышления. Гравий уже высох: солнце быстро выпарило остатки дождя. К тому времени, когда он вернулся в дом, спустились сумерки, на глазах сгущавшиеся, как это бывает в сельской местности.

Никого не было видно. Дом был тих; его обитатели понуро разбрелись по своим углам. Эллери опустился в кресло и, подперев голову руками, долго просидел так совершенно неподвижно в глубокой задумчивости.

Наконец, в его лице что-то промелькнуло. Он подошел к подножию лестницы и прислушался. Ни звука. На цыпочках он пробрался к телефону и минут пятнадцать озабоченно беседовал

вполголоса с кем-то в Нью-Йорке. Окончив разговор, он поднялся в свою комнату.

Час спустя, когда все собирались к обеду, он тайком выскользнул по черной лестнице из дома, не замеченный даже кухаркой, хозяйничавшей на кухне, и провел некоторое время за каким-то занятием в густой темноте сада.

* * *

Всех обстоятельств этого загадочного происшествия Эллери так и не выяснил. Первые ощущения появились вскоре после обеда. Уже позже, восстанавливая последовательность событий, он припомнил, что и другие стали клевать носом примерно в то же время. Обед запоздал и был холодным: исчезновение Оуэна, как видно, привело в расстройство также и кухонный распорядок. Кофе — а впоследствии Эллери убедился, что дело было именно в нем — был подан стройноногой служанкой только в начале девятого. Сонливость напала на них через какие-нибудь полчаса. Сидя в гостиной, они вяло перебрасывались ничего не значащими фразами. Лаура Оуэн, бледная и молчаливая, с жадностью проглотила кофе и даже попросила вторую чашку. Одна только миссис Мэнсфилд была настроена воинственно. Мысль позвонить в полицию явно не оставляла ее. Она питала большое доверие к местному полицейскому управлению, и в особенности, к его начальнику, некоему Ноутону, и постаралась не оставить у Эллери сомнений относительно его некомпетентности. Гарднер, казалось, не мог найти себе места, но в конце концов, забрался в угол гостиной, где раздраженно бренчал на рояле. Эмма Уиллоуз, утратив присущее ей юмористическое восприятие действительности, укрылась в своей раковине и в полном молчании косо поглядывала оттуда на остальных. Кэролин была определенно не в духе… Джонатана с воплями запихали в постель…

Как будто мягкое снежное покрывало тихо и вероломно опустилось на них, окутав все их чувства. Их охватила приятная истома. В комнате, к тому же, было очень тепло, и Эллери смутно ощутил у себя на лбу капельки пота. Он уже наполовину погрузился в дремоту, когда в его засыпающем мозгу прозвучал сигнал тревоги. В смятении он попытался встать, пошевелиться, но тело его налилось свинцом и отдалилось куда-то на край Вселенной. Комната поплыла перед ним, и он почувствовал, что его сознание неудержимо скатывается в бездну небытия. «Нас всех усыпили» — было последнее, что он успел подумать,

различив, как в тумане, выражение на лицах окружающих…

…Казалось, что головокружение вернулось в тот же самый момент, без всякого перерыва. Перед глазами у Эллери заплясали какие-то точки, и кто-то с наглой настойчивостью стучал у него в висках. Открыв глаза, он увидел у себя под ногами яркую полосу солнечного света. Боже милостивый, ночь напролет…

Он схватился за голову и со стоном приподнялся. Вокруг в разнообразных позах были распростерты дышавшие с трудом тела его товарищей по несчастью, — всех, без исключения. Какая-то фигура — Эмма Уиллоуз, механически отметил его раскалывающийся мозг — пошевелилась во сне и издала вздох. Он выкарабкался из кресла, кое-как дотащился до переносного бара и налил себе щедрую порцию крепчайшего виски. Ему обожгло горло, и он почувствовал себя несравненно лучше. Подойдя к актрисе, Эллери деликатно потряс ее. Она медленно открыла глаза и уставила на него мутный, страдальчески-недоумевающий взгляд.

— Что?.. Где?..

— Нас усыпили, — просипел Эллери. — Всю гопкомпанию. Постарайтесь оживить их, мисс Уиллоуз, а я пойду разведаю обстановку. И хорошо бы проверить, не притворяется ли кто-нибудь из них.

Нетвердой, но целеустремленной походкой он направился в заднюю половину дома. Придерживаясь за стены, добрался до кухни. Вокруг стола с недопитыми чашками кофе без сознания раскинулись Милан, кухарка и горничная со стройными ногами.

Он вернулся в гостиную, одобрительно кивнул Эмме, трудившейся над телом Гарднера у рояля, и на ватных ногах поднялся на второй этаж. Довольно быстро ему удалось отыскать спальню Мастера Джонатана. Наследник спал глубоким естественным сном под аккомпанимент гнусавого сопения. Он-таки сопел! Простонав, Эллери зашел в туалет, примыкавший к спальне Джонатана, и затем опять спустился вниз и прошел прямо в «берлогу». Почти тотчас же он вышел обратно, с хмурым и ожесточившимся взглядом. Схватив шляпу в прихожей, он поспешил в сад, где сразу окунулся в солнечное тепло. С четверть часа он искал что-то в невысоких зарослях, плотным кольцом окруживших дом Оуэна и придававших ему заброшенный вид, наподобие какого-нибудь ранчо на Диком Западе. Когда он возвратился, еще более помрачневший, все уже шевелились и жалобно стонали, обхватив голову руками, как испуганные дети.

— Квинн, ради всего святого… — воззвал к нему Гарднер хриплым голосом.

— Особа, сыгравшая с нами эту шутку, воспользовалась

люминалом, хранящимся в аптечке, наверху, — сказал Эллери, сдернув шляпу и поморщившись от резкой боли в голове, — тем самым, который миссис Мэнсфилд давала вчера миссис Оуэн. С той лишь разницей, что на этот раз не пожалели весь пузырек. Недурная порция снотворного!.. Пока вы тут приходите в себя, я загляну на кухню навести кое-какие справки. Я думаю, это кофе… — Вернулся он, однако, с разочарованной миной. — Увы! Мадам поварихе, как выясняется, понадобилось провести некоторое время в ванной комнате. Милан возился с автомобилем в гараже, а служанка где-то отсутствовала — приводила в порядок свой туалет, подозреваю. В результате наш приятель люминолог имел прекрасную возможность высыпать весь пузырек в кофейник, дьявол его забери.

— Я немедленно звоню в полицию! — истерически запричитала миссис Мэнсфилд. — Так мы дождемся, что нас всех прирежут прямо в постели! Лаура, я категорически настаиваю…

— Миссис Мэнсфилд, прошу вас, — устало произнес Эллери. — Не надо героических поступков. Было бы гораздо больше пользы, если бы вы прошли на кухню и усмирили бунт, который там назревает. Женский персонал, похоже, вот-вот начнет упаковывать чемоданы.

Сжав губы, миссис Мэнсфилд рванулась на кухню. Мгновение спустя до них донесся ее возмущенный голос, утративший свою привычную слащавость.

— Но, Квинн, должен же нас кто-то защитить… — возразил Гарднер.

— Может быть, это с моей стороны и наивно, — с побледневшими губами проговорила Эмма Уиллоуз, — но мне все же хотелось бы знать, кто это сделал и зачем. Этот пузырек наверху… Его мог взять только кто-то из нас, не так ли?

Кэролин Гарднер испуганно вскрикнула. Лаура Оуэн бессильно откинулась в кресле.

— Один из нас? — переспросила рыжеволосая Кэролин шепотом.

Эллери мрачно усмехнулся. Но затем усмешка исчезла с его лица, и он повернул голову в сторону прихожей, прислушиваясь.

— Что это было? — бросил он.

Все застыли от страха и обратили взоры в том направлении. Но в прихожей никого не было видно. Эллери решительными шагами устремился к входной двери.

— Господи, что там еще такое? — пролепетала Лаура.

— Мне послышался какой-то странный звук, — объяснил Эллери и распахнул дверь. Утреннее солнце ворвалось в комнату. В его лучах они увидели, как он нагнулся и подобрал что-то на

крыльце, затем выпрямился и стал быстро вертеть головой туда и сюда. Пожав плечами, он повернул обратно и закрыл за собой дверь.

— Какой-то пакет, — сказал он, нахмурившись. — Не зря мне показалось…

В изумлении они смотрели на сверток в коричневой бумаге в руках Эллери.

— Пакет? — спросила Лаура Оуэн. Лицо ее просветлело. — Это, наверное, от Ричарда! — Но тут же она осеклась и побледнела. — Или вы думаете?..

— Адресовано вам, миссис Оуэн, — задумчиво проговорил Эллери. — Никаких марок или штемпелей.

Надпись сделана крупными печатными буквами, чтобы скрыть почерк. С вашего разрешения, миссис Оуэн, я распечатаю его сам. — Он разорвал тонкую бечевку и развернул бумагу. Содержимое пакета заставило его нахмуриться еще больше. Все, что там было — пара крупных мужских спортивных туфель с изношенными подметками.

Лаура Оуэн закатила глаза. Ноздри ее подрагивали.

— Туфли Ричарда! — выговорила она через силу и опять откинулась в полуобморочном состоянии.

— Вот как? — обронил Эллери. — Очень интересно. Конечно, это не те туфли, в которых он был в пятницу вечером. Вы уверены, что это его «спортсменки», миссис Оуэн?

— Так его все-таки похитили! — послышался дрожащий голос миссис Мэнсфилд в дверях, ведущих в заднюю половину. — Есть какая-нибудь записка? К-кровь?..

— Ничего нет, только туфли. Вы знаете, миссис Мэнсфилд, как раз теперь версия о похищении представляется мне сомнительной. В пятницу на Оуэне были другие туфли. А когда вы видели эту пару в последний раз, миссис Оуэн?

— Только вчера вечером, в нашей спальне, — простонала она. — О, боже…

— Вот видите! — произнес Эллери бодрым тоном. — Вероятно, их украли ночью, пока мы тут валялись без чувств. А теперь их демонстративно вернули. Так что никакого материального ущерба не нанесено. Однако боюсь, — прибавил он, приняв грозный вид, — что мы пригрели на груди змею.

Но никто не улыбнулся. Эмма Уиллоуз недоумевающе протянула:

— Очень странный поступок. Я бы даже сказала, ненормальный, мистер Квинн. Не вижу в этом ни малейшего смысла.

— В данный момент я тоже. Либо кто-то жестоко

подшучивает над нами, либо за этим кроется дьявольски хитрый и извращенный ум. — Он нахлобучил шляпу и направился к двери.

— Куда вы? — испуганно спросила Кэролин.

— Всего лишь поразмыслить кое о чем наедине с Господом Богом. Однако не забывайте, — добавил он тихо, но внушительно, — что это привилегия сыщиков. Всем остальным не разрешается делать ни шагу из дома.

Час спустя он вернулся, не дав никаких объяснений.

* * *

В полдень была обнаружена еще одна посылка. Это был квадратный пакет в такой же коричневой бумаге. Внутри находилась картонная коробка, а в ней, упакованные в тонкую оберточную бумагу, лежали два великолепных игрушечных парусника, какие дети пускают на пруду летом. Посылка предназначалась мисс Уиллоуз.

— Это становится просто кошмарным, — пробормотала миссис Гарднер. Губы ее тряслись. — Меня прямо мороз по коже пробирает.

— Я предпочла бы, — сказала, стиснув зубы, Эмма Уиллоуз, — чтобы это был, к примеру, окровавленный кинжал или что-нибудь другое в том же роде. Но игрушечные кораблики!.. — Она отступила на полшага назад, и глаза ее сузились. — Послушайте, дорогие мои. Я не меньше других люблю хорошую шутку, но эта мне что-то начинает надоедать. Кто откалывает эти шуточки?

— Ничего себе, шуточки! — рявкнул Гарднер. Он был бледен, как смерть. — Это выходки самого настоящего маньяка, вот что это такое!

— Не стоит так горячиться, Гарднер, — урезонил его Эллери. — Это нам ничего не даст. Миссис Оуэн, вы видели их когда-нибудь раньше?

Миссис Оуэн, на грани обморока, произнесла заплетающимся языком:

— Господи, боже мой, мистер Квинн, я же не… О, господи! Да ведь это… это же кораблики Джонатана!

Эллери поморгал глазами. Затем он подошел к лестнице и громко крикнул:

— Джонни! Спустись-ка сюда на минутку!

Мастер Джонатан с надутым видом нехотя сошел вниз.

— Что вам от меня нужно? — спросил он неприязненно.

— Подойди-ка сюда, малыш. — Мастер Джонатан приблизился, волоча ногу за ногу. — Когда ты видел эти кораблики в последний раз?

— Кораблики! — завопил, как резаный, Мастер Джонатан, сразу отбросив свою неразговорчивость. Он набросился на игрушки и, выхватив их из рук Эллери, в негодовании воззрился на него. — Мои кораблики! Безобразие, что тут творится! Мои кораблики! Вы украли их!

— Ну, Джонни, — сказал Эллери, покраснев. — Веди себя достойно, ведь ты же мужчина. Так когда ты их видел в последний раз?

— Вчера! В ящике с игрушками! Мои кораблики! Возмутительно! — прошипел Мастер Джонатан и умчался по лестнице, прижимая игрушки к своей худосочной груди.

— Украдены тогда же, — обескураженно констатировал Эллери. — Разрази меня гром, мисс Уиллоуз, но я, кажется, склонен согласиться с вами. Кстати, миссис Оуэн, кто подарил эти парусники вашему сыну?

— Его… его отец.

— Ч-черт! — вырвалось у Эллери уже вторично в это безбожное воскресение. Он разослал всех по дому проверить, не пропало ли что-нибудь еще. Однако все остальное было, вроде бы, на месте.

* * *

Вернувшись в гостиную, они увидели, что Эллери озадаченно вертит в руках маленький белый конверт.

— Что, опять?! — вскинулся Гарднер.

— Просунули под дверь, — задумчиво отозвался Эллери. — Как это я его раньше не заметил? Вот уж поистине странная депеша!

Конверт был изготовлен из дорогой бумаги, запечатан голубым сургучом и надписан теми же карандашными каракулями. На этот раз адресатом была миссис Мэнсфилд.

Старая дама упала в ближайшее кресло, схватившись рукой за сердце. От испуга она не могла вымолвить ни слова.

— Распечатайте же его, — не выдержала Кэролин.

Эллери вскрыл конверт. Складка между его бровями еще больше углубилась.

— Ха, — произнес он, — внутри вообще ничего нет!

Гарднер вцепился зубами в собственный кулак и отвернулся, бормоча что-то невнятное. Миссис Гарднер потрясла головой, как

боксер в нокауте, и, слегка покачиваясь, уже не в первый раз за этот день направилась к бару. Эмма Уиллоуз была чернее тучи.

— А знаете, — протянула Лаура Оуэн чуть ли не безмятежно, — ведь это конверт из маминого набора.

Воцарилась тишина.

— Хм. Все страннее и страннее[11], — пробурчал Эллери. — Но должно же все это что-то значить! Сначала прислали туфли — очевидно, чтобы мы поломали голову. Парусники можно было бы рассматривать как пародию на подарок: украденные у Джонатана игрушки ему же на день рождения… — Он покачал головой. — Нет, не складывается. А теперь еще этот конверт без письма. Казалось бы, хотят привлечь внимание к самому конверту — но зачем? Он принадлежит миссис Мэнсфилд. Остается что? — Ага, сургучная печать. — Он внимательно изучил голубой сургуч на обратной стороне конверта, но ничего интересного не обнаружил.

— И сургуч тоже наш, — проронила Лаура все тем же отрешенным тоном, — из библиотеки.

Эллери устремился в библиотеку в сопровождении всей взбудораженной компании. Лаура подошла к письменному столу и выдвинула верхний ящик.

— Сургуч был здесь? — быстро спросил Эллери.

— Да, — ответила она дрогнувшим голосом. — В пятницу я брала его, когда писала письмо. О, господи…

Сургуча в ящике не было.

И в то время, как они тупо уставились в пустой ящик, у входных дверей раздался звонок.

* * *

На этот раз на крыльце с невинным видом стояла базарная корзинка, в которой уютно разместились два больших зеленых кочана капусты.

Крикнув Гарднера и Милана, Эллери бросился в погоню. Они рассыпались по саду и долго с остервенением рыскали среди кустов и деревьев, окружавших дом. Но не нашли ничего. Никаких следов невидимки, позвонившего в звонок. Никаких следов доброжелателя, оставившего подарочный набор на крыльце. Как будто это был неосязаемый призрак, который материализовался всего на один момент, чтобы нажать кнопку звонка.

…Женщины, бледные и трясущиеся, забились в угол гостиной. Миссис Мэнсфилд, дрожа, как осиновый лист, набирала номер местного полицейского управления. Эллери запротестовал

было, но махнул рукой и склонился над корзинкой.

К ручке корзинки была привязана записка. Теми же корявыми печатными буквами было написано: «Мистеру Полу Гарднеру».

— На сей раз, — объявил Эллери с поклоном, — выбор остановился на вас, старина.

Гарднер вытаращился на корзинку, не в силах поверить собственным глазам:

— Капуста!

— Прошу меня простить, — кинул Эллери и вышел. Вернувшись, он пожал плечами. — Кухарка подтвердила, что капуста из ящика в кладовой. Она никак не предполагала, добавила она не без сарказма, что ей следовало проверить, не украдены ли овощи.

Миссис Мэнсфилд у телефона возбужденно изливала поток новостей совершенно ошарашенному служителю закона. Повесив трубку, она отошла от аппарата, раскрасневшись, как новорожденное дитя.

— Наконец-то с этой несусветной чепухой будет покончено, мистер Квинн! — выпалила она. Затем, без сил повалившись в кресло, она истерически расхохоталась и возопила: — Я так и знала, Лаура, что ты совершаешь роковую ошибку, выходя замуж за этого изверга! — И снова захохотала сатанинским смехом.

Через пятнадцать минут, сопровождаемые завыванием сирены, прибыли представители закона в лице приземистого мужчины с квадратной физиономией и командирскими знаками отличия, а также долговязого молодого полисмена.

— Я — Ноутон, — кратко представился начальник полиции. — Что у вас, черт побери, тут происходит?

— Добрый день, Ноутон, — сказал Эллери. — Я сын инспектора Ричарда Квинна с Центральной улицы.

— Ну да? — откликнулся Ноутон и свирепо накинулся на миссис Мэнсфилд. — Почему же вы мне не сказали, что здесь мистер Квинн? Вам бы следовало знать, миссис Мэнсфилд…

— Ах, да оставьте вы все меня в покое! — взорвалась старая дама. — Сплошная ку… куролесица, чушь и бред с самой пятницы! Сначала эта жуткая женщина-актриса с голыми коленками и всем прочим, потом это… это… невообразимое…

Начальник полиции почесал в затылке.

— Мистер Квинн, давайте отойдем в сторонку и побеседуем по-человечески. Что за нелепая история тут приключилась?

Вздохнув, Эллери поведал ему вою историю. По мере того, как сюжет разворачивался перед Ноутоном, лицо его все больше накалялось.

— Вы это что, серьезно, мистер Квинн? — не выдержал он

наконец. — Да просто Оуэн рехнулся и разыгрывает с вами эти дурацкие шутки. Господи боже, неужели вы предлагаете заняться этим всерьез?

— Боюсь, что придется, — сказал Эллери. — Но что это? Будь я проклят, если это не очередное явление нашего игривого приятеля-невидимки! — С этими словами он кинулся мимо застывшего с открытым ртом Ноутона к дверям и распахнул их. За дверью была темнота, а на крыльце — пятая посылка, на этот раз совсем крошечная.

Оба полицейских бросились в сад, стреляя во все стороны лучами фонариков.

Эллери с нетерпением схватил пакет. Хорошо знакомые каракули извещали, что он послан миссис Гарднер. Внутри оказались две шахматные фигурки, два короля — один черный и один белый.

— Кто у нас тут шахматист? — осведомился он.

— Ричард! — пронзительно вскрикнула Лаура Оуэн. — О боже, я схожу с ума!

Как выяснилось, в коробке с шахматами, принадлежащей Оуэну, не хватает двух королей.

* * *

Полицейские вернулись ни с чем, выдохшиеся и побледневшие. Эллери молча разглядывал две шахматные фигурки.

— Итак? — спросил Ноутон с несколько поникшим видом.

— Итак, — отозвался Эллери рассудительно, — у меня есть одна исключительно плодотворная идея. Разрешите вас на минуту, Ноутон. — Он оттащил начальника полиции в сторону и стал быстро втолковывать ему что-то приглушенным голосом. Остальные безропотно ждали, не двигаясь с места. Их била нервная дрожь. Всякое самообладание их покинуло. Если даже это была и шутка, то поистине жестокая. А где-то на заднем плане маячила зловещая фигура Ричарда Оуэна…

Начальник полиции почесал за ухом и кивнул в знак согласия.

— Вот что, — обратился он к ним без дальнейших предисловий, — пройдите-ка в библиотеку. — Они оторопело уставились на него.

— Я повторяю, пройдите в библиотеку. Все до единого. Пора прекращать эту свистопляску.

— Но послушайте, Ноутон, — запротестовала миссис

Мэнсфилд, — ведь не мы же присылали все эти вещи! Мистер Квинн может подтвердить, что никто из нас не выходил сегодня из дома.

— Делайте, как я сказал, — отрезал Ноутон.

Озадаченные, они проследовали в библиотеку. Долговязый полицейский собрал Милана, кухарку и служанку и увел их куда-то… Прошло несколько минут, полчаса, час… Они не разговаривали; каждый замкнулся в себе, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит в гостиной. Но за дверью стояла могильная тишина…

В половине восьмого двери распахнулись. Из дверей их сверлили взгляды начальника полиции и Эллери.

— Всем выйти, — бросил Ноутон. — Давайте, давайте, проходите.

— Проходить? — пролепетала Лаура Оуэн. — Но куда? Где Ричард? Что…

Вместо ответа долговязый полицейский выдворил их из библиотеки. Эллери подошел к двери «берлоги» и, открыв ее, включил свет и отступил в сторону.

— Будьте добры зайти в комнату и сесть, — сухо сказал он. Лицо его осунулось, вид был измученный.

В молчании они прошли в «берлогу». Полицейский принес стулья из гостиной. Все расселись. Ноутон задернул шторы. Полицейский закрыл дверь и загородил ее своим телом…

— Во многих отношениях это одно из самых необычных дел, с какими мне приходилось сталкиваться, — начал Эллери бесстрастно. — Да, по существу, оно с любой точки зрения уникально. Не укладывается ни в какие рамки. Я думаю, мисс Уиллоуз, что желание, высказанное вами в пятницу, сбывается. Вам предстоит стать свидетелем раскрытия хитроумного преступного замысла.

— П-преступного? — Кэролин Гарднер с трудом справлялась со своими полными губами. — Значит, преступление все-таки было?

— Спокойно! — приказал Ноутон.

— Да, — сказал Эллери мягко. — Преступление было. И притом… — мне очень жаль, миссис Оуэн, что приходится это говорить, — преступление тягчайшее.

— Р-Ричарда…?

— Мне очень жаль.

Никто не издал ни звука. Лаура не плакала — казалось переживания иссушили ее.

— Значит, так. — Эллери вздохнул. — Ключом к разгадке тайны послужили часы. Часы, Которых Не Было Там, Где Они

Должны Были Быть. Часы-невидимка… Как вы помните, я предположил, что кто-то на время снимал часы со стены, потому что я не видел отражения светящихся стрелок в зеркале. Это предположение было вполне справедливым. Но не единственно возможным.

— Ричарда убили… — сказала вдруг Лаура Оуэн с удивлением в голосе.

— Мистер Гарднер, — поспешно продолжил Эллери, — высказал другую версию: часы были на месте, но кто-то или что-то находилось перед зеркалом и загораживало его. Я уже объяснял вам, почему это невозможно. Между тем, — он неожиданно подошел к зеркалу, — есть еще одно объяснение: когда я в темноте заглянул в эту комнату, часы были на месте, но не было зеркала!

— Но как это может быть, мистер Квинн? — отстранение поинтересовалась Эмма Уиллоуз. — Это… нелепо.

— Нет ничего нелепого, дорогая мисс Уиллоуз, пока не доказано, что это так. Именно это я спросил у себя прежде всего: возможно ли, в принципе, чтобы зеркала не было на месте? Оно встроено в стену и, на первый взгляд, составляет с ней одно нерасторжимое целое. — В глазах Эммы Уиллоуз мелькнула искорка понимания. Миссис Мэнсфилд устремила неподвижный взгляд в пространство перед собой, сцепив руки на коленях. Лаура Оуэн смотрела на Эллери совершенно безучастно, слепая и глухая ко всему окружающему.

— Второе… — сказал Эллери, опять вздохнув. — Во всех этих «подарках», сыпавшихся на нас весь день, как манна небесная, была какая-то необъяснимая закономерность. Я уже сказал, что дело это неординарное. Было ясно, что кто-то отчаянно пытается подтолкнуть нас к разгадке преступления, дать нам в руки ключ…

— Дать ключ? — нахмурился Гарднер.

— Вот именно. Миссис Оуэн, — мягко обратился к ней Эллери, — первая посылка была адресована вам. Что в ней было? — Она по-прежнему смотрела на Эллери без всякого выражения. Молчание становилось тягостным. Внезапно миссис Мэнсфилд схватила ее за плечо и легонько потрясла, как ребенка. Лаура очнулась и жалко улыбнулась Эллери. Он повторил свой вопрос.

Тогда она почти радостно, как старательный ученик, выпалила:

— Пара старых «спортсменок» Ричарда!

Эллери поежился:

— Одним словом, туфли. Далее. Миссис Уиллоуз. —

Несмотря на все свое хладнокровие, она внутренне напряглась. — Вам прислали второй «подарок». Что это было такое?

— Игрушечные парусники Джонатана.

— Или, опять же, одним словом, корабли. Миссис Мэнсфилд, вы стали получателем третьего послания. Что содержалось в нем?

— Ничего. — Она вскинула голову. — Я все-таки утверждаю, что все это чистейший вздор. Неужели вы не понимаете, что доведете так мою дочь, да и всех нас, до умопомешательства? Ноутон, почему вы не прекратите этот фарс? Если вы знаете, что случилось с Ричардом, то ради бога, скажите нам прямо.

Ноутон был неумолим. — Отвечайте на вопрос.

— Я же сказала: ничего там не было. Дурацкий пустой конверт, запечатанный нашим же сургучом.

— Итак, на этот раз, сургуч, — подхватил Эллери. — Следующим был Гарднер. Вас одарили поистине по-королевски. Это было не что иное как…

— Капуста, — неохотно ответил Гарднер, криво усмехнувшись.

— Именно! Два прекрасных кочана обыкновенной капусты. И, наконец, миссис Гарднер. На вашу долю достались…

— Две шахматные фигуры, — прошептала она.

— Да, но не простые фигуры, а два короля, не так ли? — Его серые глаза блеснули. Таким образом, если перечислить все «подарки» в том порядке, в каком нас ими бомбардировали, то получится, что нам напоминали о… — он приостановился, окинул их всех взглядом и продекламировал заговорщическим тоном: — «о туфлях, кораблях и сургуче, о капусте и королях»…

* * *

Наступила полная тишина. Наконец, Эмма Уиллоуз воскликнула:

— Диалог Моржа и Плотника! «Алиса в стране чудес»!

— Ай-яй-яй, мисс Уиллоуз, мне за вас стыдно. В какой именно части кэрроловской дилогии беседуют Морж и Плотник?

Напряженное лицо Эммы Уиллоуз осветилось: «Алиса в Зазеркалье»!

— «Алиса в Зазеркалье», — повторил Эллери в наэлектризованной тишине. — А подзаголовок книги вы не помните?

— «И что Алиса там увидела», — процитировала она с некоторым трепетом.

— Абсолютно точное воспроизведение, мисс Уиллоуз. Итак,

нам хотели подсказать, что мы должны проникнуть за зеркало и найти там нечто, связанное с исчезновением Ричарда Оуэна. Любопытная идея, не правда ли? — Он чуть наклонился вперед и продолжил деловым тоном: — Но разрешите мне вернуться к исходной точке моих рассуждений. Как я уже говорил, логично было предположить, что светящиеся часы не отражались в зеркале, потому что зеркала не было на месте. Стена капитальная и смещаться не может, откуда следует, что подвижным должно быть само зеркало. Возможно ли это? Вчера я битых два часа ломал голову над тайной этого зеркала — или, если угодно, — зазеркалья… — Они со страхом воззрились на высокое зеркало, откуда в сиянии электрических ламп им подмигивали их собственные отражения. — И когда я разгадал эту тайну и проник в зазеркалье, то как вы думаете, что я — довольно неуклюжая Алиса, надо признаться, — увидел там?

Ждать ответа было бы бесполезно.

Эллери быстро подошел к зеркалу и, приподнявшись на цыпочки, нажал невидимую пружину. И вдруг зеркало ожило. Оно медленно, как на шарнирах, подалось вперед. Ухватившись рукой за один край, Эллери потянул его на себя. И зеркало, подобно

дверям, отворилось и открыло взору присутствующих узкую, как шкаф, нишу…

Все, как одна, женщины завизжали от ужаса и зажмурили глаза.

Неподвижная фигура Сумасшедшего Шляпника с лицом Ричарда Оуэна вперила в них свой застывший, злобный и жуткий взгляд.

Пол Гарднер вскочил на ноги, задыхаясь и срывая с себя галстук. Его глаза вылезали из орбит.

— О-О-Оуэн… — прохрипел он, — Оуэн… Но этого же не может быть! Я… Я же своими руками закопал его под большим камнем в роще!.. О, мой бог… — Его зубы обнажились в дьявольской усмешке, глаза закатились, и он без чувств рухнул на пол.

Эллери вздохнул.

— Спасибо, Де Вер. — И Сумасшедший Шляпник вдруг пошевелился; его черты, как по волшебству, потеряли сходство с Ричардом Оуэном. — Вы можете теперь выйти оттуда. Исполнение было превосходным. И главное, фокус удался. Все произошло именно так, как я и рассчитывал. Вот вам наш преступник, Ноутон. И если вы зададите пару вопросов миссис Гарднер, то, я думаю, узнаете, что какое-то время назад она стала любовницей Оуэна. Гарднер же, очевидно, обнаружил это и убил его. Эй, эй, подхватите ее — и она туда же!

* * *

— Чего я не могу понять, — сказала Эмма Уиллоуз, возвращаясь тем же вечером в Нью-Йорк в одном купе с Эллери Квинном, — это… — Она в растерянности остановилась. — Я не могу понять очень многого, мистер Квинн.

— А между тем, все было очень просто, — устало заметил Эллери, глядя на мелькавшую в сумерках за окном местность.

— Но кто такой этот… Де Вер?

— Ах, Де Вер… Мой знакомый из театрального мира, временно «не у дел». Его амплуа — характерные роли. Вы вряд ли могли встречаться с ним раньше. Понимаете, когда нить моих умозаключений привела меня к зеркалу, и после тщательного осмотра я разгадал его секрет, я обнаружил там труп Оуэна в костюме Шляпника…

Она поежилась.

— Постановка была, на мой вкус, чересчур реалистична. Почему бы вам не рассказать об этой находке сразу?

— И что в результате? Против преступника не было никаких улик. Мне нужно было выгадать какое-то время, чтобы придумать план, как заставить убийцу выдать себя. Я оставил труп на месте…

— Вы хотите уверить меня, что с самого начала подозревали Гарднера? — прервала она его с откровенным недоверием.

Он пожал плечами.

— Разумеется. Оуэны приобрели этот дом всего лишь месяц назад. Пружина так хитроумно спрятана за зеркалом, что ее можно обнаружить только в том случае, если знаешь о ее существовании и ищешь специально. Я вспомнил брошенную Оуэном в пятницу реплику о том, что Гарднер проектировал эту часть здания. И тогда, естественно, мне стало все ясно. Кому, как не архитектору, должен быть известен секрет зеркала? Зачем он придумал тайник — не знаю. Причуда профессионала, наверное. Так что это мог быть только Гарднер. — Эллери в задумчивости разглядывал пыльный потолок купе. — Сообразить, как это произошло, было нетрудно. После того, как в пятницу все разошлись по своим спальням, Гарднер вернулся, чтобы выяснить отношения с Оуэном насчет своей жены — на редкость похотливая бабенка, кстати. Слово за слово, и кончилось тем, что Гарднер убил его. Скорее всего, это было непредумышленное убийство… Его первым побуждением после этого было — спрятать труп. Он не мог тащить его в сад в ту же ночь — сильный ливень оставил бы неизгладимые следы на его одежде. Тогда-то он и вспомнил о тайнике за зеркалом. Труп прекрасно полежит там, рассудил он, а тем временем дождь прекратится, земля просохнет, и он сможет спокойно перепрятать его в надежное место — вырыть могилу, или как-нибудь еще… Когда я открыл дверь в «берлогу», он как раз впихивал тело Оуэна в тайник — потому-то я и не увидел отражения часов. Пока я был в библиотеке, он вернул зеркало на место и прокрался наверх. Однако в этот момент я вышел из библиотеки, и он решил, что безопаснее заговорить со мной, а для пущей убедительности притворился, что принял меня за Оуэна.

В субботу вечером он усыпил всех нас, похоронил труп и затем, для отвода глаз, принял снотворное сам. Только он не знал, что я в тот день уже нашел тело Оуэна в тайнике. Когда в воскресение утром я обнаружил, что тело исчезло, мне, естественно, стала ясна причина всеобщего усыпления. Закопав труп в укромном месте, — притом, что даже сам факт убийства не установлен, как считал Гарднер, — он избавился бы от главной улики… Я же, улучив момент, позвонил Де Веру и дал ему необходимые указания. Он раздобыл где-то костюм Шляпника,

достал в театральном управлении фотографию Оуэна и приехал сюда. Пока вы все сидели под арестом в библиотеке, он спрятался в тайнике. Понимаете, я старался создать атмосферу пугающей таинственности, постепенно довести преступника до такого состояния, чтобы он не выдержал и сознался. Нужно было как-то заставить его раскрыть место, где он спрятал труп, — ведь кроме него никто не мог это сказать. И, как видите, это получилось.

Актриса искоса поглядывала на него умными карими глазами. Он издал громкий сокрушенный вздох и демонстративно отвернулся от ее стройных ног, вытянутых к противоположной скамейке.

— Но самое загадочное, — сказала она с привлекательной складкой между бровями, — эти кошмарные «подарки». Их-то кто выдумал?

Эллери довольно долго молчал, затем произнес безразличным и таким тихим голосом, что его едва было слышно из-за стука колес:

— Да, по существу, вы.

— Я?! — От неожиданности она даже открыла рот.

— В переносном смысле, конечно, — уточнил Эллери, закрывая глаза. — Дело в том, что ваша идея разыграть сцену «безумного чаепития» для ублажения Мастера Джонатана, да и вся атмосфера сказки достопочтенного Доджсона [12] дали толчок моей фантазии в соответствующем направлении. Просто открыть тайник и сказать, что там был найден труп Оуэна, или даже посадить туда загримированного Де Вера было недостаточно. Требовалось подготовить Гарднера психологически — сначала озадачить его, сбить с толку, а затем намекнуть, в чем смысл этой цепочки «подарков» и куда она ведет… Нужно было, так сказать, поиграть у него на нервах. У меня к этому слабость… Во всяком случае, не составляло труда позвонить моему отцу, инспектору полиции; он прислал сержанта Вейли, кому я и передал все те вещи, которые мне удалось стянуть в разных уголках дома. Упаковка и прочее — было делом Вейли.

Эмма Уиллоуз выпрямилась и смерила его возмущенным взглядом. — Мистер Квинн! Это… это что, в лучших традициях высших сыскных кругов?

Он сонно ухмыльнулся.

— Я был вынужден пойти на это, мисс Уиллоуз. У драмы свои законы. Уж вы-то могли бы это понять. Окружить преступника загадочными происшествиями, пока у него голова не пойдет кругом, довести до полной умственной прострации — и тогда внезапно нанести нокаутирующий удар! Нет, вынужден признать, с моей стороны это было чертовски умно.

Она так долго и пристально разглядывала его, изогнув под немыслимым углом свою по-мальчишески гибкую фигуру, что он заерзал и предательски покраснел.

— И что, позвольте спросить, — уронил он небрежным тоном, — служит причиной столь непристойного выражения на вашем лице, моя дорогая? Плохо себя чувствуете? Что-нибудь не в порядке? Нет, помилуйте, в самом деле, как вы себя чувствуете?

— Как сказала бы Алиса, — проворковала она, чуть наклонившись в его сторону, — «все любопытственней и любопытственней».

Брайан Олдисс
Пантомима

Брайан Олдисс

ПАНТОМИМА

Миссис Сноуден дряхлела с каждым днем. Дошло до того, что ей уже постоянно приходилось носить с собой квадратную

картонку, на которой крупными буквами было написано: «ПЕРЕСТАНЬ!». Она прятала ее на груди, под шерстяным джемпером, так, чтобы в любой момент можно было выхватить и ткнуть в лицо Паулине.

Они шли с Паулиной по боковой дорожке к дому. Странная из них получалась пара: трехлетняя замарашка и пожилая леди, тщетно старающаяся сохранить элегантность. Паулина шалила, скакала на одной ножке по каменной бровке, миссис Сноуден медленно шла следом, не сводя глаз с полоски голой земли у самой дорожки. Весна уже началась, скупая и медлительная, но слабо прогретая почва и не думала ей поддаваться. В этом году не взошли даже нарциссы.

«Ничего не понимаю, — подумала миссис Сноуден, — уж нарциссы-то ничего не боятся». Она стала перебирать в уме все, что все-таки могло на них повлиять: мороз (в этом году была суровая зима), истощение почвы (с тех пор, как семь лет назад начались военные действия, людям было не до удобрений), муравьи, мыши, коты, звук. Да, скорее всего — звук. В последнее время звук мог все.

Паулина с важностью стукнула в дверь медным молоточком и исчезла в доме. Миссис Сноуден немного помедлила на крыльце, оглянулась на дома за высокой оградой сада. Когда этот дом построили, он стоял один посреди пустынного поля, теперь же его с трех сторон окружали однообразные, вплотную прилепленные друг к другу домишки. Миссис Сноуден вдруг почувствовала, что они ей ненавистны. Поймав себя на этой мысли, она попыталась отвлечься, полюбоваться вечерним светом, падавшим на беспорядочно сгрудившиеся крыши домов. Солнечные лучи ложились мягкими, почти горизонтальными штрихами, и, глядя на них, она подумала, что скоро снова пора устраивать светомаскировку.

Потом закрыла дверь и, тяжело ступая, пошла в дом. Внутри ночь уже началась.

Внучка маршировала по комнате и в такт старательно колотила себя жестянкой по голове. Так она слышала звук удара. Миссис Сноуден потянулась было за картонкой с «ПЕРЕСТАНЬ!», но быстро опустила руку. Это движение становится уже автоматическим, надо следить за собой. Она зашла в музрадиотелекабину, в которой можно было пользоваться теперь только последним отделением, и повернула выключатель. После освобождения Исландии жить стало немного легче и теперь каждый вечер по телевидению показывали полуторачасовую программу.

Телевизор нагрелся, в голубой полусфере загорелось

изображение. Мужчина и женщина торжественно двигались в танце, без музыки. Для миссис Сноуден это было столь же бессмысленно, как книга с пустыми страницами, но Паулина перестала маршировать по комнате и уставилась на экран. Она улыбалась танцующей паре, ее губы шевелились, она что-то говорила.

«ПЕРЕСТАНЬ!», — внезапно взвизгнула немая картонка миссис Сноуден. Паулина состроила рожицу и что-то ответила. Она отпрянула, когда бабушка попыталась ее схватить, и побежала, подпрыгивая и опрокидывая стулья, вызывающе что-то при этом крича.

В бешенстве миссис Сноуден швырнула картонку в угол и закричала сердито (она всегда выходила из себя, когда ей напоминали о ее увечье), замахала худыми руками. Потом бросилась в музыкальное кресло — музыка, такая милая, такая недоступная музыка! — и заплакала. Ее собственный гнев доходил до нее откуда-то издалека, как будто сквозь целую толщу ваты, подчеркивая всю полноту изоляции. В такие минуты она совершенно падала духом.

Девочка осторожно приблизилась к миссис Сноуден, в глазах у нее светилась дерзость, она понимала, что победа осталась за ней. Потом скорчила потешную рожицу и закружилась на каблучках. Глухота ничуть не беспокоила ее, абсолютная тишина окружала ее с самого рождения. Своим безразличием она, казалось, издевается над миссис Сноуден.

— Ты звереныш! — сказала миссис Сноуден. — Глупый, жестокий звереныш!

Паулина ответила. Бессмысленный лепет, которому никогда уже не стать словами, слабые звуки, которые никто не смог бы услышать. Потом она, как ни в чем не бывало, подошла к окну, показала рукой на улицу, на чахло догорающий закат и принялась затягивать шторы. Сначала миссис Сноуден извлекла из-под старинной кушетки двадцатого века свое «ПЕРЕСТАНЬ!», а потом отправилась вместе с Паулиной по дому затягивать тяжелые складки черного бархата на окнах.

Паулина снова стала шалить, прыгать. Оставалось только удивляться, как это ей удается при таком скудном питании. «Наверное, к лучшему, что приходится присматривать за ребенком, — подумала миссис Сноуден. — Так сохраняется хоть какая-то связь с жизнью». Веселое настроение ребенка немного передалось и ей, и они заторопились из комнаты в комнату, как будто несли кому-то добрую весть, и комнаты за ними погружались в темноту, а затем вспыхивали лампами звукового накаливания. Они взбежали по лестнице, на секунду замешкались

у окна на лестничной площадке и промчались по всем спальням, превратив их жидкий вечерний сумрак в настоящую цитадель яркого света. Весело смеясь, Паулина бросилась в постель. Миссис Сноуден схватила ее, раздела, тормоша и пощипывая, и накрыла видавшим виды одеяльцем. Потом поцеловала девочку на ночь, погасила свет, закрыла дверь и обошла все комнаты, выключила свет и там.

Как только бабушка вышла, Паулина спрыгнула с кровати, пробежала в ванную, открыла аптечку и вынула оттуда пузырек с надписью «Снотворное». Открыв его, она скорчила рожицу перед зеркалом и проглотила одну таблетку. Потом поставила пузырек на место и хлопнула дверцей. Этот, издававший шум предмет, она тоже хранила в тайне.

Она не понимала, что она делала, ведь у нее было смутное представление о значении всех этих предметов. Она их вообще почти не отличала один от другого. Все, что окружало ее, делилось на две обширные категории: «то, что имеет к ней отношение» и «то, что не имеет».

Громко топая ножками (она все так же не слышала ни звука), Паулина подошла к кровати, состроив рожицу пострашнее, чтобы отпугнуть темноту. Устроившись в постели, она стала думать. Зачем она ворует бабушкины таблетки? Наверное, затем, чтобы избавиться от картинок. Таблетки отгоняют их и превращают все в черную пустоту.

Чаще всего появлялась картинка, вызывавшая боль. Теплота, лицо, нежность, что-то очень смутное и в то же время очень знакомое, кто-то мягкий и нежный, который давно уже не появлялся, он носил ее и ласкал. Когда Паулина вспоминает о нем, ей всегда хочется плакать.

Мучительная картинка ушла, появилась скучная картинка. Высокая, пахнущая старостью женщина, вдруг ставшая всем после того, как та, другая, ушла: скрюченные пальцы, истертые пуговицы, медлительная возня у плиты, картонки с бессмысленными значками — занудная и непонятная, как и все, что она делала.

Новая картинка. Комната там, в конце улицы, куда ее водили каждое утро. В ней полно маленьких людей. Одни — такие же как она, в платьицах, другие — коротковолосые и непоседливые. Там были и большие, в руках у них тоже таблички, с отчаянными лицами они ходят между рядами и руками пытаются объяснить что-то совершенно непонятное.

Еще одна картинка. Она вытолкнула все остальное. На этот раз — что-то очень нужное, странное, как солнечный свет, что-то навсегда утерянное, утерянное… как смех…

Таблетка сработала, как бомба замедленного действия, и Паулина уже спала крепко, без сновидений, только остатки возбуждения, полученного за день, слабо шевелились в ее мозгу.

Миссис Сноуден выключила телевизор и откинулась в кресле. Показывали немой фильм — новейшие научные изыскания отбросили развлечения на много лет назад, на ту стадию, на которой они находились в молодые годы ее дедушки. Некоторое время она следила за немыми жестами, сопровождаемыми колонкой диалога:

Джин: Значит, ты знал, что он мне не отец, Денис?

Денис: С первой же встречи в Мадриде.

Джин: А я поклялась, что никто никогда не узнает.

Вздохнув, миссис Сноуден выключила эту чепуху и опустилась в кресло, прикрыв глаза рукой. Телевидение только подчеркивало ее одиночество, одиночество каждого из людей. Она усмехнулась про себя, вспомнив, как в газетах называли эту войну Гуманной. И ей захотелось, чтобы война была, как прежде, варварской, — с бактериями и водородными бомбами, чтобы человек лишился своего «я», стал чем-нибудь вроде Генри Моора, затиснутого в бомбоубежище в толпе себе подобных. Теперь же, оставленная наедине с собой, она чувствовала, что ее собственная индивидуальность превращается в страшную тяжесть.

Муж миссис Сноуден ушел в самом начале войны, да так и не вернулся. Он работал в каком-то секретном месте, где, — она не знала. Уже два года от него не было вестей. Раньше он каждый год присылал поздравления к рождеству, но однажды почему-то не прислал, а потом, когда бумаги стало не хватать, письма вообще запретили. Она даже не знала, жив ли он или нет. А, впрочем, сейчас это ее волновало не очень. Сердечные привязанности сделались неуместными.

Миссис Сноуден приехала к родителям сюда, в старый дом, после того, как попала под сокращение, и ее уволили из Университета. Тогда закрывали все факультеты, кроме естественных. В одну из голодных зим умерла мать, а потом и отец. Затем, во время звукового налета, погибла ее замужняя дочь. И Паулина, крохотный несмышленыш, стала жить с ней.

Все это бездушные, сухие факты, подумала она. Факты излагают для того, чтобы объяснить, как возникла та или иная ситуация, но чтобы объяснить саму ситуацию…

Никто на Земле не слышит ни звука. ВОТ единственно важный факт.

Она вскочила и резко отдернула край занавески. Грязно-серые лохмотья вечернего света все еще колыхались над сомкнутыми рядами дымоходов. Чем больше нагромождалось

домов вокруг, тем более одинокой она себя чувствовала. «Должно быть, пришел час всеобщего сумасшествия», — громко сказала она и задернула занавеску. Что-то громадное и ужасное пришло, чтобы прервать череду дней. Она скользнула взглядом по тройному ряду старых монографий над письменным столом: «Литература тысяча восемьсот девяностых» Джексона, «Научная фантастика начала двадцатого века» Монтгомери, «Романисты психологической эры» Слейда, «Золя» Вильсона, «Вильсон» Ноллибенда — ряд ископаемых, так же безнадежно мертвых, как и те разделы «Англ. лит.», которые они некогда пестовали.

— Мертвец! — воскликнула она. — Культура Ковентри! — сказала шепотом и пошла приготовить что-нибудь на ужин.

— Старая карга, — сказала она себе. — Ты выживешь.

На ужин была все та же виброкультура, пустая, безвкусная, бесполезным грузом набивающая желудок. В госпиталях Англии больных бери-бери было столько же, сколько и раненых. Звук правил оглохшим миром. Он разрушал дома, убивал солдат, рвал в клочья барабанные перепонки и раздувал до невероятных размеров белки в соединениях аминокислот.

Звуковая революция произошла на заре этого столетия, после тридцати лет мирной жизни. Прогресс двинулся в новом направлении. Все было так просто и так совершенно, пропусти ток через особую кварцевую пластину, и фюить! Делай, что хочешь! Самым заметным результатом стала глобальная война. Воюющие стороны придерживались некоторых гуманных ограничений: газы, атомное и водородное оружие было запрещено. Война и в самом деле была Гуманной. ВД (вибродвижение) все взяло на себя. Оно научилось увеличивать объем живых клеток растений в несколько раз, так что из одной картофелины можно было готовить обед года два, оно научилось распылять кирпич и металл, так что целый город можно было спокойно превратить в кучу мелкой пыли, оно научилось превращать человеческое ухо в беспомощный полый завиток хряща. Казалось, нет предела его возможностям.

Миссис Сноуден с чувством собственного достоинства жевала свои надувные дрожжи и думала о другом. Она думала (последнее время ее тянуло к высоким материям) о развитии человеческой истории, как вдруг что-то заставило ее оглянуться на трубку над камином. Трубка эта была обязательным элементом оборудования в каждом доме, что-то вроде уха, предназначенного для регистрации сигналов звуковой тревоги.

Волосок ликоподия вяло шевелился в трубке. Должно быть, внутрь попала влага, он был явно не в порядке. Она продолжала есть, хмуро думая о будущих поколениях: сколько важнейших

достижений человечества поглотит эта оболочка глухоты?

По инструкции, ей надо бы, увидев подергивание волоска, хватать Паулину и бежать куда-нибудь на открытое место. Когда включалась сирена, все выбегали из дома и терпеливо ждали под открытым небом, и, если звук слизывал их дома, людей только осыпало пылью, не причиняя никакого вреда. Миссис Сноуден больше не интересовали эти глупости.

Это унизительно, считала она, стоять на холоде и безропотно ждать чего-то. Если бы над головой кружили вражеские самолеты, желание поступить наперекор, бросить им вызов, выгнало бы ее из дома, но во время современных налетов было только безмятежное небо, вечная тишина, а потом — внезапная пульверизация и отбой, и тогда покорным стадом люди брели назад, в свои постели.

Она отнесла тарелку на кухню, а когда вернулась в гостиную, репродукция «Египтянки» Меллора вдруг сорвалась со стены и бесшумно упала на пол, рама и стекло разбились вдребезги.

Миссис Сноуден подошла и некоторое время смотрела на нее. Потом, будто ее кто подтолкнул, она кинулась к окну и выглянула. Все соседние домишки исчезли.

Она бросила занавеску, взбежала наверх, схватила Паулину и стала ее трясти, а опомнившись, уже не знала, то ли волнение, то ли ужас заставили ее метаться по дому.

— Дома исчезли! Дома исчезли!

В абсолютной тишине девочка начала медленно просыпаться.

Миссис Сноуден схватила ее и бросилась по лестнице вниз, потом на улицу, на лужайку перед домом. Из открытой двери по голым клумбам полоснул яркий луч света. В беззвучной темноте над головой мог висеть самолет-корректировщик, но миссис Сноуден в лихорадке уже ни на что не обращала внимания.

По странной случайности уцелел только их дом. На целые мили вокруг простиралась новая пустыня, клубилась, оседая, пыль. Новизна, необычность этого зрелища были прекрасны, это была не катастрофа, это было освобождение.

Потом они увидели великанов.

На расстоянии их очертания просматривались очень смутно, но выглядели они вполне реально, хотя и неправдоподобно. Они были очень высокие. Сколько футов? Десять, пятнадцать, больше? «Солдаты противника», — с ужасом подумала миссис Сноуден. Новейшее применение звука. Он теперь увеличивал уже человеческие клетки, как раньше — растительные. На мгновение у нее мелькнула мысль: она где-то читала, что человеку-великану не выжить, что это невозможно или еще что-то, но потом все мысли исчезли. Остался ужас.

Великаны все росли и росли. Они были уже выше дома, футов по тридцать, а то и больше. Они стали подергиваться, как пьяные танцоры.

Фантастика, бред! Паулина заплакала.

Вдруг миссис Сноуден почувствовала, как странный холодок лизнул ее ноги. Она невольно задрожала. Ее тело забило тревогу, она с ужасом чувствовала, как что-то забирается в кровь. Она хотела прикрыть глаза рукой, но рука вдруг замаячила далеко-далеко. Рука вытянулась. Она росла.

Теперь она поняла, что великаны — не солдаты противника, это жертвы. Сначала выкуривают всех из домов, один тип ВД стирает в порошок дома, другой — вздувает людей, раздувает их как неуклюжие резиновые куклы. Просто. Научно. Гуманно.

Миссис Сноуден раскачивало как жердь. Чтобы удержать равновесие, она неуклюже шагнула вперед. У нее кружилась голова, она оглянулась на пустые окна своей спальни, отпрянула, чтобы не упасть на дом. Боли не было. Прервались нервные связи. Только тупость во всем теле, тупость и непрерывный бешеный рост.

Как в кошмарном сне, она еще видела танцующих великанов. Теперь она поняла, почему они танцуют. Пытаются приспособиться. Прежде чем им это удавалось, прекращался обмен веществ. Они неуклюже падали посреди пустыни — гигантские пыльные трупы, наполненные звуком и тишиной.

Забавно, подумала она, впервые за столько лет такой трам-тарарам. Потом, не выдержав нагрузки, остановилось сердце.

Она рухнула во весь рост, картонка с «ПЕРЕСТАНЬ!» весело выпорхнула из джемпера и, быстро вращаясь, полетела вниз, мелькая в клубах пыли.

Паулина уже переросла бабушку. Молодой организм жадно бросился в рост. Она вскрикнула от изумления, когда голова ее взлетела вверх, к темному небу. Она увидела, как упала бабушка. Увидела слабый пучок звукосвета, выбивающийся из двери их маленького домика. Чтобы удержать равновесие, она шагнула вперед, в пустыню. Потом побежала. Земля уходила вниз, вниз. Она ощущала тепло звездного света, плавный изгиб Земли.

Изумление и восторг гудели в ее мозгу, как шершни в банке с медом, как пчелы в улье, как мухи под куполом часовни, как комары на плантации, как мошкара в Сахаре, как искры в дымоходе; комета, несущая свой хвост в бесконечную тишину падения, голос, поющий в неведомой Вселенной.

Брайан Олдисс
Пара-циклоп

Брайан Олдисс

ПАРА·ЦИКЛОП

Мммм. Я.

Первая мысль: я есть я. Я есть все. Все и везде. Все, все, все

ммммм.

Вселенная состоит из меня, я — это Вселенная. А если нет? Что это так равномерно пульсирует рядом? Нет, это, должно быть, тоже я, просто я еще не все понимаю. Все сейчас в тумане. В тумммане мммм.

Даже я — туман. И во всей моей бесконечности, во всей моей огромной и странной темноте я — тень. Память меня. Но могу ли я быть памятью… не-меня? Парадокс: если я — все, то может ли существовать еще кто-нибудь, не-я?

Откуда у меня берутся мысли? Почему я уже не как раньше, просто мммм?

— Проснись! Проснись! Да проснись же, наконец!

Нет! Не обращать внимания! Вселенная — это я. Раз ты говоришь со мной, значит ты — это я, и я приказываю тебе замолчать. Хочу только убаюкивающее, обволакивающее мммм.

— …Ты не Вселенная! Слушай, что я тебе говорю!

Громче?

— О господи, слышишь ты меня или нет?

Не понимаю. Я должен быть — все. Может ли часть меня, вроде этой пульсации, существовать… отдельно?

— Ты меня слышишь? Отвечай!

— Кто… кто ты?

— Слава богу, наконец-то ты стал принимать. Не бойся.

— Ты еще одна Вселенная?

— Я не Вселенная. Ты не Вселенная. Ты в опасности, и я должен тебе помочь.

Я… Опасность. Нет, свернуться, сжаться, мммм! Во всем мире только я. Не верить ничему, кроме меня.

— …нужно быть осторожнее. Ну и работка, черт возьми! Эй, там, не спи.

Мммм. Хочу мммм…

— …Был бы психоэмбриолог где-нибудь в десятке световых лет отсюда… Ну, надо продолжать. Эй, проснись! Проснись, если хочешь жить!

— Ты кто?

— Я твой отец.

— Непонятно. Где ты? Ты — это пульсация, которая есть не-я?

— Нет. Я далеко от тебя. Много световых лет… О, ч-ч-черт! Ну, как ты ему объяснишь?

— Оставь меня в покое. Когда ты говоришь со мной, я чувствую… боль.

— Держись за эту мысль, сынок, помни о боли. Не бойся ее, но знай, как много боли вокруг тебя. Меня она не оставляет ни на

минуту.

— Интересно.

— Хорошо! Сначала — о главном. Самое важное — это ты.

— Я знаю. Это все не настоящее. Это сон, это эхо, которое я как-то улавливаю. Я придумываю, на самом деле есть только я и ничего, кроме меня.

— Постарайся сосредоточиться. Ты — всего лишь один из миллионов себе подобных. Я и ты — одной породы. Мы — люди. Только я уже родился, а ты — нет.

— Бессмысленно.

— Послушай! Твоя «Вселенная» находится внутри другого живого существа. Скоро ты придешь в настоящий мир.

— Так же бессмысленно. Любопытно.

— Не расслабляйся. Я пошлю тебе изображение, чтобы ты понял.

— А…? Расстояние? Свет? Цвет? Форма? Совсем не нравится. Боюсь. Боюсь упасть, страшно… Сейчас же вернуться в спокойное ммм. Мммм.

— Бедный малыш. Лучше оставить его в покое. Что, если он умрет? В конце концов, ему только шесть месяцев. В Академии эмбрионовоспитания их начинают будить и обучать только в семь с половиной. И потом, там работают специалисты. Если б я знал… Осторожнее ногу, ты, синий черт!

— Это изображение…

— А, ты еще здесь. Молодец! Ужасно жаль, что я разбудил тебя так рано, но у меня не было другого выхода.

— Меня хвалят, жалеют. Хорошо. Чудесно. Лучше, чем быть одному во Вселенной.

— Это уже кое-что, сынок. Ха, когда ты так говоришь, я, кажется, представляю себе, что чувствовал Создатель.

— Непонятно.

— Извини, я забылся. Не обращай внимания. Надо поосторожнее. Ты спрашивал про изображение. Послать еще?

— Только понемножку. Странно. Очень странно. Форма, цвет, красота. Это и есть настоящая Вселенная?

— Я просто показал тебе Землю, где я родился и где, надеюсь, родишься и ты.

— Непонятно. Покажи еще… формы, звуки, запахи… А, на этот раз уже не так странно. Другое?

— Да, другое изображение. Вот еще Земля, смотри.

— А… Лучше, чем моя темнота… Я знаю только темноту, теплую и ласковую, но мне кажется, что я уже видел эти деревья.

— Родовая память, сынок. Мы с тобой делаем успехи. Твой мозг начинает работать.

— Еще красивые картинки, пожалуйста.

— Нам нельзя терять время на картинки. Мне нужно многое рассказать тебе, пока ты в пределах слышимости. И… эй, чего это мы остановились? Эти синие черти…

— Почему ты так внезапно замолчал? Эй?.. Ничего. Отец?., ничего. Может, ничего и не было, может, мне все только приснилось и на самом деле я один?

Ничего во всей моей Вселенной, только эта пульсация. Пульсация рядом. Здесь кто-нибудь есть? Эй? Нет, молчание. Нужно спросить у голоса, если он вернется. А сейчас я должен мммм. Уже не так хорошо, как раньше. Странное чувство… Я хочу еще картинок, я хочу… быть… живым. Нет, нужно мммм.

Мммм.

Мне снится: я — рыба, у меня — хвост-плавник, я скольжу в глубокой, спокойной воде. Все зеленое, теплое и совсем не страшное, я плыву и плыву и ничего не боюсь… И вдруг вода взрывается плотными, как веревки, волнами, они бьют меня, вода устремляется вниз, вниз, вниз по залитой солнцем скале. Я бросаюсь назад, я хочу вернуться в глубокую безмятежную тьму, но меня уносит вперед…

— …если хочешь спастись! Просыпайся, если хочешь спастись! Я так долго не выдержу. Еще пару дней по этим проклятым горам…

— Уходи! Оставь меня! Я не хочу.

— Маленький мой! Постарайся понять. Я знаю, как это мучительно для тебя, но ты должен встряхнуться и хорошенько запомнить все, что я говорю. Это необходимо.

— Здесь необходимости не бывает. А ведь он оказал: «родовая память». У меня в голове, кажется, все проясняется. Да! Я существую во тьме моей головы, где раньше ничего не было. Да, верно, необходимость может быть. Отец?

— Что ты хочешь сказать?

— Растерян. Понимаю лучше, стараюсь больше, но так растерян. И потом, все время эта пульсация рядом.

— Не беспокойся, это твоя сестра. В больнице на Поллюкс-2 сказали, что будут близнецы — мальчик и девочка.

— Так много новых понятий, я не успеваю. Я бы бросил все это, но меня подстегивает любопытство. Объясни сначала, что такое «девочка», «мальчик», «близнец» и «сестра».

— Нашел время! Ну, вот что. Для продолжения рода мы, люди, разделены на два пола. Оба пола эти называются мальчики и девочки. Для удобства было решено, что маленькие продолжения вроде тебя должны находиться внутри девочек до тех пор, пока не окрепнут и не смогут жить самостоятельно.

Иногда эти маленькие продолжения рождаются по одному, иногда по два, три и даже больше.

— И я — один из двух?

— Вот именно. Рядом с тобой лежит маленькая девочка, ты слышишь, как бьется ее сердце. Твоя мама…

— Подожди, подожди! Слишком много сразу, я не пойму. Должен обдумать это. Потом позову тебя.

— Только недолго. С каждой минутой тебя уносит все дальше и дальше…

— Надо сосредоточиться. Голова идет кругом. Все так странно! И моя Вселенная сжалась до размеров матки. Я немею, просто немею. Не могу справиться со всем этим. Нем. Мммм.

Назад, в глубокую тьму, убаюкивающую и обволакивающую. Теперь я — рыба, серебристым мерцанием скольжу в неподвижной воде. Вокруг все спокойно, но впереди… Берег! Я взмахиваю хвостом и поворачиваю обратно. Слишком поздно, слишком.

— Эй, там, без паники. Это я!

— Опасность, ты сказал — опасность.

— Успокойся, не надо волноваться. Ты должен кое-что сделать для меня… для всех нас. Если сделаешь, никакой опасности не будет.

— Говори скорей.

— Пока еще слишком трудно. Ты сможешь все понять через пару дней… если я сумею столько продержаться.

— Почему трудно?

— Только потому, что ты еще маленький.

— Где ты?

— Я на одной планете, она похожа на Землю. Находится на расстоянии 90 световых лет от Земли и улетает все дальше от тебя даже сейчас, когда мы разговариваем.

— Как? Почему? Не понимаю. Так много непонятного. До тебя все было спокойно, туманно.

— Ну-ну, сынок, не волнуйся. Ты молодец, быстро соображаешь, вы еще попадете на Землю. Вы летите к Земле в звездолете, который стартовал с Мироны (это планета, где я сейчас) шестнадцать дней назад.

— Пошли изображение звездолета еще раз.

— Держи…

— Что-то вроде железной матки для всех нас. Это я могу более-менее понять, но ты плохо объяснил мне про расстояние.

— То, что мы называем световым годом, — очень большое расстояние. Я не могу тебе его описать как следует, потому что человеку его по-настоящему не представить.

— Значит, оно не существует?

— К сожалению, существует. Еще как! Но его можно представить только математически. О-х-х-х! Нога…

— Почему ты молчишь? Ты уже и раньше замолкал, так неожиданно… Сначала в твоих мыслях ужасная боль, а потом ты исчезаешь. Отвечай!

— Подожди немножко.

— Я тебя почти не слышу. Теперь мне уже интересно, почему ты молчишь? Ты слышишь меня?

— …это сверх моих сил. Джуди, любовь моя, если б только я мог связаться с тобой…

— С кем ты разговариваешь? Отвечай немедленно! Это все так неприятно. Тебя так плохо слышно, так трудно понять, что ты говоришь.

— Позову тебя, когда смогу…

Боль и страх. Всего лишь сигналы от его мозга к моему, но в них есть что-то смутное, что-то очень неприятное. Наверное, тоже родовая память.

У меня плохая память. Неразвитая. Нужно ее тренировать. Он что-то сказал такое… я должен вспомнить. А, собственно, зачем? Это ведь меня и не касается по-настоящему, я здесь в безопасности, всегда в безопасности в этой темноте.

Вспомнил! Здесь ведь рядом еще одна сестра. Почему он не связался с ней? Может, я смогу, я ведь ближе.

Сестра! Сестра! Я тебя вызываю. Этот стук идет от нее, но она молчит.

Нет, это все мое воображение. Я разговариваю сам с собой. Постой! Я ощущаю его мысль как какую-то отдаленную пульсацию. Он снова вызывает меня. Не стоит прислушиваться к его головоломкам.

Любопытно.

— …гангрена, как пить дать. Умру раньше, чем эти синие черти донесут меня до деревни. У нас с Джуди было столько планов… Ты слушаешь, сынок?

— Нет-нет.

— Слушай внимательно, — я расскажу тебе, что ты должен сделать.

— Хочу что-то спросить.

— Не нужно, пожалуйста. Слышимость между нами все время ухудшается, скоро мы будем за пределами психической связи.

— Безразлично.

— Сыночек, маленький мой, ну конечно же, тебе еще все безразлично! Как жаль, что я так рано разбудил тебя.

— Непонятное ощущение, полуприятное — благодарность,

любовь? Наверняка, родовая память.

— Может быть. Помни обо мне… потом. А сейчас — к делу. Мы с твоей мамой возвращались на Землю и по пути остановились на Мироне, на той планете, где я сейчас. Это была такая ненужная роскошь, летели бы себе прямо. Господи, зачем мы только сделали эту остановку?

— Зачем?

— Ну, в основном, чтобы доставить удовольствие Джуди — твоей маме. Это красивая планета, во всяком случае, у Северного полюса. Не успели мы немного отойти от корабля, как на нас набросилась толпа туземцев.

— Туземцев?

— Это люди, которые здесь живут. Они еще полудикие, с голубой кожей и совершенно лысые — зрелище не из приятных.

— Изображение!

— Нет уж, не стоит, пожалуй. Мы с Джуди со всех ног бросились к кораблю. Мы уже почти добежали до него, когда камень попал мне в коленную ямку (они швыряли в нас камнями) и я упал. Джуди увидела это только когда уже была в шлюзовой камере. А потом на меня навалились дикари. Я не смог даже сопротивляться: мне здорово попало по ноге.

— Пожалуйста, не надо больше об этом. Мне плохо. Я хочу мммм.

— Подожди, сынок, не отключайся! Самое страшное я уже рассказал. Я крикнул Джуди, чтобы она улетала, спасала себя и вас с сестренкой. Дикари несут меня через горы в свою деревню. Вряд ли они настроены враждебно; я для них просто вроде… диковинки.

— Пожалуйста дай мне мммм.

— Я только объясню тебе, как управляют малыми звездолетами этого типа, и можешь спать, сколько угодно. Астронавигация — перелет с одной планеты на другую — слишком сложная вещь, ею может овладеть только специалист. Я не специалист, я геоисторик. Поэтому на корабле всем заведует киберпилот. Ему нужно только задать некоторые данные, такие, как полезный вес, гравитационные поля, пункт назначения, а уж он сравнит их с информацией, заложенной в блоках памяти, и рассчитает за тебя весь курс, то есть, доставит тебя в целости и сохранности домой. Это понятно?

— Наверное, это очень сложно.

— Сейчас ты заговорил, как твоя мама, малыш. Она никогда не давала себе труда понять, что к чему. А ведь все очень просто. Все сложности происходят под стальными панелями, тебе о них беспокоиться не нужно. Я хочу сказать, что управление кораблем

совершается автоматически, надо только задать пару координат.

— Я смертельно устал.

— Я тоже. К счастью, перед тем, как выйти из корабля, я ввел всю информацию, необходимую для полета на Землю. Понимаешь?

— Если бы ты этого не сделал, она бы не смогла попасть домой?

— Вот именно. У тебя голова твоего отца, сынок. Так держать! Она стартовала с Мироны без помех и сейчас все вы летите на Землю… Только у вас ничего не выйдет. Когда я вводил информацию, она была правильной, а сейчас уже нет, потому что на борту не хватает меня. С каждой секундой разгона корабля учитываются лишние семьдесят три килограмма, которых на нем нет. Они здесь, со мной, их волокут через гору.

— А это плохо? Не считая, конечно, тебя. Значит ли это, что мы попадем на Землю, двигаясь с повышенной скоростью?

— Нет, сынок. Это значит, что ВЫ НИКОГДА НЕ ПОПАДЕТЕ НА ЗЕМЛЮ. Корабль летит по гиперболе и, хотя мой вес составляет всего лишь одну восьмитысячную от общего веса корабля, эта ничтожная ошибка, когда вы долетите до Солнечной системы, превратится в пару световых лет.

— Я стараюсь, но весь этот разговор о расстоянии мне не понятен. Расскажи еще раз.

— Там, где ты находишься, нет ни света, ни пространства. Как же я объясню тебе, что такое световой год? Ты просто должен запомнить главное, то, что вы промчитесь мимо Земли.

— А разве мы не можем лететь дальше, пока не попадем на какую-нибудь другую планету?

— Можете, если ничего не удастся сделать. Но посадку придется отложить на несколько тысяч лет.

— Тебя слышно все хуже. Слишком большое напряжение. Должен мммм.

Снова рыба, и вода вокруг нее, и глубина. Только нет уже спокойствия в пруду. Он холоден, он жесток, этот пруд, пруд… Воду закручивает в воронку и несет к берегу.

Я — рыбий зародыш. Я, наверное, спал? Со мной разговаривал какой-то голос? Навряд ли. А если он и говорил со мной, то говорил ли он правду? Что-то надо было спросить у него, что-то ужасно важное. Что-то… А, не помню. Если бы вспомнил, все вернулось бы на свои места.

Может быть, никакого голоса и не было? Может, я стал развиваться не в том направлении в этой темноте: ошибся в выборе между здравым рассудком и больным? Тогда, должно быть, верной была моя первая мысль. Я есть все и я —

ненормальный!

На помощь! Говори со мной, говори!

Нет ответа. Только пульсация. Ага, вот о чем я хотел спросить…

— …слава богу… в ручье горячая вода…

— Эй! Отец?

— Долго они меня продержат в этой луже? Должны же они понять, что мне не прожить в этом их мире, да и в любом другом тоже.

— Я не сплю и готов отвечать!

— Только дайте мне полежать здесь. Самое первое удовольствие для человека, сынок, — лежать и мокнуть в горячей воде. Если б я мог дожить и увидеть тебя… Однако, за работу. Чтобы выбраться из этой переделки, ты должен сделать вот что.

— Бессилен. Ничего не могу сделать.

— Не бойся. Кое-что у тебя уже получается, и очень неплохо — передача мыслей на расстоянии.

— Непонятно.

— Мы разговариваем друг с другом, хотя расстояние между нами все время увеличивается, при помощи так называемой телепатии. Наполовину это — врожденная способность, а наполовину — дело навыка. Сейчас это единственное средство связи между отдаленными планетами, если не считать звездолетов. Но звездолету требуется время, чтобы долететь куда-нибудь, а мысль срабатывает мгновенно.

— Понял.

— Молодец. К несчастью, звездолет может со временем долететь куда угодно, а радиус действия мысли связан с определенными границами. Дальность связи так же строго ограничена, как… ну, как размеры растений, например. Когда ты будешь на расстоянии пятидесяти световых лет от Мироны, связь между нами прервется.

— Что останавливает мысль?

— Не знаю. Точно так же, кстати, как не знаю и того, что ее порождает.

Другой очевидный вопрос: как далеко мы сейчас друг от друга?

— Нам осталось сорок восемь часов, не больше. Потом связи не будет.

— Не оставляй меня. Мне будет скучно!

— Мне тоже будет скучно. Правда, недолго. Но ты, сынок, уже на полпути к Земле или что-то около этого, по моим подсчетам. Как только связь между нами прекратится, ты должен вызвать ТЦЗ.

— Что значит?

— Телепатический Центр Земли. Это центр общего контроля и информации, он всегда настроен на прием, на всякий случай. Ты можешь их вызвать, я — нет.

— Они меня не знают.

— Я дам тебе их позывной. Свяжешься с ними — они тебя и узнают. Если хочешь, дашь им мой позывной. Ты должен объяснить, что случилось.

— А вдруг не смогу?

— Что ж ты, не сумеешь объяснить? Ну, что вы пролетите мимо Земли?

— А они поверят?

— Конечно.

— Они настоящие?

— Конечно.

— Трудно поверить, что есть еще люди кроме нас. Я хотел тебя спросить…

— Одну минутку. Давай выясним все до конца. Сообщишь в ТЦЗ в чем дело, они вышлют за вами скоростной корабль и снимут Джуди и вас, пока вы не улетели слишком далеко.

— Да, теперь я понял. Я все-таки хочу опросить тебя.

Голос…

— Подожди минутку, сынок… Это ты теряешь сознание, или я?.. Чувствуешь этот гангренный запах на таком расстоянии?.. Эти синие чудища собираются вынуть меня из воды, я, наверное, потеряю сознание. Осталось мало времени…

— Отец, что это за «время», которое так много значит для тебя?

— …время, как неудержимый поток, несет своих сыновей… А-а-а-х-х… Времени, сынок, времени никогда не хватает…

— Боль. Боль и молчание. Как все изменилось. Неужели мир и в самом деле так ужасен, как он говорит? Все, как во сне.

Мммм. Только тьма и молчание. Голоса нет. Напрягись. Попробуй.

— …расстояние…

— Голос! Отец! Громче!

— …слишком слаб… Сделал все, что мог…

— Скажи мне только одну вещь, отец!

— Быстро.

— Трудно было будить меня вначале?

— Трудно. В Академии эмбрионовоспитания тренировку и обучение эмбрионов начинают только с семи с половиной месяцев. Но у меня не было другого выхода. Я должен был… ох, как я устал…

— Тогда почему же ты не стал разговаривать с мамой, а разбудил меня?

— Поселок! Мы почти на месте. Только спуститься в долину, и все… Человечество только начинает развивать телепатические способности… Осторожнее, вы!

— Вопрос, ответь на вопрос!

— Это и есть ответ. Полегче вниз по склону, ребята. Вы хотите, чтобы эта громадная ножища лопнула, да? Так вот… У меня были способности, а у Джуди — нет. Она не слышала меня даже на расстоянии одного ярда. А вот у тебя такие способности есть. Полегче, о-х-х!

Сейчас для меня весь мир — моя нога…

— Но почему… твои мысли так путаются… почему?

— Старая добрая теория Менделя… Взять тебя и твою сестру, один слышит, а другая — нет. У великана два глаза, и только один видит нормально… тропинка слишком крута, чтобы… ой-й-й! Циклопы, спокойно, парень, а то выбьешь и другой глаз.

— Не могу ничего понять.

— Понять? Моя нога — как пылающий факел, — выжигай глаз кому угодно. Спокойно, спокойно! Тихонько вниз по склону голубого холма.

— Отец!

— В чем дело?

— Я не могу понять. Ты говоришь о реальных вещах?

— Извини, мой мальчик. Спокойно. Немного забылся, это от боли. Если ты свяжешься с ТЦЗ, с вами будет все в порядке. Не забыл?

— Нет, не забыл. Если б я только мог… Я не знаю. Значит, мама — настоящая?

— Да. Ты должен беречь ее.

— А великан тоже настоящий?

— Великан? Какой великан? А, ты имеешь в виду гигантский холм. Люди взбираются на гигантский холм. К моей гигантской ноге. Прощай, сынок. Я должен поговорить с синим человеком о… ноге… ноге…

— Отец!

— …голубой телячьей ножке…

— Отец! Ты куда? Подожди, подожди, смотри, видишь, я уже могу немного двигаться. Я только что заметил — я могу поворачиваться. Отец!

Ответа больше нет. Только тонкий поток тишины да пульсация. Пульсация. Моя молчаливая сестра. Она не умеет думать, как я. Я должен вызвать ТЦЗ.

Еще успею. Может, если я сначала повернусь… Легко. Он

сказал, что мне всего шесть месяцев. Может, связаться будет легче, если я выберусь наружу, в настоящую Вселенную? Если я снова повернусь…

Теперь, если я толкну…

А, теперь легче. Толкну еще раз. Интересно, у меня тоже голубые ноги?

Р-раз!

Хорошо. Что-то поддается.

Р-раз…

Джон Браннер
Заглянуть вперед

ЗАГЛЯНУТЬ ВПЕРЕД

1

Это сон. Это должен быть сон. Должен! Макс Хэрроу еле

слышно застонал, снова и снова повторяя про себя эту фразу. Он знал: стоит ему убедить себя, что он спит, — и кошмар отпустит его, позволит проснуться. Так было всегда.

Но сейчас вырваться не удавалось. Словно две неведомые силы вцепились в него с разных сторон и, как бешеные кони, тянули каждая к себе. Сознание его раздвоилось: одна половина прекрасно помнила, как он ложился спать, как засыпал, а другая, сейчас более сильная, находилась где-то далеко от привычного ему мира.

Это место… Какие-то люди, человек двадцать, наверное, он их не видел, скорее, чувствовал рядом, в угрюмой полутьме. И ощущение промозглой сырости, и спертый воздух, настоянный запахами давно немытых тел и чадом костра. И костер, дым от которого стелился по земле. И дрожащее пламя факелов, рассеивающих тусклый желтый свет. Люди кутались в лохмотья рваных шкур, грязные, голодные, отчаявшиеся. Они находились в каком-то строении, наскоро слепленном из обломков полуразрушенного здания: на остатки кирпичных стен были брошены не очищенные от коры бревна, лампы изредка освещали их, и тогда видно было, как закоптились их белые торцы. И чувствовалось, что там, снаружи, был снег и мороз, и ветер, резкий и острый, как бритва.

Люди зябко жались друг к другу. Один из них, тощий, как скелет, в одежде, которая лоснилась от грязи, стоял на коленях в центре. Где-то рядом плакал голодный ребенок, потом замолчал — не было больше сил. Стоявший на коленях не замечал ничего. Он вытянул руки перед собой, бережно держа в сомкнутых ладонях какой-то небольшой предмет. Макс Хэрроу отчетливо видел его, и профессиональная память тотчас же подсказала ему, что это такое: кость человеческого пальца.

Вдруг оказалось, что лицо стоящего на коленях нависает над ним, совсем близко, сверкающий взгляд пронизывает его насквозь, и он услышал приказ: почувствуй нашу боль, страдай, как страдаем мы…

Снова закричал голодный ребенок, и его крик перешел в пронзительный визг, и кто-то стал трясти Макса Хэрроу и говорить что-то сердитым голосом. Он хотел ускользнуть, уйти в беспамятство, — и проснулся, дрожа всем телом, мокрый от пота.

— Макс! Макс, проснись!

О, господи. Обыкновенный голос в обыкновенном мире. Облегчение было ошеломляющим. Он обхватил руками уютную теплоту склонившегося над ним тела и пробормотал имя жены.

— Диана, я опять бредил… Как хорошо, что ты меня разбудила!

Он хотел притянуть ее к себе, но она отстранилась и продолжала настойчиво тормошить его.

— Макс, там кто-то пришел!

— Что? — Ничего не соображая, отупевший спросонья, он уронил руки на подушку, открыл глаза — и снова стал воспринимать окружающее. Горел ночник, мягкая желтизна струилась сквозь абажур, по стеклу барабанил ледяными пальцами дождь. Пронзительный звук раздался снова, теперь он звучал подольше, и он понял, что это звонок в передней.

Так вот почему изменился во сне детский плач, и ощущение, что ему что-то приказывают, возникло у него, наверное, когда Диана стала будить его, а шум ветра и дождя… создали впечатление жестокой стужи. Он убеждал себя, тщательно подбирая слова.

Но слова эти не могли объяснить пугающую реальность кошмара, ясность и отчетливость всех его деталей.

— Макс! — Лицо Дианы под взлохмаченными от сна каштановыми волосами осунулось от усталости, вокруг больших карих глаз обозначились темные круги. Он вдруг впомнил, откуда эта тревога и усталость в глазах жены, и сон окончательно оставил его. Макс сел и нащупал ногами тапочки.

— И кого это черт принес? — сказал он, щурясь от света. — Который час?

— Половина второго.

— Черт бы их побрал!

Он встал, запахнул халат, и, поеживаясь, стал спускаться по лестнице.

Сначала он ничего не мог разглядеть за дверью: было очень темно, и целые потоки воды обрушивались с деревьев. Потом в кромешной тьме стали вырисовываться очертания человека, и Макс понял, что перед ним полицейский в блестящей от дождя накидке.

— Извините за беспокойство, сэр, — сказал тот виноватым голосом. — Но вы ведь доктор, да?

Макс выругался про себя. Он не занимался частной практикой и на двери его дома не было никакой надписи, которая указала бы констеблю на профессию хозяина.

— Да. В чем дело? — коротко сказал он.

— Несколько минут назад я услышал подозрительный шум и зашел проверить, что случилось. Какой-то человек потерял сознание возле вашей машины.

Ну да, машина. На ветровом стекле была табличка с надписью «Доктор», избавлявшая его от хлопот на стоянке у клиники. Макс вздохнул.

— Судя по всему, бродяга, — продолжал полицейский. — Кажется, он серьезно болен.

Бродяга… Макс хмыкнул и отступил от двери.

— Подождите, сейчас возьму плащ и надену что-нибудь на ноги, — сказал он. — Занесем его в дом и вызовем неотложную.

— Благодарю вас, сэр. Но у него просто обморок — вряд ли он повредил что-нибудь. Если позволите, я, наверное, внесу его сам. А вы только неотложную вызовите, и все.

— Ну… — замялся Макс. Он провел рукой по лицу. — Если вы думаете, что справитесь…

— Конечно, благодарю вас, сэр. Там нести нечего — кожа да кости.

— Ну, хорошо.

Констэбль направился к открытому гаражу, расположенному возле дома, а Макс вернулся в прихожую и снял трубку. Он набрал 999 и, дождавшись ответа, попросил неотложную по своему адресу.

Он уже положил трубку, когда на лестнице показалась Диана. Придерживая халат одной рукой, она перегнулась через перила и спросила встревоженным голосом:

— Что там, Макс?

— Полисмен. — Он отбросил упавшие на глаза волосы. — Какой-то бродяга упал в обморок возле нашего гаража. Ты иди спать, дорогая. Я уже вызвал неотложную, мы сейчас только занесем его в дом до их приезда.

Она застегнула халат и начала спускаться по лестнице.

— Не пойду спать, — сказала она устало. — Все равно не усну. Меня очень беспокоят эти твои кошмары. Макс, неужели нельзя как-нибудь избавиться от них?

— Я… подумаю. Подумаю.

Он произнес эти пустые, ничего не значащие слова, и у него сделалось сухо во рту.

— Пожалуйста, Макс. Пожалуйста, сделай что-нибудь, а то ты только обещаешь.

Она спустилась по лестнице, взяла его старый плащ, который он бросил на перила, и отнесла на диван.

— Положим на него бродягу, — добавила она, расправляя плащ.

— Вот он, сэр.

Макс вздрогнул, услышав голос полицейского, и резко повернулся. Тот стоял на пороге, перекинув бродягу, как пожарник, через плечо.

— Давайте его сюда, констэбль, — сказал Макс. — Я уже вызвал неотложную.

Он посторонился, пропуская полисмена в гостиную.

Как только бродягу положили на диван, Макс быстро осмотрел его. Констэбль не преувеличивал. Действительно, только кожа да кости. Не часто приходилось Максу видеть людей в столь изможденном состоянии. Руки и ноги бродяги были не толще черенка трубки, кожа на руках посинела от холода. И не удивительно: весь его наряд составляли ветхий замусоленный дождевик да потрескавшиеся резиновые сапоги.

Странно. Макс всегда думал, что бродяги, остерегаясь выбрасывать одежду, носят любую вещь до тех пор, пока она не превратится в лохмотья, и поэтому всегда закутаны целыми слоями тряпья. Он нахмурился.

Санная Диана сидела в кресле напротив, безучастно глядя прямо перед собой, констэбль расхаживал около дивана. Макс еще раз проверил свои наблюдения.

— Что с ним, сэр? — спросил, наконец, полисмен. — Истощение, да?

— Пока трудно сказать.

Макс осторожно ощупал вздувшийся тыквой живот бродяги, заглянул в рот, отметив жалкое состояние зубов. На деснах и в провалах на месте выпавших зубов сохранились остатки пищи, некоторые из них явно свежие, но в основном, уже тронутые разложением. Изо рта шел тошнотворный запах. Кожа слегка отдавала желтизной; впрочем, он был так грязен, что судить о ее природном цвете было невозможно. Щеки и подбородок покрывала жесткая борода, длинные волосы слиплись от грязи, череп был усеян проплешинами.

Макс набрал в грудь воздуху побольше. Его руки дрожали (не каждый день в жизни выпадает такой случай — один из миллиона), когда он большими пальцами приподнял веки бродяги и посмотрел на неподвижные белки. Их покрывал отвратительный гнойно-зеленый налет.

— Не может быть… — вырвалось у него.

— Что не может быть? — унылым голосом переспросила Диана.

Макс вовремя сдержался. Лучше не упоминать, что из всех известных болезней бродяга страдает именно этой.

— Э-э… да так, ничего, дорогая. Кажется, у него очень редкое заболевание. Хотя, пока трудно сказать.

За дверью послышался звук подъехавшего автомобиля. Диана вскочила.

— Это, наверное, неотложная. Я им открою.

В эту ночь Макса ожидал еще один сюрприз, более приятный: когда санитары с носилками вошли в дом, он узнал их — они

были из его клиники. Коротко поздоровавшись с Максом, они стали укладывать бродягу на носилки.

Решившись, Макс подошел к бюро.

— Джонс, кто дежурит сегодня? — спросил он у санитара, который стоял к нему поближе.

— Доктор Фолкнер, сэр, — ответил тот через плечо.

Отлично. Макс снял колпачок авторучки, достал лист своей личной бумаги для записок и написал:

«Дорогой Гордон, ты, наверное, подумаешь, что на меня слишком сильно подействовала смерть Джимми, но мне кажется, что у этого бродяги, который свалился на меня среди ночи неизвестно откуда, то же заболевание. Взгляни хотя бы на его белки. Если так, это просто невероятно! Я всегда считал, что у взрослых гетерохилия невозможна, а этому человеку лет тридцать — сорок…»

Он услышал, как Джонс сказал у него за спиной:

— Что это там у него в руке?

— Не знаю, — ответил его напарник. — Только он вцепился в эту штуку изо всех сил… ага, вот оно.

Макс оглянулся. Санитар, с усилием разомкнув крепко сжатый кулак бродяги, с торжествующим видом продемонстрировал свою находку. У Макса похолодело в груди, комната поплыла перед глазами.

Ошибиться было невозможно. Санитар держал в руке кость человеческого пальца.

2

Макс до утра так и не сомкнул глаз. Отчасти он сам гнал от себя сон, боясь возвращения в тот кошмарный мир, где побывал, и не только сегодня, а уже много раз за последние несколько недель.

Собственно, с тех пор, как умер Джимми.

И эта смерть была еще одной причиной, по которой он не мог уснуть снова. Он сидел в постели, курил, глядя во тьму перед собой, слушал, как стучится дождь в оконное стекло, как спокойно дышит Диана, как бешено колотится его сердце.

Чем больше он думал о болезни бродяги, тем невероятнее казалось ему то, что произошло. Это же абсурд, не может человек дожить до тридцати — сорока лет, страдая той же болезнью, которая поразила Джимми еще до рождения.

Крохотное, безжизненное тельце сына, как призрак, стояло у него перед глазами; казалось, он видит его в темноте, видит

упрек, застывший в широко открытых глазах, и этот ужасный налет, похожий на фосфорное мерцание гниющей рыбы, зеленоватой пленкой затянувший белки.

Он вовремя сдавил в горле готовый вырваться стон. Диана слишком болезненно переживала потерю Джимми, и ему не хотелось объяснять ей, почему он не спит.

Природу болезни, убившей Джимми, удалось разгадать только недавно. Для этого пришлось выработать более четкое представление об обмене веществ в человеческом организме и точно выяснить взаимодействие бесчисленного количества химических компонентов, от которых он зависит. В результате какой-то абсурдной, парадоксальной патологии печени, почек или других жизненно важных органов, возникало нарушение химического процесса пищеварения: любая доброкачественная пища превращалась в яд.

Ребенок мог отравиться материнским молоком, безобидной зеленью вроде шпината, каким-нибудь витамином или одним из тех обычных веществ, в которые превращается пища под воздействием желудочного сока. Далее следовала дебильность, паралич, или простая, милосердная смерть.

Некоторым из этих болезней дали название еще до того, как был разгадан их механизм; недоумевающие врачи наскоро придумывали какой-нибудь описательный термин и дальше только разводили руками. Другие болезни получили более точные названия, так как медицина приближалась к разгадке порождавших их причин, и в таких названиях как, например, фенилкетонурия, уже была попытка объяснить их сущность.

Болезнь, убившую Джимми, открыли совсем недавно. Макс знал человека, давшего ей название, более того — сам учился у него. Тот назвал болезнь гетерохилией, потому что яд, который придавал коже желтоватый оттенок, обесцвечивал белки глаз и, в конце концов, разрушал нервную систему, в результате чего и наступала смерть; этот яд был обнаружен в хилусе — жидкости, транспортирующей усваиваемые организмом жиры из тонких кишок в кровь. У Джимми при вскрытии оказался характерный хилус: густой, обесцвеченный, с тошнотворным запахом. В его составе появилось нечто, делавшее хилус биологически непригодным.

Приближались уже и к разгадке возникновения этих болезней. Их относили к заболеваниям, которые, согласно статистике, были наиболее вероятным результатом радиоактивного воздействия на ген. Тонкая структура, несущая в себе информацию нормального обмена веществ, разрушается даже от самого слабого раздражения.

В поисках противоядия ученые терпеливо, один к одному, накапливали факты. Некоторые дети росли здоровыми и веселыми при условии, что им не позволяли употреблять в пищу молоко или молочные продукты. Другие были обречены на вечное воздержание от тех или иных овощей или фруктов, и даже сахара. Постоянная осторожность в выборе меню давала им шанс выжить.

У больного гетерохилией в процессе пищеварения как бы протухал один из самых обычных жиров, превращаясь в нечто, с чем человеческий организм справиться не умел. Когда Макс объяснил действие этого вещества Диане, он сравнил его с жидким каучуком, попавшим внутрь сложного механизма. Машина стала бы работать все медленнее и медленнее, пока не заглохла совсем. Пример не самый удачный, но, в общем, он давал представление о гетерохилии.

Джимми умер раньше, чем удалось установить, какой именно жир ему противопоказан. Он мог бы выжить на диете, исключающей все жиры; входящие в состав масла, молока, мяса или орехов — абсолютно все жиры. Но мозг его был бы поражен, вероятно, в любом случае. Лучше уж так, как случилось.

Но какое невероятное совпадение: почему бродяга, явившийся среди ночи неизвестно откуда, попадает к единственному, наверное, в Лондоне врачу, если не считать других специалистов, связанных с исследованием гетерохилии, который может распознать его заболевание и предупредить больничный персонал, чтобы они не убили его своей добротой… У Макса голова шла кругом.

И потом — эта кость пальца.

Он пошарил на тумбочке, нащупал жуткую находку. Потом вертел ее в руках и думал, думал.

Бродяга недавно ел, пища была обильной, и в ней содержались жиры, смертельные для него. Но ведь он дожил до такого возраста, значит, кто-то научил его избегать жиров? Откуда он пришел? Из какого-нибудь института? Но даже это предположение мало что объясняло. Гетерохилия была открыта совсем недавно, и смешно думать, чтобы даже в какой-нибудь клинике могли обеспечить ему диету, исключавшую абсолютно все жиры.

Эта кость… Верхняя фаланга среднего пальца, слегка изогнутая, как у самого Макса. Это ничего не значит. Совершенно прямые пальцы встречаются редко. И все-таки мысль об этом сходстве только увеличила смятение и без того взбудораженного мозга, жутко пронеслась в сознании, и ему показалось, что он начинает сходить с ума.

В своем кошмарном сне он мог бы объяснить многое: и плач ребенка, и ощущение, что с ним разговаривали и приказывали страдать. Но кость, которую он сейчас держал в руке, была так похожа на ту, которую Макс видел в ладонях стоявшего на коленях человека, что он физически ощутил охвативший его ужас.

Макс поднялся рано, и, решив не будить Диану, сам приготовил себе завтрак. Он оставил ей записку у кровати, так, чтобы она сразу ее заметила, и поехал по еще пустынным улицам, где лишь изредка проезжали одинокие автомобили. Приехал в клинику на час раньше обычного и пошел по коридорам, наполненным утренним звоном посуды, в поисках доктора Фолкнера, который дежурил сегодня в ночь.

Фолкнер заполнял журнал дежурства, прихлебывая чай из чашки. К счастью, он был один. Макс прикрыл за собой дверь и кивнул в ответ на удивленное приветствие.

— Из-за этого бродяги всю ночь не спал, — сказал он. — Решил приехать пораньше, узнать, что с ним.

Фолкнер отодвинул свой стул, снял очки в роговой оправе и начал их протирать. Он был на несколько лет старше Макса, светловолос, широк в кости.

— Твоя записка насторожила меня. Сначала я подумал, что ты хватил через край. Но когда осмотрел его, понял, что ты прав. Собственно, как он к тебе попал?

— Полисмен проходил мимо нашего дома и услышал подозрительный шум. Подошел проверить, в чем дело, и нашел этого бродягу. Я думаю, он где-то ближе к вечеру поел, и ему сделалось плохо.

— Так оно и есть, — кивнул Фолкнер. — Как только я заметил эту зелень в глазах и услышал запах изо рта, сразу же велел промыть ему желудок. Оказалось, что за четыре или пять часов до этого он солидно пообедал рыбой с чипсами. Жира, на котором они были поджарены, вполне хватило бы, чтобы отправить его на тот свет.

— Жить он будет?

— Пока. Проф должен быть сегодня к десяти. Подождем лучше, что скажет он. Кстати, мы вливаем бродяге глюкозу. И еще кое-что показалось мне странным. Похоже, что болезнь, если не считать крайнего истощения организма, никогда его особенно не беспокоила.

— Иначе он давно бы уже умер, или рассудок его был бы в таком состоянии, что он не мог бы даже бродяжничать. — Макс подавил охватившую его дрожь. — Что ты думаешь о нем, Гордон?

— Ничего не понимаю, — сказал Фолкнер. — Если бы не увидел его собственными глазами, ни за что не поверил, что такое возможно.

— Он разговаривал? Есть у тебя хоть какой-нибудь намек, откуда он?

— Нет. Неужели бродяга станет носить с собой документы? Хотя… — запнулся Фолкнер, — я не специалист по бродягам. Им, наверное, приходится носить с собой какие-то бумаги. Но на этом, кроме плаща и сапог, которые мы с него сняли, больше ничего не было. А что касается разговоров…

Он нахмурился и замолчал. Макс подался вперед.

— Ну? Говори!

— Да, в общем, делать выводы еще рано: он сейчас в шоковом состоянии и очень слаб. Но, когда мы промыли ему желудок и ввели немного глюкозы, он очнулся и сказал мне несколько слов. Я ничего не понял. Похоже, он говорил на иностранном языке. Когда придет проф, попробуем еще раз. А до тех пор, я думаю, его лучше не трогать. Или ты хочешь на него взглянуть?

Макс замялся. Потом сказал:

— Нет, я подожду профа.

— Как хочешь. — Фолкнер одним глотком допил свой чай. — О, я совсем забыл. Мы у него еще вот что нашли.

Он выдвинул один из ящиков стола, за которым сидел, и достал длинный конверт, надписанный неразборчивым почерком. Из конверта он вынул большой складной нож со сломанной рукояткой и надломенным кончиком, очень старый и весь покрытый ржавчиной.

— Он был у него в сапоге, — закончил Фолкнер.

Макс повертел нож в руках и отдал обратно, не найдя в нем ничего особенного. Он сказал:

— У него было еще э-э… вот это.

Он сунул руку в карман и достал кость.

— Что скажешь? — спросил он, отдавая ее Фолкнеру.

— Фаланга, — сказал Фолкнер. — Верхняя фаланга среднего пальца левой руки, я бы сказал. А, это та самая, которую он держал в кулаке? Джонс мне говорил.

Да.

— Гм-м-м-м. — Фолкнер рассматривал невероятную находку. — Ты знаешь, когда Джонс рассказал мне о ней, я решил, что это его собственная кость. Но у него обе руки целы. — Он подбросил кость на ладони и вернул ее Максу. — А, может, он отрубил ее где-нибудь в драке и хранит, как сувенир? На ноже следы крови, ты заметил?

— Правда? — Макс вздрогнул.

Он снова взял нож и присмотрелся к нему повнимательнее.

— Ну да, вот она, — сказал он.

Несмотря на то, что заржавленное лезвие, судя по всему, вытирали, у самой рукоятки присохла темная корка.

— Скорее всего, ерунда какая-нибудь, — пожал плечами Фолкнер. — Прирезал ворованного цыпленка, или еще что. Во всяком случае, хоть он и необычный бродяга, работы на сегодня и без него хватает.

Макс понял намек и встал.

— Пойду попрошу у сестры чашечку чаю, — сказал он. — Придет проф — вот пусть он обо всем и беспокоится.

И в глубине души ему до боли хотелось, чтобы он мог и в самом деле так легко отмахнуться от этой таинственной истории.

3

— Похоже, Макс, вы становитесь знаменитым! — прогудел профессор Ленш. Его голос удивительно не соответствовал кукольному личику и маленькой пухлой фигурке.

Отвернувшись от кровати, на которой с широко раскрытыми, как у перепуганного кролика, глазами лежал бродяга, он добавил: — Я рад только, что он не меня вытащил из постели среди ночи.

— Что вы имеете в виду, проф? — сказал Макс.

Кивком головы Ленш приказал сиделке привести в порядок постель и снова закрыть ее ширмой, и направился к выходу из палаты. Макс догнал его и пошел рядом.

— Только то, что я сказал! — продолжал Ленш уже тише. — У него в желудке обнаружили рыбу с чипсами. Если бы ему позволили ее переварить, жир убил бы его. Но вряд ли из тысячи участковых врачей хотя бы один сумел поставить ему правильный диагноз. Похоже, он шел прямо к вам, а? Хе-хе!

— Это не смешно, — сказал Макс.

Ленш тут же пожалел о сказанном. Он дотронулся до руки Макса.

— Извините, Макс. Я все забываю, что это случилось именно с вашим мальчиком.

Макс пожал плечами. Из-за ширмы, закрывающей кровать бродяги, вышла сиделка, и Ленш повернулся к ней.

— Няня! Он хоть что-нибудь говорил сегодня с тех пор, как проснулся?

Сиделка покачала головой.

— Ничего. Только во сне, где-то в половине девятого, незадолго до того, как проснулся, пробормотал несколько слов.

Но даже и теперь, когда он не спит, в нем явно есть что-то странное.

— Да?

— Он, должно быть, иностранец. У нас иногда лежат киприоты, чаще всего женщины, которые ни слова не понимают по-английски. Он похож на них: ничего не понимает, что ему ни говори. Все прекрасно слышит, но для него это просто шум и больше ничего.

— М-да. — Ленш пожевал розовыми губками. — Возможно, это последствия гетерохилии, а, может, и нет. Благодарю вас, няня. Держите доктора Хэрроу в курсе, обо всех изменениях в состоянии больного докладывайте ему. А сейчас, Макс, мне нужно с вами кое-что обсудить.

Он снова взял Макса под руку и быстро провел его через всю палату в помещение дежурной сестры. Закрыв за собой дверь, он резко повернулся к своему спутнику.

— Макс, что вы обнаружили? Этого чловека просто не может быть! Кто, кто помог ему выжить? Стакан молока, кусок хлеба с маслом, ломтик бекона — при таком заболевании он бы и до двух лет не дожил!

— Я знаю, — сказал Макс. — Кстати, я распорядился насчет его стола: простой сухой хлеб, овсянка без молока, чай без молока, и, когда ему станет лучше, небольшой кусочек постного мяса. Теперь-то мы его вытянем, как вы думаете?

Ленш потер рукой подбородок.

— Пожалуй, — задумчиво согласился он. — Будьте осторожны с мясом: дайте сначала не больше двух унций, проверьте реакцию организма — и только тогда кормите регулярно. Сегодня мы его, конечно, подержим на глюкозе. Это невероятно, невероятно! — Он ударил пухлым кулачком по столу. — Макс, мне бы очень хотелось просидеть с вами весь день и осмотреть его как следует. Но я не могу и поэтому сейчас скажу вам, что вы должны сделать. Я полагаюсь на вас, Макс, надеюсь, вы все выполните. Дайте-ка мне листок бумаги, я составлю для вас длинный список.

Список был очень длинным, но Макс как-то ухитрился в течение дня провести все необходимые тесты и дополнительные исследования. Диагноз Ленша, а также его собственный, полностью подтвердился.

В четыре часа того же дня он сидел в ординаторской, рассматривая карту анализа мочи, поперек которой лаборант нацарапал: «Гетерохилия, самая настоящая!» Когда зазвонил телефон, Макс поднял трубку.

— Отделение Б, — сказал он машинально, — сестра вышла.

— Доктор Хэрроу? — сказала телефонистка. — Вам звонят из города. Полиция.

— Полиция? — Макс медленно возвращался к действительности. — Да, давайте.

Трубка немного помолчала, потом послышался мужской голос.

— Извините за беспокойство, доктор Хэрроу. С вами говорит сержант Клаудби, полицейский участок Рэмпшн Роуд. Не могли бы вы нам помочь в одном деле?

— Я постараюсь.

— Речь идет о бродяге, которого один из наших людей нашел сегодня утром возле вашего гаража. Так ведь? Его, кажется, отвезли в вашу клинику?

— Верно, — сказал Макс.

Он ощупью нашел сигарету и сунул ее в рот.

— Собственно, он сейчас здесь, прямо в этом отделении.

— Не было ли при нем, случайно, ножа?

Макс помолчал немного, он прикуривал от зажигалки. Потом сказал изменившимся голосом:

— Да, был. А что?

— К нам поступило заявление от… м-м… минутку…, — на другом конце провода зашелестели бумагой. — Ага, вот. От доктора Скормена. Он живет недалеко от вас, всего через пару улиц. Вчера вечером у него пропала собака, восточно-европейская овчарка. Он каждый вечер перед сном выпускал ее погулять. А сегодня утром его жена нашла ее в кустах с перерезанной глоткой.

Макс не отвечал. Доктор Скормен был их с Дианой участковым.

— Вы слушаете, сэр?

— Да-да, я слушаю. Я знаю доктора Скормена и знаю его собаку. Случай неприятный, но каким образом вы хотите связать его с бродягой, которого нашли у меня?

— Просто предположение, сэр, — как будто оправдываясь, сказал сержант Клаудби. — Мне просто пришло в голову, что, может, этому бродяге стало худо, он хотел обратиться к врачу, но после случая с собакой уже не решился зайти к доктору Скормену. — Голос оживился. — Так вы говорите, у него был нож. Следы крови на нем есть?

— Да, немного, на лезвии, у самой рукоятки. Само собой, когда нож попал ко мне, она была уже совсем сухая.

— Благодарю вас, — на другом конце заскрипели пером. — А на одежде?

— Честно говоря, сержант, из одежды на нем был только

плащ, и такой грязный, что при беглом осмотре заметить что-либо на нем было совершенно невозможно.

Макс прикусил губу. Что-то из сказанного сержантом показалось ему странным. Вдруг он понял, в чем дело. Он бы догадался сразу, если бы не бессонная ночь.

— Знаете, сержант, может, ваши выводы и правильны, но пришли вы к ним неверным путем.

— Как это?

— Видите ли, я не занимаюсь частной практикой. У меня на доме нет ничего, что бы указывало на мою профессию. Только табличка на ветровом стекле машины, которую заметил ваш констэбль. Но с улицы в такую темень ее заметить невозможно.

— В самом деле. Странно.

Клаудби замялся.

— Будет ли удобно, сэр, если я пришлю кого-нибудь к вам в клинику? Нож ведь у вас, насколько я понимаю?

— Да, наверное, он здесь, в отделении. Вещи пациентов мы опечатываем и выдаем в день выписки. Но я не вижу особого смысла присылать сюда вашего человека. Разве что взять кровь на анализ, чтобы сравнить с кровью убитой собаки.

— Значит, он еще без сознания?

— Да нет, еще утром пришел в себя. Пока слаб, но ему уже лучше. Дело в том, что он, похоже, совсем не говорит по-английски.

Макс выразился не так, как хотел — явно стала сказываться усталость.

— То есть, я хочу сказать, что ничего не понимает. У него довольно редкое заболевание, вероятно, это побочный эффект.

Довольно редкое, усмехнулся он про себя. Классическая британская сдержанность.

— Тем не менее, сэр, если вы позволите, я пришлю своего человека. Он будет в штатском, конечно. И уж если правила запрещают вам отдать нож, он может, по крайней мере, взять с него соскоб крови.

— Н-ну, хорошо.

Макс согласился тотчас же, как только понял, что у него тоже есть, что спросить у Клаудби. Странно, что Ленш не предусмотрел этого в своем списке.

— Кстати, сержант, вы могли бы нам очень помочь. Как я уже говорил, у этого бродяги очень редкая болезнь, не опасная для окружающих, совершенно не заразная. Но нам хотелось бы узнать, откуда он, а сам он сказать ничего не может. Вы будете проводить опрос жителей в районе происшествия?

— Уже начали, сэр. Мы хотели выяснить, не слышал ли кто

какого-нибудь шума, когда убивали собаку.

— Вам случайно не удалось установить все передвижения бродяги?

— Очень приблизительно. Одну минутку. — Снова зашелестела бумага. — Ага, вот. Какая-то миссис Гроувз, Бебден авеню, сообщила нам, что вчера вечером, часов в девять-полдесятого, к ней заходил бродяга, по описанию похожий на вашего. Она сказала: «Он говорил как иностранец, я ничего не могла понять и немножко испугалась, потому что он был такой дикий и страшный. Поэтому я дала ему немного рыбы с чипсами, которая осталась после ужина, и он ушел». Похоже, это был тот же человек.

— Несомненно. Эту рыбу с чипсами мой коллега обнаружил у него в желудке, когда его привезли в клинику.

Макс закрыл глаза, стараясь представить карту своего района. Бебден авеню… нет, трудно сказать, как она проходит, хотя он и знал, что это не дальше двух миль от его дома.

— Отлично, — сказал Клаудби. — Так я сразу же посылаю к вам своего человека. И спасибо за помощь.

Прежде чем ехать домой, Макс еще раз навестил бродягу. Тот лежал все так же неподвижно. Сначала, когда Макс заглянул к нему, его глаза были закрыты, но вскоре он их открыл. Вид у него был жалкий и беспомощный. Желтая кожа, как одежда, севшая после стирки, туго обтягивала кости. Когда его вымыли и немного подстригли бороду, на лице стали видны несколько давних шрамов, похожих на следы когтей; впрочем, их могли оставить и женские ногти.

— Кто же ты такой, черт тебя побери? — вполголоса спросил Макс.

Тот ничего не ответил. Он облизал губы, его глаза настороженно следили за Максом.

Максу вдруг пришла в голову одна старая формула судопроизводства: «злостно уклонялся от ответов на вопросы суда». Может, он просто боится всех, кто облечен хоть какой-нибудь властью? Он слышал где-то, что с бродягами это случается. Особенно, если он, в самом деле, убил овчарку Скормена. Тогда он вообще не скажет ни слова, чтобы не выдать себя. На всякий случай будет молчать, и все.

Но ведь эта миссис Гроувз с Бебден авеню сказала, что совершенно не могла его понять. Иностранец? Да как бы он ухитрился в наши дни бродяжничать в Англии, не умея сказать ни одного слова по-английски? Абсурд.

Собственно, такой же абсурд, как и его появление здесь.

До завтра делать было больше нечего. А завтра полиция, по-

видимому, сообщит насчет крови с ножа. Макс пожал плечами и пошел к выходу. Жалко собаку Скормена, подумал он. Чистокровная восточно-европейская овчарка, отлично вышколенная, настоящий полицейский пес.

Стоп. Черт побери, как же такому доходяге удалось справиться с полицейской овчаркой? И убить?

В машине у него был атлас Лондона. Перед тем, как отъехать от клиники, он отыскал Бебден авеню на карте и увидел, что это и в самом деле недалеко от его обычной дороги домой. Он решил проехать по ней, чтобы восстановить наиболее вероятный путь бродяги, если тот шел сначала к дому Скормена, а потом к его собственному.

У него ушло на это гораздо больше времени, чем он предполагал: он вернулся домой на полчаса позже обычного и был очень задумчив. Диана окликнула его из кухни, где возилась с обедом, и, как обычно, вышла его поцеловать.

— Макс, ты слышал, что случилось? — сказала она. — Такой ужас! Собаку Скорменов… Ты уже знаешь?

Он рассеянно кивнул и пошел за ней на кухню. Пододвинув себе стул, сказал:

— Да, мне звонили из полиции. Судя по всему, это дело рук бродяги, которого нашли у нас.

Ложка выпала из ее рук, со звоном покатилась по полу. Она испуганно посмотрела на Макса.

— Какой ужас! Хорошо еще, что он упал в обморок, а то кто его знает, что бы он здесь натворил!

— Он очень болен. — Макс устало провел ладонью по лицу. — Знаешь, что у него, дорогая?

Она покачала головой, вопросительно глядя на него.

— То же, что было у Джимми.

— О, но… но ведь это невозможно.

Диана попыталась улыбнуться и смахнула волосы, упавшие ей на лоб, когда она наклонилась поднять ложку.

— Я тоже так думал. Но бродяга существует. Проф Ленш подтверждает мой диагноз и тоже говорит, что в это невозможно поверить. Этот человек все время молчит и, похоже, совсем не понимает по-английски, так что мы даже не знаем, как он сюда попал. Или, хотя бы, как ему удалось дожить до такого возраста.

Она села напротив, рассеянно катая ложку между ладонями.

— Но это еще не все! — Макс ударил ладонью по столу. — В полиции считают, что он шел ко мне за помощью. Они нашли женщину с Бебден авеню, которая накормила его, от этого он чуть и не умер, и они решили, что он хотел обратиться к Бобу Скормену, но после убийства собаки побоялся. Так вот, эта версия

никуда не годится! Сегодня я проехал по Бебден авеню, потом оттуда доехал до дома Скормена и от дома Скормена — сюда. Оказывается, этот район просто нашпигован врачами. Я насчитал пять табличек, которые прекрасно видно с проезжей части. А он идет именно ко мне, единственному доктору из тысячи, как говорит проф, который может распознать его болезнь и спасти ему жизнь.

Он боялся встретиться с ней глазами. На лице появилось какое-то загнанное выражение: стиснув одну руку в кулак, он с силой прижал его к ладони другой, будто хотел унять дрожь в пальцах.

Немного помолчав, Диана сказала:

— Ты что, совсем не спал сегодня? Пепельница стояла возле кровати, когда я проснулась.

— Да. Да, мне не спалось.

— Решил ты, наконец, сделать что-нибудь, чтобы избавиться от этих кошмаров?

— Нет. У меня было много работы.

— Макс, — сказала она умоляющим голосом и наклонилась к нему. — Макс, а ты подумал, что это несправедливо по отношению ко мне? После того, как Джимми… Ну, ведь просто жестоко заставлять меня страдать еще из-за тебя. Я же вижу, на кого ты стал похож из-за этих кошмаров и бессонных ночей. Или ты не понимаешь? Как ты сможешь лечить больных, если не освободишься от своих кошмаров?

Макс вскочил.

— А если бы ты прекратила пилить меня, это тоже могло бы помочь, между прочим! — с яростью сказал он и вышел из комнаты.

Диана долго смотрела ему вслед. В ее глазах были недоумение и боль.

4

В ту ночь кошмар вернулся снова, и в каждую последующую — тоже. Он повторялся с неизменной точностью, отличались лишь мелкие детали. Например, часто не было плачущего ребенка. В остальном он как две капли воды походил на первый кошмар, который приснился ему на следующую же ночь после смерти Джимми.

А в клинике лежал на своей койке бродяга, который все так же «злостно уклонялся от ответов на вопросы суда». Он лежал совершенно неподвижно даже теперь, когда ширму убрали, и он

мог видеть соседей по палате, — только поводил своими тусклыми глазами, с которых медленно сходил зеленоватый налет. Больные жаловались, что им как-то не по себе рядом с ним; от него жутко делается, сказал один из них. Макс распорядился поставить его койку у стены, в самом конце палаты. Он с удовольствием устроил бы его отдельно, но в клинике не было ни одной свободной комнаты.

Из полиции сообщили, что кровь на ноже принадлежит убитой собаке; Макс позвонил Бобу Скормену и пригласил его в клинику посмотреть на бродягу. Скормен был удивлен не меньше Макса и, кажется, в самом деле не поверил, что такой полумертвый дистрофик мог справиться с дрессированным полицейским псом. Он сочувственно выслушал Макса и пообещал, что попросит полицию прекратить дело.

Ленш, невероятно взволнованный подвернувшимся ему редчайшим случаем, то и дело справлялся о состоянии бродяги. У того уже стал появляться аппетит, его руки и ноги, округляясь, стали терять сходство с черенком трубки, с лица, вначале землисто-серого, постепенно сходило выражение выходца с того света. Его глаза, в первые дни постоянно широко раскрытые от ужаса, стали смотреть спокойно, и ночные сиделки докладывали, что он уже не разговаривает во сне. Но он оставался безучастным решительно ко всему: с трудом вставал только по естественной надобности.

Жутко? Да.

На шестой день после того, как бродягу нашли лежащим у машины Хэрроу, Гордон Фолкнер, разыскивая сестру, распахнул дверь дежурной комнаты в отделении Б и увидел там Макса, который сидел за столом, обхватив голову руками. Фолкнер тихо прикрыл за собой дверь и подошел к нему.

— Макс? Случилось что-нибудь?

Макс повернул к нему бледное лицо. Он видимым усилием воли взял себя в руки.

— О, привет, Гордон. Да нет, ничего особенного. Устал просто, и на душе кошки скребут.

— Что-нибудь серьезное?

Фолкнер присел на углу стола и протянул Максу сигареты. Тот взял одну и достал зажигалку.

Он медлил, не зная, что сказать. Потом напомнил себе, что Фолкнер — его самый близкий друг из всего персонала клиники, и вздохнул.

— Отчасти это из-за бродяги, он все не идет у меня из головы. И потом — Диана. С тех пор, как умер Джимми, она сама не своя, а я почти ничем не могу ей помочь. Сегодня утром мы

так глупо поссорились, — он глубоко затянулся и рассеянно помахал рукой, разгоняя дым. — Я сейчас даже не помню, из-за чего. А потом я получаю вот это!

Он схватил со стола бланк внутреннего меморандума и сунул его Фолкнеру. Тот повернул его к себе и стал читать.

— Важная птица, — сказал он безразличным голосом. — Он кто, министр обороны, да?

Фолкнер говорил, не отрывая глаз от меморандума.

— Предоперационный осмотр… а, это его нога, ясно. Он ведь хромает, да? Видел его как-то в хронике. Насколько я понимаю, ногу ему отрежут.

— Жаль, что не голову, — сказал Макс.

Несколько мгновений Фолкнер изумленно глядел на него.

— Это совсем на тебя не похоже, Макс, — сказал он наконец. — Что ты имеешь в виду?

— Только то, что я сказал!

Макс вскочил и зашагал взад-вперед по тесной дежурке.

— Неужели ты не понимаешь, что он один из тех мерзавцев, которые убили моего сына?

Фолкнер растерянно молчал. Макс остановился перед ним, яростно ткнул в его сторону сигаретой.

— Скажешь, неправда? Ленш говорит об этом, и Грейфер, и Поллен, и Уоррингтон, и Бенгельберг в Штатах — все считают, что врожденные заболевания типа гетерохилии, связанные с нарушением обмена веществ, могут быть результатом радиоактивного воздействия на развивающийся эмбрион. И виноваты в этом вот эти мерзавцы со своими ядерными фейерверками, будь они прокляты!

— Постой-постой, Макс, — сказал Фолкнер. — Это ведь не единственный источник радиации. Опыты Джентри…

Макс не дал ему договорить.

— Неужели ты думаешь, что я позволил бы Диане делать флюорограмму во время беременности?

Он уже почти кричал; его голос дрожал от возбуждения.

— Я не такой дурак, черт возьми! Я тоже слышал об опытах Джентри, сейчас о них должен знать каждый медик. Нет, все далеко не так просто, Гордон.

— Тогда как ты объяснишь болезнь своего бродяги? — сухо сказал Фолкнер. — Ему лет тридцать пять — сорок, так ведь? Сорок лет назад никто ядерных испытаний не проводил. Гетерохилия у него или нет? Если да, значит, радиация тут ни при чем.

Макс сунул в рот сигарету. Его рука дрожала. Помолчав немного, он сказал:

— Ты, наверное, прав. Извини, я сорвался.

— Ничего, все в порядке. Должно быть, чертовски больно потерять малыша. Зря ты вышел на работу сразу, нужно было взять отпуск, успокоиться.

Макс протянул руку и взял у Фолкнера меморандум. Снова бросил его на стол.

— Я завелся из-за него. Я всю неделю надеялся раздобыть для бродяги отдельную палату, эта освобождалась каким-то чудом по крайней мере еще на целую неделю, и вдруг господину вонючему Уилфреду Фитцпрайеру понадобилась наша клиника. И вообще, почему он идет именно к нам? Почему не в Лондонскую клинику?

— А, может, он приятель профа?

Довольный тем, что Макс немного успокоился, Фолкнер стряхнул пепел в пепельницу, которая стояла на столе.

— Надеюсь, нет, — сказал Макс. — Не думаю, чтобы у профа были такие приятели.

Открылась дверь, и в комнату вбежала взволнованная сиделка.

— Доктор Хэрроу! — сказала она. — Бродяга… Он начал разговаривать! Он мне что-то сказал!

Фолкнер вскочил с возгласом удивления. Макс вдавил сигарету в пепельницу.

— Что он сказал? — быстро спросил он.

Сиделка пожала плечами.

— Я ничего не поняла. Но он выговаривает все слова очень четко и ясно. Наверное, это какой-нибудь иностранный язык.

— Пошли, — бросил Макс Фолкнеру и шагнул к выходу.

Сиделка не ошиблась. Похоже, бродяга набрался, наконец, достаточно смелости, чтобы заговорить, и желания, чтобы отвечать на вопросы Макса и Фолкнера. Но то, что он говорил, даже отдаленно не напоминало ни один из знакомых им языков. Это не был английский, французский или немецкий, это не был русский или один из скандинавских. Они позвали сиделку-африканку, которая говорила на йоруба, ашанти и хауса — тоже не то. Не был это и греческий — это подтвердил киприот, который лежал в их отделении.

Последняя надежда определить, что это за язык, тут же пропала, когда они позвали Джонса, санитара из скорой помощи. Он исключил валлийский.

И все-таки было в этом языке что-то мучительно знакомое. Его ритм, структура, окраска гласных — все говорило о том, что разгадка, когда они ее найдут, окажется до смешного очевидной.

— Нам остается только одно, — сказал Макс наконец. — Узнаем от него названия самых простых предметов, запишем их и

обратимся к кому-нибудь за помощью. Ну, хотя бы в Библейское общество.

— Может, будет проще, если он сам выучит английский, — предложила практичная сиделка.

— Уж если он ухитрился бродяжничать в Англии так долго (судя по состоянию его одежды), и не выучить при этом даже самых необходимых слов, вряд ли ему захочется начинать учиться сейчас, — сказал Макс. — Попробуем узнать, хотя бы, как его зовут.

Бродяга прислушивался к их разговору, его глаза быстро перебегали с одного лица на другое, но видно было, что смысл услышанного до него не доходит. Макс привлек его внимание и показал на себя:

— Хэрроу! Меня зовут Хэрроу!

Бродяга повторил, у него получилось что-то вроде «Эй-йе!». Во всяком случае, это была уже имитация. Макс показал на Фолкнера и назвал его имя.

— Фор-ер-нер, — сказал бродяга.

Для начала неплохо. Теперь Макс показал на бродягу и стал ждать. Тот, похоже, не понял. Макс терпеливо повторил всю процедуру с самого начала, и на этот раз получил ответ, который прозвучал приблизительно как «Смиффершон».

— Смитсон? — медленно переспросил Макс.

Это имя пришло ему в голову само собой, по естественной ассоциации со звуками. Он знал, что бродяга произнес его не так, и, судя по его артикуляции, никаких серьезных нарушений речи у него не было, но то, как он переиначил фамилию Фолкнера, само подсказало ему именно это слово.

— Смиффершон, — сказал бродяга.

— Ну, хорошо, Смиффершон, — согласился Макс и наклонился к нему, пододвинув свой стул ближе к кровати. — Э-э… кровать.

Он одновременно показывал на предмет и называл его.

Ответа не последовало. Они перепробовали все, что находилось под рукой: стулья, тумбочки, пол, потолок, окно — Смиффершон молча смотрел на них ничего не понимающим взглядом.

— Ну, что ж, придется нам раздобыть пару слов из его собственного словаря, — вздохнул Макс.

Они возились с ним еще почти целый час. Макс взъерошил себе волосы и отошел от кровати.

— Что за чертовщина! — сказал он сердито. — Неужели у него нет названия для самых обычных вещей?

— Не иначе.

Фолкнер встал.

— Так что же мы имеем — одно слово?

— Одно-единственное.

Макс с досадой посмотрел на листок бумаги у себя в руке.

— По звучанию похоже на «ки-ура», что, очевидно, означает «одеяло». Он, без сомнения, понимает, чего мы от него добиваемся, так ведь?

Фолкнер энергично кивнул.

— Тогда вывод напрашивается сам собой: в его словаре нет слов, обозначающих кровать, стол, стул, подушку… Но его осматривал проф, ты, я — и мы не обнаружили никаких ушибов головы, которые могли бы вызвать афазию. Проф сказал, что сделает ему рентгенографию черепа, если он не заговорит к концу недели. Так что, рентгенография — пожалуй, все, что нам осталось. Возможно, его речевой центр блокирован какой-нибудь опухолью.

— Почему же ее сразу не сделали?

— Не знаю, — уныло сказал Макс. — Это, наверное, единственное, чего мы еще не делали. Впрочем, я мог бы устроить ее хоть сейчас.

— Только не сейчас, — сказал Фолкнер.

Он смотрел на часы.

— Знаешь, который час? Ну и задаст же мне Сара сегодня!

— О-ойй! — Макс прикусил губу. — Ну, ладно. В конце концов, он у нас заговорил. А это уже кое-что.

— А знаешь что? — сказал Фолкнер, щелкнув пальцами. — Была у меня одна знакомая, филолог, занималась этимологией. Говорили, она чуть ли не гений. Как же ее звали? Лаура… Лаура… Ага, Лаура Дэнвилл. Сейчас она, по-моему, в аспирантуре при Лондонском университете. Она, наверное, знает больше языков, чем кто-либо в Англии, во всяком случае, умеет их распознать. Может, мне попробовать с ней связаться?

— Да, пожалуйста! — Макс смял бумажку со своими записями и скатал ее в шарик. — Что толку, если мы явимся к какому-нибудь специалисту и скажем: вот слово, в правильности записи мы не уверены, думаем, что оно значит «одеяло», скажите, какой это язык? Попроси ее, пусть придет и послушает его сама.

— О’кэй. Сегодня же вечером попробую ее отыскать.

Фолкнер кивнул и пошел к выходу из палаты. Больные с любопытством смотрели ему вслед. Бродяга в последнее время сделался главной темой всех разговоров, и по клинике, наверное, циркулировало уже не менее дюжины слухов, толкующих особое внимание к нему медперсонала.

— Гордон! — позвал Макс.

Фолкнер остановился и подождал его.

— Что?

— Если ты и в самом деле ее разыщешь, дай мне знать, ладно? Я… я очень хочу разобраться во всем этом.

— Вижу, — сухо ответил Фолкнер. — Ладно.

5

Макс вошел в прихожую и остановился, как вкопанный. Диана сидела на стуле напротив двери, закинув ногу на ногу, держа на открытой ладони наручные часы; на ее лице застыло непроницаемое выражение.

— Ты сегодня поздно, — ровным голосом сказала она.

— Да-да, извини. У бродяги, наконец-то, развязался язык, и мы с Гордоном пытались наладить с ним контакт.

Макс пригладил ладонью волосы.

— Устал ужасно. Выпить бы. Там ведь, кажется, оставалось немного виски?

Он распахнул дверь в гостиную.

— Я тебе не верю.

— Что?

Макс так и застыл на пороге с приподнятой ногой. Этот фальшиво-звонкий голос был так не похож на голос Дианы, что ему захотелось повернуться и посмотреть, кто это с ним заговорил.

— Я сказала, что я тебе не верю.

Она встала, надела на руку часы.

— Я не верю, что ты так вдруг заинтересовался каким-то бродягой, явившимся среди ночи неизвестно откуда. Даже если у него болезнь, к которой у нас э-э-э… личный интерес. Это тебе ясно?

Он молча смотрел на нее.

— Я устала от этого бродяги! — с внезапной яростью сказала она. — Всю неделю ты только о нем и говорил! К черту бродягу! К черту твою гетеро — как ее там! Я и так уже знаю об этой проклятой болезни больше, чем нужно!

Она дрожала всем телом, в ее лице не было ни кровинки. Ошеломленный Макс шагнул к ней, хотел обнять, успокоить, но она увернулась, отступив в сторону.

— Тебе совершенно все равно, — сказала она. — Целыми днями говоришь об одном и том же, а я дала бы отрубить себе правую руку, чтобы не вспоминать об этом снова. Джимми никогда не был для тебя сыном. Ты видел в нем всего лишь

любопытный случай. Будь он не человеком, а зверьком, ты с удовольствием швырнул бы его на стол и изрезал на мелкие кусочки, чтобы посмотреть, что там внутри. Для меня он значил немного больше. Вот. Извини, но это так.

— Диана, милая!

Макс все еще не мог опомниться, от ее слов у него голова шла кругом.

— Ты не можешь так говорить, ты же знаешь, что это неправда! Единственно, чего я хочу, так это, чтобы никому больше не пришлось страдать так, как страдали мы.

— О-о! Никто, наверное, не смог бы с таким… таким рвением заниматься тем, что однажды причинило ему настоящую боль, только ты!

Она с трудом перевела дыхание.

— Именно это и вывело меня из себя, но я не успела сказать тебе утром. Я целый день думала, что тебе скажу, так, чтобы тебя не обидеть. Целый день ломала голову, что приготовить на обед — вино, все — так, чтобы получилось все как следует, по-хорошему. А теперь можешь поискать свой обед в мусорном бачке, если хочешь. Он совершенно испорчен, потому что ты не предупредил меня, когда придешь. И ты говоришь, что это опять из-за твоего проклятого бродяги? Теперь ты услышал все, что я хотела тебе сказать, до единого словечка, все, что я думаю!

Иногда думаешь, что знаешь человека, сказал себе Макс, и вдруг оказывается, что перед тобой кто-то совершенно чужой и незнакомый, только имя прежнее, да лицо.

Она ждала ответа. И когда он не нашел, что сказать, она круто повернулась и выбежала на кухню, громко хлопнув дверью. Стук двери вывел его из оцепенения, он бросился за ней, схватил за плечи и рывком повернул к себе.

— Если уж разговор пошел начистоту, — рявкнул он, — я тоже имею право говорить все, что думаю. Так значит, весь сыр-бор из-за пропавшего обеда, а вовсе не из-за Джимми, и не из-за моего поведения, или что там еще ты используешь, как предлог? Так вот, тебе давно пора усвоить главное: сколько бродяге лет?

Она не ответила ни словом, ни жестом, стояла и молча смотрела на него.

— Неужели ты не понимаешь? — с горячностью продолжал Макс. — Или он, или кто-то другой знал, что нужно было делать при этом заболевании, чтобы остаться в живых. И сейчас он уже поправляется на нашей диете, исключающей все жиры. Знай мы раньше то, что знает о гетерохилии он, Джимми был бы жив сейчас. Неужели это ничего не значит для тебя?

— Нет, — сказала она ровным, чужим, жестоким голосом. —

Он ведь не Джимми, правда?

Эта сцена не давала Максу покоя и на следующий день — с мучительной, жуткой отчетливостью стояла у него перед глазами. В конце концов ему удалось успокоить Диану, он предложил ей оставить назавтра все домашние дела, съездить на Уэст-Энд, походить по магазинам, купить что-нибудь, все, что угодно, лишь бы отвлечься, и она устало согласилась. Но когда утром высадила его у клиники, а сама поехала в город, за ее словами и жестами, такими знакомыми, все еще проступали черты того чужого, совершенно незнакомого человека.

Целый день Макса преследовало выражение ее лица. К счастью, у него было чем отвлечься. Кроме обычного обследования Смиффершона и подготовки его к рентгенографии черепа, он брался за все, что попадалось под руку, стараясь забыться в работе. А потом, где-то после обеда, пришла посмотреть и послушать бродягу знакомая Фолкнера.

Он ожидал увидеть перед собой молодую женщину с серьезным лицом, в очках с тяжелой оправой и скромных туфлях на низком каблуке, возможно, толстушку. Только так в его представлении мог выглядеть гениальный филолог, которому выпало ходить в юбке. Но Лаура Дэнвилл оказалась почти до абсурда ослепительной брюнеткой. Ее прическа отвечала последним достижениям салонов Мейфера, платье — словно с выставки моделей одежды, грим — прямо со страниц Vogue'a, а фигура — либо чудо биологического отбора, либо результат строжайшей диеты и неустанных упражнений.

Унылое настроение Макса впервые за целый день рассеялось, когда он увидел сопровождавшего ее Фолкнера. Тот шел за ней, так сильно высунув язык, что казалось, вот-вот на него наступит. И, хотя ему можно было только посочувствовать — у него было обострение стоматита — выглядело это действительно забавно. Улыбка Макса, когда Гордон представлял его Лауре, была совершенно непринужденной.

— Я рассказывал тебе о Лауре, — с энтузиазмом начал Фолкнер, не в силах оторвать от нее взгляда. — Если этот человек — Смиффершон, или как он там себя называет — говорит на любом из существующих на Земле языков, Лаура скажет нам, на каком именно.

Она машинально улыбнулась в ответ на комплимент, пододвинула себе стул и села.

— Гордон — ужасный болтун, — сказала она. — Судя по тому, что я успела разобрать из его бессвязного лепета, у вас находится человек, говорящий на неизвестном вам языке. Я не совсем представляю, что могу для вас сделать: в Европе не часто

случается разговаривать с носителями каких-нибудь далеких языков, так что сегодня я рискую услышать язык, которого мне раньше слышать не приходилось.

Она поставила на стол рядом с собой огромных размеров сумку, открыла ее и вынула миниатюрный магнитофон.

— Прежде чем мы пойдем к нему, введите меня хоть немного в курс дела, — попросила она.

Макс рассказал ей все, что мог. Когда он закончил, Лаура удивленно вскинула подведенные брови.

— Нет слов, обозначающих кровать, стол! — сказала она. — Не похоже ли это на травму мозга?

Макс кивнул.

— Сегодня утром мы сделали ему рентгенографию черепа, снимки будут готовы к вечеру. Но вряд ли они покажут что-нибудь.

— Оч-чень странно, — протянула она. — К какой расе он принадлежит? Вы можете сказать?

— Европеец.

— Хм-м! — Она собрала магнитофон и встала. — Ведите меня поскорее к вашему таинственному Смиффершону!

На этот раз, по распоряжению Макса, кровать бродяги отгородили ширмами. Ее раздражали пристальные взгляды влюбчивых особей мужского пола. Однако Лаура принялась допрашивать Смиффершона в быстрой, четкой, отнюдь не женской манере. Ее магнитофон тихо гудел на тумбочке у кровати.

Она начала с отдельных слов, которые они записали вчера: «ки-ура» — «одеяло» и странного произношения фамилии Фолкнера. Похоже, бродяга стал, наконец, должным образом реагировать на внимание, которое ему оказывали: ей удалось вытянуть из него несколько длинных фраз. Фолкнер попытался было вмешаться с каким-то предложением, но был встречен таким уничтожающим взглядом, что тут же замолчал. Макс зачарованно следил, как Лаура звук за звуком воспроизводит даже самые длинные из записанных фраз Смиффершона.

Наконец, он не выдержал:

— Получается что-нибудь?

— Язык индоевропейский, это несомненно, — сказала Лаура.

Она наморщила лоб.

— Дайте листок бумаги.

— Вот!

Фолкнер протянул ей блокнот, и она достала из сумки авторучку. Вытянув шеи, они увидели, что она записывает слова знаками международного фонетического алфавита.

Наступила продолжительная пауза, ее лоб наморщился еще больше. Она прикусила кончик авторучки ровными белыми зубами и вывела еще целую серию замысловатых значков рядом с теми, которые записала.

Наконец, она подняла голову и обратилась прямо к нему. Ни Макс, ни Фолкнер не поняли, что она сказала, но лицо Смиффершона вдруг прояснилось, и он рывком приподнялся в кровати. Последовал хриплый ответ.

Что могло означать только одно: Смиффершон ее понял.

— Что он сказал? — одновременно вырвалось у Макса и Фолкнера.

— Нет, это же…, — сказала Лаура, обращаясь больше к себе, чем к ним. С побледневшим лицом она внимательно изучала свои записи.

Потом с внезапной решительностью стала сворачивать шнур. Уложив его в специальное углубление в корпусе, она громко хлопнула крышкой и встала.

— Лаура, не можешь же ты уйти сейчас, когда дело только пошло на лад! — сказал Фолкнер.

— Почему нет? Именно это я и собираюсь сделать.

Лаура взглянула на него искоса; ее ресницы дрогнули сами по себе.

— И объяснять вам я тоже ничего не собираюсь. Я намерена показать эти записи одному человеку, который сумеет в них разобраться, и потом передам вам, что он скажет.

— Но ведь вы уже во всем разобрались! — запротестовал Макс.

— Как раз этого я и не смогла сделать, — подчеркивая каждое слово, сказала Лаура и зашагала к выходу из палаты. Туго набитая сумка тяжело раскачивалась в такт ее движениям.

Макс был почти уверен, что Смиффершон бросится за ней: впервые за столько времени с ним заговорили на родном языке. Но тот откинулся обратно на подушки, словно последние силы оставили его.

Макс быстро переглянулся с Фолкнером. Потом, забыв о соблюдении всех правил и приличий, он что было сил бросился следом за Лаурой.

Он догнал ее в вестибюле и пошел рядом.

— Послушайте, вы не имеете права! — воскликнул он. — Этот человек серьезно болен, и мы уже целую неделю бьемся, чтобы установить с ним контакт. Вы обязаны сказать нам, что вам удалось узнать.

Она решительно вздернула подбородок и устремилась к выходу. Он шел следом, продолжая доказывать свое. Когда он не

отстал от нее и на улице, Лаура поняла, что просто так от него не отделаться. Она остановилась и резко повернулась к нему.

— Хорошо, я вам скажу, — хмуро сказала она.

Макс с облегчением провел рукой по лицу:

— Так на каком языке он говорит?

— На английском.

— Что? Послушайте!..

— Вы спросили — я вам ответила.

Ее глаза, очень яркие на бледном лице, не отрываясь, пристально глядели на него.

— Но ведь он называет одеяло «ки-ура», это не английский.

Макс был озадачен: шутить Лаура явно не собиралась, и все-таки…

— Шкура, — сказала она. — Путем удлинения корневого гласного «шку-ура» с последующим его изменением. Законы фонетического развития для центральной группы индоевропейских языков установлены точно и я использовала их для разговора с ним, взяв звуки, которые могли бы возникнуть в английском языке, если бы он подвергся таким же изменениям, которые произошли в нем за период со времен Лэнгланда до наших дней. Что это такое, в конце концов? — вдруг вскипела она. — Мистификация? Какой бы талантливой она ни была, я не люблю, когда меня водят за нос.

— Вы хотите сказать, что он говорит на чем-то вроде будущего английского языка?

Макс оглянулся на прохожих вокруг, ему захотелось удостовериться, что все это происходит на самом деле.

— Можно сказать и так. Правда, на достаточно необычном будущем. Собственно, об этом и речи не может быть. Такие сильные изменения происходят только в периоды ограниченной связи между отдельными группами носителей языка, чаще на более ранних этапах развития, чем на более поздних. Открытие звукозаписи, радио с его подавляющим диалекты эффектом привело к тому, что английский язык никогда больше не сможет измениться так сильно, как предполагает липовый язык вашего бродяги. Знаете, я чертовски разозлилась, когда поняла это.

Показалось свободное такси, она бросилась ему навстречу, оставив Макса в полной растерянности. У него было такое ощущение, будто Земля стала вращаться в другую сторону.

6

Он был так занят своими мыслями, что сначала даже не

заметил, как автомобиль, который немного раньше притормозил на другой стороне, пережидая поток транспорта, пересек улицу и остановился рядом с ним.

До него донесся полный иронии, ядовито-нежный голос.

— Так вот что это за бродяга! — сказала Диана.

— Что? Что? — он тотчас же вернулся к действительности. — О, хэлло, дорогая. Извини, я задумался.

— Такая кого хочешь заставит задуматься. Особенно меня.

Теперь он посмотрел на нее внимательнее. Ее лицо в квадрате водительского окошка машины было перекошено от ярости, суставы пальцев на руке побелели от напряжения. Он не сразу нашелся, что ответить, и она продолжала:

— Я приехала вовремя, правда? В самый раз. А то сегодня ты бы снова вернулся домой поздно и снова сказал бы, что задержался из-за бродяги, а я бы так и не узнала, о каком бродяге речь.

— Послушай, о чем ты говоришь? — медленно сказал Макс.

— Сам знаешь, можешь не притворяться! — она бы топнула сейчас ногой, если бы не сидела в машине. — Заметила меня — и только ее и видели!

— Не кричи на меня, — сказал Макс, увидев, что на них стали оборачиваться прохожие. — Ты имеешь в виду девушку, с которой я только что разговаривал? Которая села в такой? Она филолог, из Лондонского университета, Гордон Фолкнер попросил ее попробовать разобрать, что говорит Смиффершон.

— Отлично придумано! — с притворным восхищением сказала она.

— Послушай, с меня довольно, — глубоко вздохнув, сказал Макс. — Сейчас мы зайдем с тобой в клинику, и ты спросишь у Гордона сама. Пошли.

— Ну, конечно, он уже знает, что ему говорить, — согласилась Диана. — В конце концов, выдавать своих коллег — это дурной тон. Не нужен мне ни твой драгоценный Гордон, ни твоя подружка, ни ты сам!

Она повернулась на сидении: хотела включить зажигание и уехать.

Как все получилось на самом деле, Макс так до конца и не понял. Это произошло настолько быстро, что он не успел запомнить последовательность событий: просто сознание его вдруг помутилось от ужасного света, внезапно вспыхнувшего в мозгу — сначала от слепой ярости, потом от боли.

Он хотел открыть дверцу машины и не дать Диане уехать. Макс рванул ручку к себе, однако ладонь у него была скользкой от пота, и, когда она резко выбросила руку, и, ухватившись за

нижнюю кромку открытого окна, потянула дверь на себя, его рука соскользнула, и дверь захлопнулась.

Но к этому моменту он успел уже ухватиться другой, левой, рукой за стойку двери. Дверь лязгнула как гильотина.

Каким-то чудом он удержался, чтобы не закричать: все закончилось так быстро, что он не успел среагировать. Инстинкт заставил его распахнуть дверь и освободиться; что-то выпало из щели между створкой двери и стойкой и упало вниз, в канализационный люк, проскочив между прутьями решетки. Как будто издали до него донесся полный ужаса крик Дианы.

Он потерял сознание не от боли и не от шока, и не от вида хлынувшей крови, которая брызнула вверх, в рукав, красной перчаткой заливая ему кисть. Он потерял сознание, когда увидел свою руку и понял, что с ней произошло на самом деле.

Аккуратно, как лезвие топора, острая кромка двери отделила верхнюю фалангу среднего пальца, пройдя точно между костями сустава.

Верхнюю фалангу среднего пальца на левой руке.

Кровавое пятно вздулось у него перед глазами, стало разбухать, заливая весь мир. Он услышал крики и топот бегущих ног. Красное сделалось черным.

Макс очутился в травматологическом отделении клиники. Он лежал на обитой войлоком кушетке под красным одеялом, поверх которого была брошена белая простыня, вся в пятнах крови. Гордон Фолкнер заканчивал накладывать на палец простую повязку: он был так бледен, будто пострадавшим был он сам.

— Ну, как… как? — спросил Макс, проведя по губам кончиком языка. Боль пронзила все тело, медленно, как замерзшая молния, поднималась по нервам от пальца в мозг. Фолкнер вздрогнул, сиделка, помогавшая ему, торопливо поставила поднос с бинтами и, забежав с другой стороны, осторожно уложила голову Макса обратно на подушки.

— Лежи спокойно! — приказал Фолкнер. — Я еще не закончил.

Макс лежал, покорно глядя прямо в потолок перед собой. Затянутый мутью страшной боли мозг работал ясно и четко.

— Верхнюю фалангу отрубило, да? — спросил он.

— Да, к сожалению.

Фолкнер завязал концы бинта и встал, отодвинув свой стул.

— Но рана, скорее всего, не будет тебя особенно беспокоить: срез чистый, как от скальпеля. Есть, конечно, и ушибы. Но не очень сильные.

— Ты не искал… э-э… обрубок?

— Конечно, искал, — Фолкнер подошел к раковине в углу и

стал мыть руки. — К сожалению, Макс, мы его не нашли. Наверное, он упал в канализационный люк.

Иначе я бы сразу же пришил его на место, и он бы зажил.

— Так вот, значит, как, да? — Макс закрыл глаза и попробовал пошевелить левой рукой.

— Что ты сказал? — Фолкнер взял полотенце и стал энергично вытирать им руки.

Макс хотел было ответить: «Я ждал чего-нибудь в этом роде», но, подумав немного, понял, что особым смыслом эта фраза не отличается. Он решил промолчать.

— Теперь припоминаю. Я видел, как что-то упало в люк.

— Кошмарный случай, — пробормотал Фолкнер. — Мне очень жаль, Макс, очень.

— Чего? — Макс попробовал открыть глаза — зрение было в полном порядке. В ушах гудели громкие удары сердца.

— А… где Диана?

— Ждет в соседней комнате. С ней сиделка, — Фолкнер замялся, потом заговорил снова, понизив голос:

— Она ужасно расстроена, Макс. Она не думала, что так получится, уверяю тебя.

— Да? — прошептал Макс. — Не знаю, не знаю. Ты не спрашивал у нее, из-за чего мы поссорились?

— Конечно, нет.

Фолкнеру явно было не по себе.

— Это ведь не мое дело.

— Она увидела меня на улице, когда я разговаривал с Лаурой и тут же пришла к очень неприятным выводам.

Фолкнер ничего не ответил; он стоял, уныло глядя себе под ноги.

В одну из дверей постучали, и сиделка вышла на стук. Повернув голову на подушке, Макс успел заметить в приоткрытую дверь одного из рентгенотехников. В руках он держал несколько снимков большого формата. Посовещавшись с ним пару секунд, сиделка повернулась и сделала Фолкнеру знак, чтобы тот подошел.

— Это снимки Смиффершона? — спросил Макс.

— Помолчи, Макс, — бросил Фолкнер через плечо. — Тебе нельзя вставать. Полежи еще полчасика.

— Я спрашиваю, это снимки Смиффершона? — повторил Макс. Он отбросил одеяло в сторону и рывком поставил ноги на пол. — Я жду их с самого утра, черт побери!

— Да, извините, доктор Хэрроу, — сказал техник, заглядывая в дверь. — В первую очередь нам пришлось сделать снимки мистера Фитцпрайера.

— Вот как? Черт бы побрал господина мясника Фитцпрайера!

Макс встал; он чувствовал себя нормально, только слегка кружилась голова. Свирепым взглядом он остановил встревоженную сиделку, которая бросилась было к нему.

— Макс… — начал Фолкнер.

— Я хочу на них взглянуть. А потом лягу, если тебе так хочется. — Макс провел ладонью по лицу. — Давайте!

Фолкнер сердито вздохнул.

— Не хотел бы я иметь тебя в качестве пациента каждый день, черт возьми! — с раздражением сказал он. — Ладно, Томас, давайте их сюда. Я думал, после того, что случилось с доктором Хэрроу, снимки могут и подождать.

— В том-то и дело, сэр, — техник выглядел почти сконфуженно. — Мне кажется, что они не могут ждать. Взгляните.

Он передал Фолкнеру первый снимок, и тот поднес его к окну. Макс заглянул через плечо Фолкнера и нахмурился.

Странное, размытое изображение едва походило на знакомые очертания черепа.

— Он же засвечен! — сердито сказал Макс.

— Да, сэр, — Томас подал следующий снимок. — И этот. И все остальные тоже. Я сейчас проверял оборудование, думал, там что-нибудь не так. Оборудование работает отлично — снимки мистера Фитцпрайера получились очень четко.

— Так в чем же дело? — нетерпеливо переспросил Фолкнер.

— Причина может быть только одна, — ответил Томас. — Видите ли, нам пришлось с ним немного повозиться, прежде чем мы заставили его лежать спокойно, и некоторое время его голова находилась в контакте с пластинками. Э-э… вот тогда, должно быть, они и засветились. Ему ведь не вводили никаких изотопов? Нас об этом никто не предупреждал…

У Макса внезапно возникло такое ощущение, будто у него земля уходит из-под ног. Он посмотрел на Фолкнера и, чтобы не упасть, схватился рукой за косяк двери.

— Нет, — медленно сказал Фолкнер. — Нет, никаких изотопов ему не вводили. Вы хотите сказать, что он радиоактивен?

— Другого объяснения я не вижу, — кивнул Томас.

— Но у него ни малейших признаков лучевой болезни! — вспылил Макс. — А для того, чтобы так засветить снимки — да он бы уже одной ногой в гробу был!

— Ну, это не так уж серьезно, сэр, — возразил Томас. — Я хочу сказать, что, пока мы пытались заставить его лежать спокойно, его голова, наверное, минут пять находилась в контакте с первой пластинкой, и то пластинка засветилась не

полностью, только изображение получилось размытым. Следующие снимки мы сделали гораздо быстрее, и они вышли довольно четко. Остается только вот этот очаг в мозгу да это светлое пятно.

Он показал на снимок, который держал Фолкнер.

— Это щитовидная железа, она видна на всех снимках.

— Есть у нас счетчик Гейгера под рукой? — быстро спросил Фолкнер, сунув снимки Томасу в руки.

— Да, сэр. Два.

— Принесите их. Нет, подождите. Так мы наделаем паники. Поднимитесь в отделение Б и скажите сестре, что мы переводим Смиффершона в отдельную палату.

— У нас нет ни одной свободной комнаты, — сказал Макс.

— Если понадобится, выбросим вон этого, как его, Фитцпрайера.

На лбу Фолкнера выступила испарина.

— Макс, ради бога, ляг на свое место и лежи. В таком состоянии ты будешь только путаться под ногами. О, господи, кошмар какой-то!

И когда Макс не двинулся с места, он набросился на него:

— Марш на кушетку! — рявкнул он. — Ты понимаешь, что это ЧП? Или ты будешь делать, что тебе говорят, или…

Макс повернулся и пошел обратно на кушетку. Здравый смысл подсказывал ему, что Фолкнер совершенно прав. Но после всех сегодняшних потрясений открытие Томаса так подействовало на него, что у него все поплыло перед глазами. Какой тут отдых, когда в голове все смешалось?

— Макс! — это заговорил Фолкнер, стоя с Томасом уже на пороге. — Полежи здесь полчасика. Пусть Диана отвезет тебя домой. Если она не захочет — вызови такси. И я тебя очень прошу, не выходи завтра на работу. Твоя рана не такой уж пустяк.

— Разве я не имею права узнать о Смиффершоне? — Макс услышал в своем голосе капризные нотки.

— К черту Смиффершона! — вспылил Фолкнер. — У нас в клинике лежит девятьсот человек, и они заботят меня гораздо больше, чем один какой-то замызганный бродяга!

Дверь захлопнулась. Макс и сиделка остались вдвоем. Она хотела уложить его обратно на кушетку, но он обошелся и без ее помощи; тогда она заботливо укрыла его одеялом.

— Знаете, доктор Хэрроу, доктор Фолкнер совершенно прав, — сказала она.

— Да, я знаю, знаю, — Макс сжал под одеялом правую руку в кулак. — Оставьте меня в покое, ладно?

— Хотите, я позову сюда вашу жену? Или пусть она подождет,

пока вы сможете ехать?

— Мне все равно, — устало сказал Макс.

Он чувствовал, что запутался в последних событиях, как муха в паутине. Тенета странных совпадений окружали его со всех сторон. В них трудно было разобраться: он был слишком взбудоражен для этого, но теперь он чувствовал, что они складываются каким-то определенным образом, и последний ключ к разгадке он получил только что.

Сиделка подошла к двери в другом конце палаты и открыла ее. Минуту спустя в комнату вошла Диана. Щеки у нее были мокрые от слез, глаза напухли и покраснели. Сначала она не могла выговорить ни слова — рыдания душили ее. Потом взяла себя в руки.

— Макс, я не думала, что так получится! — простонала она.

В ответ он пробормотал что-то утешительное и попросил, чтобы ему дали полежать спокойно. Сиделка принесла для нее стул и поставила возле кушетки. Они долго молчали. Наступившую тишину нарушал только монотонный гул рабочего дня клиники.

Наконец, когда положенные полчаса закончились, и Максу нужно было уезжать, в комнату зашел Томас и, немало напугав Диану, тщательно проверил одежду и руки Макса на радиоактивность. Когда она спросила его, зачем он это делает, он не стал ничего объяснять, кратко сославшись на обычные меры предосторожности.

7

Диана отвезла его домой. Глаза у нее уже высохли, только губы дрожали от ненависти к самой себе. Не говоря ни слова, она устроила его на кушетке поудобнее и вышла на кухню приготовить ему горячего сладкого чаю.

Как только она вышла из комнаты, Макс встал с кушетки. Он не знал, как бы она отнеслась к тому, что он собирался сейчас сделать, но ему не хотелось изворачиваться и придумывать этому объяснение, что хотя бы ему самому оно и казалось безумием.

Кость пальца, которую нашли у Смиффершона, когда бродяга лежал на той же самой кушетке, Макс держал пару дней в кармане пиджака, показал ее Фолкнеру в клинике, потом носил некоторое время с собой и, наконец, бросил в один из ящиков письменного стола. Это была обыкновенная, высохшая, серовато-белая кость, она нисколько не помогла разгадать тайну появления Смиффершона.

Он нашел ее довольно быстро, достал из ящика и, держа на вытянутой ладони перед собой, стал рассматривать. В памяти с ужасающей отчетливостью возникла сцена из регулярно повторяющегося кошмара: точно так тот, который стоял на коленях, смотрел на…

Та же самая кость?

Глупости! Зажав крохотную находку в кулаке, Макс вернулся на кушетку. Он полулежал на целом ворохе подушек, чувствуя, как царапают кожу холодные коготки пота. У него возникло то же ощущение, которое он испытал недавно в клинике, только сильнее: показалось, будто он находится во власти враждебной и неведомой силы, сплетающей вокруг него свою безжалостную сеть.

Он долго смотрел на кость. Потом, помимо собственной воли — его пальцы двигались сами по себе — он повертел ее в раненой руке и осторожно, так, чтобы не задеть живую рану, приложил кость к верхней фаланге среднего пальца на правой. Убери мясо, и обе кости, одна живая, другая — мертвая, окажутся похожими, как две капли воды. Пара.

Откуда эти кошмарные совпадения, почему они опутывают его с разных сторон? Иначе их не назовешь — именно совпадения, игра случая, ничего больше. Но в глубине души он не мог себя заставить поверить в это. Суеверный ужас застыл, заворочался в темном закутке его сознания.

Потом на пороге появилась Диана, он торопливо сунул кость в карман и встретил жену неискренней и виноватой улыбкой.

Со дня смерти Джимми он никогда еще не чувствовал себя так плохо. Весь вечер Диана ходила по дому на цыпочках, отчего он становился похожим на морг, а Макс лежал на кушетке, невидящими глазами смотрел перед собой. В его мозгу, в хаосе беспорядочных мыслей, царил ужас. Напрасно он успокаивал себя, твердил, что это нервы, что он сам довел себя до такого состояния под влиянием неожиданного появления Смиффершона, который попал сюда, в его дом, все по той же случайности, и что впоследствии его мозг выработал целый ряд аналогичных ассоциаций, вершиной которого стала эта нелепая реакция подсознания на отрубленный палец.

Ему не удалось убедить себя.

Когда он лег спать — рано, потому что лежать на кушетке, заставляя себя заснуть, оказалось делом более изнуряющим, чем отработать целый день в клинике, — ему снова приснился тот же сон. На этот раз все выглядело гораздо четче, чем когда-либо раньше, ему даже показалось, что он сам находится внутри убогого строения с бревенчатой крышей, задыхаясь от едкого

дыма и дрожа от холода, потому что спертый воздух нисколько не защищал от жестокой стужи за стеной.

Все шло как обычно. Тот, на коленях, склонился над маленькой костью, которую держал в ладонях, а стоящие рядом с надеждой и страхом ждали чего-то… чего? Успеха в каком-то предприятии, но Макс не мог понять, в каком. Его сознание раздвоилось, он знал, что в одно и то же время находится здесь, в зловонном холоде развалин, и там, дома, лежит на боку в своей постели, и в правой руке, которую он сунул под подушку, снова крепко зажата кость. Он не знал, что заставило его положить кость под подушку, но, когда перебрал в уме все возможные объяснения, ему стало страшно.

И, наконец, там, во сне, у него, как всегда, сместилась точка наблюдения и оказалось, что он смотрит в лицо стоящему на коленях прямо с его ладоней.

Вот тогда он громко закричал и проснулся.

— Макс! Макс! — стонала над ним Диана, пытаясь его разбудить. — Господи, что с тобой? Почему ты так кричишь?

Сквозь туман боли и страха в мозгу ясно вспыхнула мысль: надо солгать. Он глотнул пересохшим от беспричинного страха ртом.

— Э-э… Я потревожил рану. Должно быть, повернулся во сне и лег на левую руку. Извини. Я попробую спать на спине.

— Ох-х-х, Макс! — Диана прижалась к нему всем телом, ее волосы щекотали ему лицо. — Я, наверное, совсем с ума спятила, что наделала, такой ужас! И все только потому, что у меня было плохое настроение… Знаешь, утром в городе я так ужасно себя чувствовала, и мне, наверное, захотелось сорвать свою злость на ком-нибудь, и потом… потом… ну, надо же было!

Он обнял ее здоровой рукой, погладил по голове.

— Ты тут ни при чем, дорогая. Просто так вышло.

— Нет, при чем, при чем! — она спрятала лицо у него на груди и заплакала.

Он успокаивал Диану, а сам смотрел поверх ее головы на противоположную стену спальни. Да, пожалуй, он правильно сделал, что солгал, не сказал ей, почему кричал во сне. Мог ли он рассказать ей всю правду: что впервые с тех пор, как его стали мучить кошмары, он узнал человека, стоявшего на коленях?

Это был Смиффершон.

В голове у него начал понемногу складываться план на следующий день. Пора покончить с этими глупостями раз и навсегда.

А если ничего не получится?

Он вздрогнул. О такой возможности думать не хотелось.

Утром он позволил Диане подать завтрак ему в постель и нехотя поковырял вилкой. Но он и слушать не захотел, когда она стала его уговаривать никуда не ходить целый день. Он встал, оделся и спустился к телефону в прихожую.

Покалеченный палец совершенно закоченел и перестал сгибаться, он с трудом удерживал трубку левой рукой. Но прежней жгучей боли уже не было, осталась только тупая, ноющая пульсация; вскоре он сам сможет сменить повязку. Заставив себя не думать о боли, Макс сосредоточил все внимание на телефоне.

Сначала он позвонил в клинику и попросил доктора Фолкнера. Телефонистка нерешительно помолчала, потом, наконец, спросила:

— Это доктор Хэрроу?

— Да.

— Доктор, у меня для вас записка от профессора Ленша. Одну минутку.

Зашелестела бумага.

— Ага, вот она. Я буду читать так, как здесь написано. «Макс, черт подери, сидите дома, пока не оправитесь от шока. Я распорядился, чтобы вас не пускали в клинику и не соединяли ни с Фолкнером, ни с кем другим. Завтра я приеду готовить Фитцпрайера к операции. Если хотите, можете явиться тоже, я вас посмотрю. Искренне сочувствую вашему несчастью».

Он услышал, как телефонистка снова складывает записку.

— Кстати, доктор, мы все тоже, — добавила она. — Мы вам очень, очень сочувствуем.

Макс раздраженно хмыкнул.

— Я совершенно здоров, — сказал он. — Можно подумать, мне голову отрубило, а не палец. Как Смиффершон, что выяснили насчет его радиоактивности?

— Извините, доктор, мне приказано ничего вам не говорить.

Диана прошла мимо на кухню с подносом, на котором стояли остатки его завтрака, и посмотрела на него печальными широко открытыми глазами.

— Черт! — сказал он и швырнул трубку на рычаг. Но тут же схватил ее опять, потому что телефон тотчас же зазвонил.

— Хэрроу слушает!

— О, это Лаура Дэнвилл, — сказал знакомый голос. — Я звонила вам в клинику, но мне сказали, что вы сегодня дома.

— Кто это? — отозвалась с кухни Диана, перестав на мгновение мыть посуду.

Макс не удержался от искушения. Вместо ответа он нарочито громким голосом сказал в трубку:

— Говорите осторожнее. Жена думает, что вы — моя любовница.

Он ясно услышал, как Диана громко всхлипнула на кухне.

— Что она думает? — опросила Лаура. — Очень жаль, если она меня сейчас не слышит. Передайте ей, что одного вида мужчины и кровати одновременно еще недостаточно, чтобы сделать меня его любовницей. Особенно, когда кое-кто, кажется, пытается меня одурачить.

— Я не собираюсь вас дурачить, — резко сказал Макс.

— О, не вы, не вы. Этот тип, Смиффершон. Помните, я говорила, что покажу наши записи более сведущему человеку?

— Да!

У Макса вдруг бешено заколотилось сердце, правой рукой он нащупал в кармане сигареты и вытряхнул одну на телефонный столик.

— Так вот, я была вчера у доктора Ислера, вам, может быть, знакомо это имя, он автор многих популярных книг о языке. Ислер — один из наиболее признанных в мире авторитетов.

— Что он сказал?

— Что ваш таинственный бродяга скорее всего какой-нибудь спятивший филолог, или что-то в этом роде. Мой первоначальный вывод оказался совершенно верным. То, что записано на пленках, полностью соответствует результатам применения известных законов фонетического развития к английскому языку в условиях неиндустриального общества. Но имейте в виду, чтобы утверждать это наверняка, мне придется свести Ислера со Смиффершоном с глазу на глаз. Впрочем, другого объяснения все равно не видно.

— Вы хотите сказать… — Макс задумался и сделал затяжку, — вы хотите сказать, что он, специалист по языку, сошел с ума, вероятно, во время исследования возможных путей развития английского языка, и теперь отказывается говорить на английском, который отлично знает, и признает только свой гипотетический «будущий» английский?

— В общих чертах, да.

Диана вышла из кухни и стала в прихожей, глядя на него пустыми, ничего не выражающими, глазами. Он покосился на нее и затянулся еще раз.

— Ясно. Но не мог же такой талантливый ученый пропасть без следа. Не было слышно в последнее время об исчезновении какого-нибудь известного филолога?

— Я спрашивала у Ислера, он ничего не знает.

— А сам он не сможет приехать к нам и посмотреть Смиффершона?

— Нет. Он улетает завтра в Рим на какой-то конгресс и вернется, в лучшем случае, недели через две.

— Ч-черт. Ну, большое вам спасибо, что дали мне знать.

— Не за что, — она весело хихикнула. — И не обижайтесь, что я тогда окрысилась на вас. Это действительно очень интересно. Я, пожалуй, хотела бы выяснить, до какой степени разработан псевдоязык Смиффершона, хотя, судя по пробелам в его словаре, он до болезни недалеко успел продвинуться.

— О, еще одну минутку! — сказал Макс, которого вдруг осенило. — Нет ли у вас знакомых среди археологов?

— Есть, а что?

— Мне нужно установить одну дату радиоуглеродным методом.

— Гм-м-м! Вы понимаете, надеюсь, что это не значит просто поместить предмет в какую-то машину и снять со шкалы показания?

— Разумеется.

— Н-ну, тогда кто бы мог это устроить? — задумалась Лаура. — О, знаю. Зайдите в колледж Виктория, к доктору Джерри Андерсону. Мы с ним встречались несколько раз, он очень славный человек, почти все время копается в Скандинавии в своих торфяниках, но сейчас, как я думаю, он в Лондоне.

— Благодарю вас, — сказал Макс и положил трубку.

Он увидел, что Диана все так же пристально смотрит на него, и в нем внезапно вспыхнуло раздражение.

— Это была моя подружка, та самая, — сказал он. — Ты довольна?

— Я это заслужила, — тихим голосом сказала Диана. — Я только хотела предупредить, что тебе придется побыть немного одному. Я иду в магазин.

— Не беспокойся, — сказал Макс и повернулся к вешалке, чтобы взять пальто: сегодня на улице было холоднее, чем вчера. — Мне нужно встретиться в колледже Виктория с одним человеком. До вечера вряд ли вернусь.

— Макс, ну что ты…?

— Что я? Мне ведь не ногу отрубило, черт возьми!

Он неуклюже натянул пальто: мешала раненая рука.

Раздражение его улеглось настолько, что, уходя, он даже поцеловал ее в щеку. Она не ответила. И, когда дверь за ним закрылась, она долго еще стояла, не двигаясь с места.

8

— Надеюсь, вы понимаете, что это не значит просто нажать кнопку и снять со шкалы показания? — сказал Андерсон и криво усмехнулся.

Наверное, то же самое он когда-нибудь говорил и Лауре, подумал Макс, поэтому она и повторила сегодня эту фразу почти дословно.

У Андерсона был свежий цвет лица, большие голубые глаза, светлые, вьющиеся волосы. Ему, должно быть, было уже за тридцать, но выглядел он моложе. Макс сразу проникся к нему симпатией.

— Я знаю, что это очень сложно, — сказал он, нащупывая в кармане кость. — И, наверное, очень дорого. Но я готов заплатить сколько потребуется. Мне нужно определить возраст вот этого.

Он передал кость Андерсону. Тот рассматривал ее некоторое время.

— Человеческая? — спросил он наконец.

Макс кивнул.

— Откуда она?

— Ее нашли у одного из моих пациентов. Нам необходимо установить его личность, и эта кость — наша единственная зацепка, — объяснил Макс. Ему вдруг пришло в голову, что это не совсем так. Надо заполучить еще и нож, подумал он.

— Понятно. Я должен предупредить вас еще вот о чем: предметы очень древнего или совсем недавнего происхождения поддаются датировке с большим трудом. Но, я полагаю, у вас есть особые причины считать эту кость не совсем обычной?

Он внимательно посмотрел на Макса.

— Не исключено, что наш пациент — филолог, — сказал Макс. — В таком случае, эта кость может оказаться археологической находкой, которую он подобрал где-нибудь на раскопках. Иначе трудно объяснить, откуда она у него.

— Вполне возможно, — кивнул Андерсон и встал. — Во всяком случае, я могу вам сразу сказать, стоит ли пробовать вообще. Вы, наверное, знаете, что С-14, выпадающий в процессе ядерных испытаний, сводит на нет метод радиоуглеродной датировки, который состоит в измерении уровня распада природного С-14. Если объект заражен, приборы дают ложные показания, и его возраст оказывается незначительным. Подождите немного, я проверю ее уровень. Может, не стоит и пробовать.

Он вышел в одну из дверей, ведущих в глубь здания, и закрыл ее за собой. Макс услышал неясные голоса, бессвязные отрывки разговора. Он откинулся в кресле и осмотрелся; рука болела, не переставая.

Комната была маленькая, но уютная, со светлыми стенами, сплошь заставленными полками, на которых стояли книги и археологические сувениры. На столе в углу он увидел целую кипу оттисков из какого-то научного журнала — видимо, Андерсон раскладывал их по конвертам, собираясь отправлять куда-то.

Собственно говоря, что он, Макс, здесь делает? История, которую он так легко сочинил для Андерсона, не в силах ничего объяснить ему самому. Не исключено, что он идет по ложному, идиотски ложному следу. В конце концов, он и сам не мог бы толком объяснить, что это за след.

Дверь открылась, и вошел Андерсон, лицо его было нахмурено.

— Давно вы носите эту кость с собой? — спросил он.

— Только сегодня с утра. А что?

— Да то, что она заражена! — Андерсон упал в кресло.

— О датировке не может быть и речи. Не знаю, где она побывала, но излучает она так сильно, будто ее только вынесли из э-э… из зоны ядерных испытаний, или чего-нибудь в этом роде.

Он провел рукой по лицу.

— Не знаю, насколько она опасна, но я бы на вашем месте поостерегся. О, конечно, вы ведь врач, да? Значит, вам известно, чем вы рискуете.

Макс задумчиво кивнул.

— Понятно. Что вы с ней сделали?

— Оставил ее там в конверте из свинцовой фольги. Если хотите ее забрать, возьмите вместе с конвертом, но, я думаю, будет безопаснее и для вас, и для окружающих, если вы позволите мне запрятать ее куда-нибудь подальше и поглубже.

— Я хотел бы ее забрать, — сказал Макс. — Она может оказаться важной для нас.

— Вам виднее, — пожал плечами Андерсон и повернулся отдать распоряжение кому-то в соседней комнате.

Выйдя от Андерсона, он в глубокой задумчивости пошел наугад вдоль по улице. Его не удивило, что кость оказалась радиоактивной: этого следовало ожидать, раз был заражен сам Смиффершон. Но решительный отказ Андерсона определить ее возраст раздосадовал Макса. Он мог бы и сам сообразить, что такой исход наиболее вероятен, но выпустил его из виду.

Раздосадовал? Он спохватился, поняв, что покривил душой, и, чтобы не лгать самому себе, добавил: да, но и обрадовал тоже.

Ибо, какой бы ни была истина, к которой он стремился, он был уверен в одном.

Он боится ее.

Он почувствовал необходимость разобраться в этой путанице ему самому лишь наполовину понятных мыслей. Увидев, что проходит мимо какого-то кафе, Макс зашел, заказал чашку кофе, и, пока кофе остывал перед ним на столе, попробовал перечислить на бумажной салфетке все факты, сливавшиеся в то неуловимое нечто, которое, он чувствовал, сплетается вокруг него.

Ночью, неизвестно откуда, является бродяга. У него гетерохилия. Он попадает к почти единственному в Лондоне врачу, который может поставить правильный диагноз и спасти ему жизнь.

Во сне, еще до прихода бродяги, появляется кость человеческого пальца. У бродяги в руке тоже кость человеческого пальца. Человек, которому снятся эти кошмары, теряет тот же палец на той же руке.

Гетерохилию считают следствием радиоактивного облучения развивающегося эмбриона. Когда этот человек находился в утробе матери, плотность радиоактивного излучения на поверхности Земли не превышала естественного уровня: в двадцатые годы никаких радиоактивных осадков не было.

Больному гетерохилией противопоказаны все жиры. Употребление их в пищу равнозначно самоубийству. Кто-то должен был знать об этом, он помог бродяге дожить до неправдоподобного возраста.

Он заражен радиацией. После целой недели пребывания в больнице он засвечивает рентгеновские пластинки. Заражение радиоактивной пылью тут ни при чем — радиоактивен весь организм: кости, мышцы, внутренние органы. Щитовидная железа на снимке ярко-белая — радиоактивный йод. Мозг сияет — похоже, радиоактивный фосфор. Кости тоже — радиоактивный стронций.

Но он живет, разговаривает. И, по мнению специалистов, разговаривает на языке, в который через несколько веков, «в условиях неиндустриального общества», мог бы превратиться современный английский язык.

Лицо бродяги — это лицо человека, который там, во сне, держит маленькую кость.

Он задумался, стоит ли заносить в список и этот факт: он легко мог оказаться результатом обычной накладки образов в подсознании. Но что-то подталкивало его изнутри, говорило, что это не так.

Потом он выпрямился, перечитал написанное и понял, что ни на шаг не продвинулся вперед. Если бы он мог довериться кому-нибудь, лучше всего Диане! Но она так болезненно переживала

смерть Джимми, что он ни за что не отважился бы рассказать ей еще и о том, что происходит с ним.

Гордону Фолкнеру? Профу? Нет, этих уравновешенных, воспитанных на строгой научной логике людей не заставишь поверить в твои дикие предположения. Да и что он может им сказать, в конце концов? Что бродяга необычен, и что необычность эта таит в себе нечто очень важное?

Взятые в отдельности, перечисленные им факты не говорят ни о чем. Все вместе они очень много говорят самому Максу. Любой другой человек скорее всего не заметит между ними никакой связи.

Лаура, кажется, говорила, что Смиффершон — сошедший с ума филолог. Тогда не будет ли его настоящей фамилией Смитсон? Макс вспомнил, как это имя пришло ему в голову само собой. Он уже забыл, говорил ли об этом Лауре. Будь у него голова посвежее, он мог бы спросить у нее утром по телефону, а теперь, когда с ней можно связаться только через Фолкнера, который сегодня и разговаривать с ним не захочет, ему осталось только строить предположения.

Он с раздражением отпихнул в сторону свой список и взялся за кофе. Кофе уже совсем остыл, сверху образовалась тонкая кожица. Он машинально хотел уже было убрать ее тыльной стороной ложки, как вдруг его ослепила новая мысль.

Кожица. Шкура. Именно так Лаура вывела этимологию слова ки-ура, которым Смиффершон называл одеяло. Хорошо, как изменялось это слово, можно понять. Но как мог весь мир измениться до такой степени, что единственным названием для предмета, которым укрываются, осталась группа звуков, обозначающих шкуру животного?

Господи! Как далеко в прошлом осталась та эпоха в развитии техники практически для всех людей на Земле? Как далеко в прошлом осталось то время, когда человечество не знало, что такое ткань?

Или…

Макс оцепенел от ужаса. Он услышал, как чайная ложечка, которую он все еще держал в нескольких миллиметрах от чашки, отозвалась металлическим дребезгом в такт охватившему его ознобу.

Или как далеко в будущем?

Впоследствии он не понимал, куда идет, ослепленный и оглушенный смертельным ужасом, все его существо было приковано к бесконечной перспективе разрушения, которая открылась перед ним. Он мысленно видел мир Смиффершона. Не этот уютный зеленый островок, украшенный шитьем цветущих

многолюдных городов, не этих сытых, согретых, красиво одетых людей.

Он видел остров, превращенный в громадную обугленную пустошь, где зелень чахла на ветвях, и животные производили на свет уродливое потомство.

Сходится! Все сходится!

Бомбы сметут с лица Земли города. Но это еще не все. Сухим летом они зажгут огромные, в сотни квадратных миль, костры, и до самых осенних дождей будут полыхать фермы, поля и леса, и весна не придет оживить эту мертвую кучу пепла. Исчезнут овцы — и не будет шерсти, выгорит лен — и не будет тканей, разрушатся заводы — и не будет нейлона, затонет флот — и неоткуда будет взять хлопок. Вот почему у Смиффершона нет слов, обозначающих тканую одежду. Он одевал себя первобытным способом — сдирая шкуры с животных. Ничего удивительного, что его лицо покрыто шрамами, ничего удивительного, что он сумел убить обычную полицейскую овчарку: ему, должно быть, приходилось иметь дело с животными намного страшнее!

Скорее всего, Смиффершон родился много веков спустя самой катастрофы, иначе он знал хотя бы, что такое ткань. И тот факт, что он ее никогда не видел, говорил о многом.

Человечество, должно быть, проигрывает последнюю битву. Никаких надежд на возрождение не осталось, ибо в своих стремлениях оно уже не поднимается выше желания просто выжить.

Но как? То, что они не разводят овец на шерсть, конечно, совсем не означает, что сельское хозяйство исчезло полностью, однако это свидетельствует о крайнем истощении почвы, о мизерных урожаях. Прокаженные. Пораженные проклятием в третьем, четвертом поколении, пропитанные смертью насквозь, как Смиффершон. Когда линии наследственности, встречаясь, сталкивались — появлялись рецессивные мутации в пшенице, в овсе, в коровах и свиньях, и, неизбежно, в человеке. Тот факт, что Смиффершон выжил, означает, что методы борьбы с гетерохилией остались в памяти человечества, даже когда ушли в небытие способы изготовления тканей. Для этого гетерохилия должна была стать одним из самых распространенных заболеваний.

Волна ужаса захлестнула Макса с головой.

Забыв обо всем, эти люди еще будут помнить, что свой крест несут они по вине предков, уничтоживших уютный богатый мир и обрекших своих внуков на жизнь в аду. Не эта ли ненависть раздула последнюю искру их воли, превратив ее во всепожирающее пламя, способное прожечь все, даже барьер

времени? Наверное, да. Другого объяснения он не видел.

И тогда некоторые из них стали искать способы сообщить предкам о содеянном ими, и нашли их. Возможно, это умение появилось у них в результате какого-то генетического сдвига, возможно, оно всегда было заложено в человеке, и требовался лишь такой могучий стимул, чтобы пробудить его.

Он мысленно видел людей (как их назвать — шаманы, жрецы?), концентрирующих ненависть, как электрическая дуга, на предметах, дошедших из счастливого прошлого: останках людей, инструментах, оружии, костях. Таких, как кость его пальца. Так вот что это такое, этот маленький осколок другого мира, который, обрасти он мясом, стал бы точной копией пальца, недостающего на его покалеченной руке. Эта кость — его, она вернулась к нему.

Какой-то сдвиг в психике — он понимал, что его термины неудачны, но до изящных ли формулировок сейчас, когда времени и так в обрез, — возможно, вызванный еще свежей в памяти смертью Джимми, убитого той же болезнью, пробил барьер, отделявший Смиффершона от объекта его ненависти. Какой толщины барьер? Десять поколений? Двадцать? Это не имеет значения.

Макс попытался представить себе, каково было Смиффершону оказаться совершенно голым в чужом для него мире, где шумят города и миллионы людей заняты таинственной деятельностью, где никто не может его понять, где единственной связью с привычным миром осталась маленькая кость, судорожно зажатая в кулаке. Та самая нить нематериальной причинности, соединившая во сне мозг Макса с кошмарным миром будущего, слепо влекла Смиффершона к хозяину отрубленного пальца, и уже по пути он обзавелся рваным плащом и сапогами, подобранными на какой-то свалке, и нашел нож с надломанным острием. Что бы он сделал, если бы не отравился по дороге рыбой с чипсами? Убил бы?

«Лучше бы убил!» — безмолвно кричало все в душе Макса. — Легче умереть, чем оставаться один на один с ужасом вдруг открывшейся перед ним правды».

9

— Проф! Проф!

Ленш остановился в просторном коридоре клиники и оглянулся. У него челюсть отвисла от неожиданности, когда он увидел бегущего к нему растрепанного человека, преследуемого

санитаром и испуганными взглядами персонала и амбулаторных больных.

— Боже мой, Макс! — воскликнул он. — Что вы с собой сделали? На вас лица нет!

— Проф, мне необходимо с вами поговорить! — Макс судорожно вцепился в руку профессора, его глаза светились жутким, нечеловеческим блеском, повязка на левой руке почернела от грязи, ее концы развязались и были завязаны снова кое-как, щеки заросли жесткой щетиной, лоб перемазан в саже, костюм измят и туфли покрыты пылью.

— Ну, конечно, Макс, конечно, — согласился встревоженный Ленш. Резким кивком головы он отослал санитара, нерешительно топтавшегося за спиной Макса; тот подчинился с явной неохотой.

— Пройдемте ко мне в кабинет, — сказал Ленш, взяв Макса под руку. — Садитесь. Вы едва на ногах стоите. Так что же все-таки с вами произошло?

Он закрыл дверь и подошел к столу. Макс неуклюже, как плохо набитая кукла, плюхнулся в кресло напротив.

— Я всю ночь шатался по городу, — сказал он и сделал неопределенный жест рукой, как будто отмахиваясь от чего-то. — Дело не в этом. Слава богу, наконец-то я могу с вами поговорить. Мне пришлось устроить внизу настоящий скандал, прежде чем эти кретины соизволили меня вообще сюда впустить.

Сложив руки на груди, обеспокоенный Ленш оперся локтями на стол и наклонился вперед.

— Что вам сейчас нужно, Макс, так это… — начал он.

— Мне сейчас нужно, чтобы меня кто-нибудь выслушал, — оборвал его Макс. — И ничего больше. Ясно?

— Я…

— Ради бога, замолчите и выслушайте меня! — взорвался Макс. — Поймите, я с ума сойду, если не поговорю сейчас с кем-нибудь!

— Хорошо, — немного помолчав, согласился Ленш. — Только предупреждаю: во-первых, у меня очень мало времени — не больше десяти минут, потом я должен идти давать наркоз Фитцпрайеру, и, во-вторых, — я выслушаю вас только при том условии, если вы пообещаете, что после разговора со мной выполните все мои требования, а именно: смените повязку, примете успокаивающее, отправитесь домой, и — в постель, по крайней мере до утра. Вы меня поняли? Иначе я прикажу уложить вас в постель здесь.

Властные нотки в его голосе заставили Макса прийти в себя. Он хмуро кивнул головой. Ленш, казалось, остался доволен.

— Ну, так что у вас там стряслось, Макс?

Макс провел языком по губам. Он был оглушен, очутившись в знакомой атмосфере клиники после кошмарной ночи, после бессонных часов, проведенных в темноте, которые показались ему вечностью. Он чувствовал, как тает его вера в реальность и значительность собственного открытия. Еще несколько минут назад он был уверен, что сумеет убедить любого в важности того, что хочет сообщить, — сейчас же сидящий напротив невозмутимо-спокойный Ленш казался ему настоящим монстром недоверия и скептицизма.

Наконец он сказал:

— Я знаю, кто такой Смиффершон. Я знаю, откуда он и почему оказался здесь.

— И эта информация довела вас до такого состояния? — слегка усмехнувшись, сказал Ленш. — Это должно быть что-то очень страшное. Продолжайте, — ободряюще добавил он.

С горечью в голосе Макс начал рассказывать. По мере того, как он говорил, с лица Ленша постепенно исчезала его обычная профессиональная маска — выражение вежливого любопытства, он был явно обескуражен и испуган.

Макс следил за ним и с отчаянием видел, что не производит нужного впечатления, и это понятно: разве можно поверить, чтобы человек из плоти и крови находился здесь и был в то же время беглецом из будущего, где весь мир заражен радиацией? Но ведь другого объяснения нет.

Он замолчал. Он сказал еще не все, что хотел, но рассказывать дальше не было смысла. Опустошенный, молча сидел и ждал, что скажет Ленш.

Наконец профессор шевельнулся в кресле. Глядя на свои руки, лежащие на столе, он сказал:

— Макс, ваша гипотеза очень остроумна. Но, я боюсь, это все, что можно о ней сказать. Почему вы раньше молчали о кошмарах, которые стали мучить вас после смерти сына? Не рассказали мне, или кому-нибудь еще? Вам не пришлось бы изводить себя, изобретая этот… как бы его назвать? Персональный миф, что ли?

— Ясно, — сказал Макс, глядя себе под ноги, крепко прижатые одна к другой. — Вы думаете, это…

— Макс! — резко прервал его Ленш. — Я ни за что не стал бы говорить с вами так откровенно. Но, слушая вас, я заметил нотки сомнения в вашем голосе. Так ведь? Вам нужно, чтобы вас не просто выслушали, вам нужно, чтобы кто-нибудь поддержал вас и сказал: «Да, это так, должно быть, вы правы». И знаете, почему? Потому что ваша гипотеза страдает одним недостатком: вы можете объяснить, каким образом удалось Смиффершону явиться из… будущего и оказаться здесь, только прибегнув к

маловразумительной, пустопорожней фразеологии.

Макс почувствовал, что краснеет.

— Я вижу, что моя догадка верна, и вы знаете об этом, — сказал Ленш. — Я сразу подумал, что вы слишком умны для того, чтобы поверить до конца в своя предположения, и я очень рад, что оказался прав.

Один из телефонов на столе басовито загудел, Ленш дотронулся до выключателя и сказал:

— Ленш. Слушаю?

— Профессор, мистер Кидуэлли уже здесь, он хотел бы вместе с вами осмотреть мистера Фитцпрайера перед операцией.

— Передайте, что я буду через пару минут, — сказал Ленш и щелкнул выключателем. — И последнее, что я хотел вам сказать, Макс. Никто не отрицает, что этот Смиффершон — явление из ряда вон выходящее. Его странный язык, необычайная невосприимчивость к радиации, которой заражен весь его организм, и так далее. Целая серия потрясений, которые вам пришлось пережить в последнее время, побудила вас построить эту изящную и аккуратную систему объяснений, и никто не посмеет вас упрекнуть за то, что вы пытались это сделать.

Но беда в том, что жизнь никогда не была ни изящной, ни аккуратной. Нельзя пробелы в решении той или иной проблемы восполнить несуществующими в природе законами. Со временем мы будем знать о Смиффершоне всю правду. Например, мисс Дэнвилл, знакомая Гордона, обещала денька через два еще раз зайти и попробовать поговорить со Смиффершоном. Мы устроим для него психологические тесты. И так далее. Можете не сомневаться, он очень нас интересует, и мы приложим все усилия, чтобы узнать о нем побольше, хотя бы только из-за его гетерохилии.

Но… пожалуйста, Макс, подумайте о том, что я вам сказал. А сейчас сделайте, как и обещали: примите успокаивающее, смените повязку, отправляйтесь домой и ложитесь спать.

Спокойная рассудительность Ленша вдруг вызвала у Макса приступ дикой ярости. Он вскочил и шагнул к столу.

— А тем временем вы! — со злобой сказал он. — А тем временем вы, как последняя проститутка, пойдете продавать свой талант одному из этих ублюдков, которые спят и видят сожженные дотла города, которые готовы весь мир стереть в порошок и сделать моих детей еще до рождения хромыми, глухими, слепыми калеками из-за своей дурацкой, себялюбивой, идиотской спеси!

Произнося эту последнюю фразу, он наклонился над столом так низко, что его лицо почти касалось лица Ленша, а слова

вырывались изо рта с такой силой, что капли слюны забрызгали стекла профессорских очков.

Наступила тишина. Наконец Макс, ужаснувшись собственной выходке, отшатнулся от стола, дрожа всем телом. Ленш даже не пошевельнулся, чтобы вытереть очки.

— Гордон рассказал мне о вашем первом припадке, Макс, — оказал он. — То, что вы мне говорили — непростительно. Однако я готов пойти вам навстречу: будем считать, что вы еще не пришли в себя после смерти вашего мальчика, что возможная причина его смерти заставила вас потерять контроль над собой. Я вызову сиделку, она проводит вас к Гордону. Думаю, чем меньше людей увидят вас в таком состоянии, тем лучше.

Макс не мог выговорить ни слова. Он тяжело опустился в кресло. Бессознательным движением сунул руку в карман пиджака и нащупал тяжелый конверт из мягкой свинцовой фольги, в котором, он знал, — или только думал! — нет, знал, — лежала кость его собственного пальца, вернувшаяся к нему из страны вечного ужаса. Он слышал, что Ленш говорит что-то по телефону, но не пытался даже понять, что.

Он послушно выполнял все, что от него хотели: шел, куда говорили, подставлял руку для перевязки, глотал успокаивающее. Но мысли его были заняты совсем другим.

Настоящая битва кипела в его мозгу, смертельная битва между привычным, рациональным — тем, что говорил Ленш, и его собственным необъяснимым чувством уверенности, что он знает правду. Слишком поздно ему пришло в голову, что следовало ответить Леншу, назвавшему его рассказ мифом: что миф, даже если он не содержит ни одного, поддающегося проверке факта, выражает истину по-своему — общим смыслом всего повествования.

Он посмотрел на обрубок пальца на левой руке и со жгучей ненавистью подумал о Ленше, который сейчас, в эту минуту, стоял у операционного стола, контролируя работу наркозной

машины, пока Кидуэлли ловко удалял ногу Фитцпрайеру. Фитцпрайер был знаменитостью: о его госпитализации объявляли газеты, радио и телевидение то и дело запрашивали бюллетени о состоянии его здоровья, личные послания от премьера и коллег по кабинету желали ему скорейшего выздоровления — ему, готовому ампутировать сотни миллионов рук, ног, голов. Министр обороны.

О, господи! Мясник, головорез — здесь, в стерильной чистоте клиники, к его услугам — профессор, действительный член Королевской коллегии хирургов, и целый отряд тщательнейшим образом отобранных медсестер. А там, в грязи, невежестве — его жертвы, больные, голодные, дрожащие от холода и страха.

О, если б только не Макс Хэрроу, а Фитцпрайер мог увидеть все последствия…

Его правая рука судорожно сжалась в кармане пиджака. Он глубоко вдохнул в себя воздух, на его лице готова была появиться улыбка мрачного удовлетворения. Но он подавил ее и заставил себя вернуться из далекой, угрюмой дали и сосредоточить все внимание на том, что его окружало в настоящий момент.

Сиделка, которая привела его сюда, стояла в противоположном углу комнаты; Фолкнер говорил ей что-то вполголоса. Макс откашлялся, и они, как по команде, повернули головы к нему.

— Гордон, я… мне уже намного лучше, — сказал Макс, тщательно подбирая слова. — Я успокоился. Я, наверное, наделал тут хлопот, да?

Фолкнер подошел к нему. На лице у него было написано глубокое облегчение.

— Вот это уже больше похоже на Макса Хэрроу! — радостно сказал он. — Знаешь, ты был немножко не в себе.

— Я… э-э… наверное, излишне поддался влиянию обстоятельств.

Макс провел рукой по лицу, его сердце готово было выскочить из груди.

— И наговорил профу много гадостей, за которые должен извиниться. Он еще долго будет в операционной?

— Постой, постой, Макс, — сказал Фолкнер. — Сначала ты поедешь домой, ляжешь в постель и выспишься как следует, а уж потом можешь делать все, что тебе угодно. Собственно, я как раз собирался договориться насчет неотложной для тебя. Звонила Диана, она волнуется за тебя ужасно, и я сказал, что ты жив-здоров и через час будешь дома.

Хитрая, искусная ложь вырвалась у Макса сама собой.

— Гордон, если я вернусь домой в таком состоянии, будет

еще хуже. Мне бы надо помыться. Может, раздобудешь где-нибудь бритву, а? Я хочу побриться и привести себя в более-менее божеский вид, а то я сейчас, наверное… м-м-м… я сейчас, наверное, похож на Смиффершона!

Помолчав немного, Фолкнер нерешительно хохотнул. Он похлопал Макса по плечу.

— Ладно, твоя взяла, — сказал он. — Умывайся, брейся, а я вместо неотложной вызову тебе такси. В самом деле, не стоит лишний раз пугать Диану. Няня, попробуйте разыскать где-нибудь бритву для доктора Хэрроу, хорошо?

Сиделка кивнула и вышла.

— Я все-таки хочу извиниться перед профом, — продолжал Макс. — Мне бы только поговорить с ним минутку, когда он выйдет из операционной, и все. Обычная ампутация наверняка не займет у него много времени.

Фолкнер взглянул на часы.

— Наверное, это мысль. Я так понимаю, что твоя выходка его очень расстроила, — пробормотал он. — Они закончат минут через двадцать, самое большее через полчаса.

— Ну, тогда я подожду его возле операционной, — оказал Макс и встал. — Чтобы потом, не теряя времени, сразу же ехать домой.

Он криво улыбнулся.

— Мне ведь и в самом деле нужно отдохнуть, правда?

10

Над запертой дверью операционной ярко светилась надпись: «ТИХО! НЕ ВХОДИТЬ! ИДЕТ ОПЕРАЦИЯ». Макс ждал в коридоре. Он был взвинчен до предела. Его напряжение было так велико, что он с трудом удерживал себя на одном месте.

С не меньшим трудом сдерживал он лукавую улыбку, которая то и дело растягивала его губы. Он был восхищен собственной изобретательностью. Вот самый верный способ сделать так, чтобы ужасные кошмары, движимые из будущего в прошлое их ненавистью, стали мучить не такого же ни в чем неповинного бедолагу, как он сам, а одного из тех, на ком лежала прямая ответственность за чудовищное преступление, которому предстояло совершиться.

Он с нетерпением поглядывал на часы. Время тянулось невыносимо медленно, и надпись над дверью все еще светилась. Проходившие мимо по коридору сотрудники с любопытством поглядывали на него, но, судя по всему, слухам о его

сумасбродствах не дали распространиться слишком далеко, к тому же, умытый и побритый, он мало чем отличался от прежнего Макса Хэрроу, так что никому не приходило в голову спросить его, что он здесь делает.

Вдруг он увидел, что надпись над дверью погасла. Он бросился вниз по коридору и спрятался за угол, так, чтобы его не заметили выходящие из операционной. Потом стал внимательно слушать.

Сначала он услышал щелчок, потом плавный, скользящий звук — открывали дверь. Шаги, приглушенные резиновым покрытием пола, ровный, гладкий звук превосходно смазанных колес, мягкий шепот резиновых шин, катящихся по резине, — это пациента увозили к лифту в самом конце коридора. Голоса стали громче; он узнал высокий, похожий на женский, тенор Кидуэлли, который говорил что-то о том, как легко и без осложнений прошла операция, услышал, как Ленш предложил всем вместе выпить перед обедом.

Он подождал, пока они уйдут переодеваться, потом вышел из своего укрытия и осторожно заглянул в операционную.

Один из ассистентов отключал наркозную машину, звякая баллонами с газом, сестра убирала неиспользованные инструменты, а те, которыми пользовались во время операции, уже лежали в ванночке с дезинфицирующим раствором, готовые к стерилизации. Рядом стояло большое алюминиевое блюдо с тщательно подогнанной крышкой, на одной из его ручек висела табличка с красной, заметной издалека надписью: «ДЛЯ КРЕМАЦИИ».

— Откройте-ка мне другую дверь, — сказал молодой человек, который возился с наркозной машиной. Он взял ее за ручки и поставил на колеса. Сестра оглянулась, послушно отложила инструменты, которые разбирала, и пошла к двери.

Это был подходящий момент. Одним прыжком Макс влетел в операционную, схватил алюминиевое блюдо, и, чуть его не уронив, — оно оказалось неожиданно тяжелым — выбежал в коридор.

За его спиной раздались крики, топот бегущих ног. Он не обращал внимания, даже не оглянулся.

Вцепившись в блюдо изо всех сил, он мчался вниз по коридору, будто сам дьявол гнался за ним по пятам. Он никогда раньше не думал, что коридоры эти такие длинные, длинные, как бесконечный ужас кошмаров, каждый поворот — непроходимое препятствие, как глухая стена.

— Вернитесь! Остановите его!

Бесплотными призраками плыли их крики вокруг него, но

бешеный гул крови в ушах забивал их, глушил, уносил прочь.

Он был уже в вестибюле, люди испуганно шарахались в стороны. Сиделки. Вахтер. Пациенты — одни только пришли, другие уже выписываются. Он увидел, что вахтер бросился ему наперерез, закрывая дорогу к большой стеклянной двери, сейчас начнет задавать вопросы, а телефон трезвонит, не переставая. Он поднял алюминиевое блюдо, и, держа его, как щит, или, скорее, как таран, прошел сквозь дверь, осыпав пол дождем стеклянных осколков. Кажется, несколько осколков впились ему в руки, но до порезов ли сейчас, когда на осуществление задуманного плана остаются считанные секунды?

Быстро лавируя между автомобилями, аккуратно поставленными у обочины так, чтобы оставался свободным проезд для машин скорой помощи, он бросился на мостовую. Это должна быть та же труба, смутно пронеслось в голове. Иначе нет никакой гарантии, что кости найдут, и что Смиффершон использует их, посылая кошмарные видения Уилфреду Мяснику Фитцпрайеру. Вонючий Вилли. В мозгах у него гангрена. Лучше бы ему голову отрезали. У-ууууу!

Он почти упал на тротуар, блюдо со звоном ударилось об асфальт. Он не обращал никакого внимания на толпы прохожих, на машины, которые со свистом проносились в полуметре от его склоненной головы. Окровавленными руками он вцепился в прутья решетки, закрывающей канализационную трубу, в которую упал обрубок его пальца; повязка, только что наложенная Фолкнером, быстро почернела от грязи, и, когда он упирался свежей раной в прутья решетки, острая боль пронизывала все его тело, но он не обращал внимания. Он вцепился в прутья мертвой хваткой и рвал их на себя, растягивал, дергал из стороны в сторону. Бесполезно. Решетка не сдвинулась с места.

От напряжения у него ныли легкие, кружилась голова; тяжело дыша, он повернулся к блюду, лежащему рядом. Крышка, проклятая крышка, как же она открывается? Плевать на этих кретинов, которые стоят вокруг, пялят глаза и задают идиотские вопросы — это же все ради них, ради будущего. Крышка поддалась. Зазвенела об асфальт. Затолкать ногу внутрь, пусть хоть один кусочек попадет в трубу, маленький кусочек, одна крохотная косточка, такая, как моя!

Рядом раздался женский визг. Кричали что-то мужчины. Вопил ребенок, которого оттасткивали из быстро набежавшей толпы.

— Макс! Макс!

Расталкивая остолбеневших зевак, показался Ленш. За ним бежал вахтер. Попался, проклятье, что делать, о, господи…

Он вскочил, прижал к себе ногу Уилфреда Фитцпрайера — свой инструмент для связи с будущим, и увидел вокруг только врагов, пришедших, чтобы помешать ему выполнить свой план. Он круто повернулся и выбежал прямо на мостовую.

Машина уже не могла остановиться; шофер изо всех сил надавил на тормоза, выворачивая руль, но крыле радиатора подсекло Макса Хэрроу пониже колен, смяло его, и, как вялый, наполовину пустой мешок, с размаху швырнуло на землю.

Забрызганные кровью шины с визгом заскользили по асфальту.

— Надо было заставить его как можно дольше не выходить на работу после смерти сына, — сокрушенно вздохнул Ленш. Он сидел за столом, нервно перебирая пальцами нож для разрезания бумаги.

Сидящий напротив Фолкнер пожал плечами и сказал, будто оправдываясь:

— Но он так тщательно скрывал свое состояние почти до самого последнего дня.

— Да… — ответил Ленш, не поднимая головы. — Я заходил к его жене, после того, как это случилось, хотел узнать, могу ли что-нибудь сделать для нее. Там был Скормен, вы его знаете, участковый, он живет неподалеку от них. Это его собаку убил Смиффершон.

Фолкнер кивнул.

— Что он сказал?

— Да ничего особенного. Дал ей снотворное и уложил в постель. Сказал, что хочет как можно скорее отправить ее к родителям, пусть немного успокоится. Больше ей ничем не поможешь.

— Да, пожалуй, — согласился Фолкнер.

Он нерешительно помолчал, потом заговорил снова:

— Проф, а зачем ему понадобилась нога Фитцпрайера? Вы не знаете? Или это произошло случайно, из-за психического расстройства, а определенной цели у него не было?

— Я… О, вам я, пожалуй, могу оказать. Вы ведь были самым близким его другом в нашей клинике, не так ли? Так что, в случае, если вы увидите его жену, чтобы не сказали что-нибудь не то.

Ленш откинулся на спинку кресла и стал смотреть в окно.

— Он построил одну фантастическую, но очень остроумную гипотезу насчет Смиффершона. По его утверждению, Смиффершон каким-то образом явился к нам из будущего, после ядерной войны. Это должно было объяснить и его необычный язык, и то, что он не имеет никакого понятия о тканях, и его

невосприимчивость к радиации, и то, что он сумел дожить до такого возраста, страдая гетерохилией. Макса, по-видимому, мучили по ночам кошмары, действие которых постоянно вращалось вокруг этих его идей, и особую роль в них играла верхняя фаланга среднего пальца. Очевидно, после несчастного случая с рукой у него подсознательно возникла уверенность в том, что он потерял именно этот палец, похожий, к тому же, само собой, на кость, найденную у Смиффершона. Если я правильно его понял, он считал эту кость чем-то вроде промежуточного звена психической связи.

Вы сами рассказывали мне, как озлоблен он был против Фитцпрайера и подобных ему политических деятелей, считая радиоактивные осадки причиной смерти своего сына, что вполне возможно. Так что, при таких обстоятельствах, в его поведении не было ничего противоестественного. А ногу, как мне кажется, он хотел бросить в ту же сточную трубу, куда упал и обрубок его пальца, с тем, чтобы люди из будущего смогли посылать свои кошмары человеку, которого Макс считал виновным в смерти своего сына.

Ленш грустно улыбнулся.

— Остроумно, правда?

— Очень. Значит, сумей мы вовремя найти рациональное объяснение Смиффершону, Макс и сейчас был бы с нами?

Фолкнер с силой ударил кулаком в ладонь другой руки.

— Проф, мы обязаны узнать всю правду об этом проклятом бродяге!

— Со временем узнаем, непременно узнаем, — не очень уверенно сказал Ленш. — Насколько я понимаю, ваша знакомая находится сейчас у него. Почему, собственно, вы здесь, а не там, с ней?

— Нам пришлось ограничить время пребывания в одной с ним комнате. Он так заражен, что стоит ему только дунуть на счетчик Гейгера, тот начинает трещать как взбесившийся будильник. Просто чудо, что за неделю пребывания в общей палате он никому не причинил вреда, во всяком случае, по нашим последним данным. К тому же, Лаура — единственный человек, который ухитряется с ним общаться.

— Ну, она-то, конечно, защищена?

— О, да. Она надевает маску, когда заходит к нему, а когда уходит — переодевается и принимает душ.

— Хорошо. Вот что, Гордон. Я сейчас уезжаю. У меня есть еще минут пятнадцать, и я хотел бы поговорить с мисс Дэнвилл, узнать, как идут дела. Вы не могли бы попросить ее зайти ко мне?

— Конечно, — сказал Фолкнер и встал.

Глубоко задумавшись, он медленно шел по коридору к палате, в которой был изолирован Смиффершон. По дороге он обогнал сиделку, раздраженно толкавшую перед собой тележку, плотно закрытую воздухонепроницаемым полиэтиленовым чехлом. Это было сделано ради Смиффершона; он требовал к себе, пожалуй, гораздо больших мер предосторожности, чем больной оспой.

Черт возьми, в самом деле, можно понять, как такой, обычно уравновешенный человек, как Макс Хэрроу, мог поверить своим диким предположениям! — подумал Фолкнер. Смиффершон, должно быть, невероятно невосприимчив к радиации, как будто из миллионов людей природа выбрала именно его, безжалостно пропустив через особый генетический фильтр. И откуда только в наши дни мог взяться в его крови и костях такой заряд смерти? Макс ничего не знал о панике, которая поднялась тогда вокруг Смиффершона, потому что ему приказали не выходить из дома: была поставлена в известность полиция, в клинику, а также в те места, куда, как было известно, заходил бродяга, выехали эксперты в поисках опасной для жизни радиации. Даже через несколько дней они смогли обнаружить очень слабые следы облучения, хотя, к счастью, никто не пострадал: радиация была не сильнее, чем от циферблата светящихся часов.

Его размышления были прерваны появлением Лауры. Она вышла из приемной, в которой обычно мылась и переодевалась после визитов к Смиффершону. Фолкнер заторопился ей навстречу.

Она улыбнулась ему ослепительной улыбкой и стала оживленно рассказывать:

— Это становится очень интересным, — сказала она. — Он придумал подробное и совершенно фантастическое объяснение своему состоянию, и, мне кажется, у меня накопилось уже достаточно материала, чтобы заинтересовать им психолога.

Она показала ему катушку с магнитофонной лентой.

— Я перевела еще не все, что он говорил сегодня — не стану притворяться, будто я свободно владею его невероятным языком. Но, насколько я могу судить, он впал в истерику, напуганный возможностью ядерной войны, а потом так увлекся попыткой провести тщательное исследование ее последствий, по крайней мере, лингвистических, что она превратилась у него в навязчивую идею. Например, он решил, что болезни, вроде его собственной, которые считаются одним из видов лучевых, распространятся настолько широко, что почти никто не сможет употреблять в пищу мясо и жиры, а земель, пригодных для выращивания зерновых, останется так мало, что о пастбищах для коров или

овец не будет и речи, к тому же, они в любом случае вернутся к дикому состоянию, и человечество весь урожай вынуждено будет использовать в пищу, а одежду делать из шкур — вот почему он называет одеяло «ки-ура». И потом, по другой его теории, человечество вновь вернется к суеверию, которое станет доминирующим фактором в жизни людей. Эта кость, которую у него нашли, считалась волшебным символом, средством связи со счастливым прошлым, и…

Она растерянно замолчала, с недоумением всматриваясь в лицо Фолкнера. Тот не мог вымолвить ни слова. Его била мелкая-мелкая дрожь, а зубы вдруг застучали громко и четко, как индикатор счетчика Гейгера.

Рекс Стаут
Окно смерти

ОКНО СМЕРТИ

Неро Вулф сидел за письменным столом, злобно уставившись на посетителя, расположившегося в кресле с обивкой из красной кожи. Я повернулся в кресле-вертушке к своему столу спиной — блокнот наготове, взгляд спокойный.

Вулф выглядел так сердито отчасти из общих соображений, но главным образом, потому что Дейвид Р. Файф явился на прием без предварительной договоренности по телефону. Казалось бы — какая разница? Наш офис — на первом этаже респектабельного дома из коричневого кирпича на 35-й Уэст стрит. Вулф — в своем любимом кресле затачивает перочинный ножик на старом оселке, который всегда лежит у него в ящике письменного стола. Рядом — я, Арчи Гудвин, полный рвения отработать свое жалованье и выполнить малейший его каприз, в разумных, конечно, пределах. На кухне — Фриц Бреннер моет посуду после завтрака, а если позвонить ему — один короткий и один длинный звонок, — он тут же принесет пива. На крыше, в теплице, Теодор Хортсманн нянчит десять тысяч орхидей. А в красном кожаном кресле — субъект, которому понадобился частный детектив, иначе — чего бы ему у нас делать. Да, не будь этого парня и таких, как он, Фриц, Теодор и я шатались бы в поисках заработка, а что делал бы Вулф — одному богу известно. Но Вулф, тем не менее, рассвирепел. Являться на прием без приглашения — это непорядок.

Он сидел в красном кожаном кресле на краешке, не касаясь спинки, — узкие, сгорбленные плечи, узкое, поношенное лицо. На вид я дал бы ему не меньше пятидесяти, но люди, которых жизнь заставляет обращаться к частному детективу, выглядят, как правило, старше своих лет. Он говорил усталым голосом, взвешивая каждое слово; назвал свое имя, адрес и род занятий — заведующий секцией английского языка в средней школе «Одюбон» в Бронксе — и сказал, что хочет, чтобы Вулф расследовал одно деликатное семейное дело.

— Брачное? — тон Вулфа был не менее свиреп, чем его вид.

— Нет. Дело не брачное. Я вдовец, у меня двое детей — школьники. Речь идет о моем брате Берте — о его смерти. В субботу ночью он умер от воспаления легких. Тут надо бы… мне придется сначала объяснить.

Вулф бросил на меня быстрый взгляд, и я его перехватил. Если позволить Файфу объяснить, то не исключено, что придется работать, а работать Вулф очень не любил, особенно если банковский счет у него в полном порядке. Но я, встретившись с ним глазами, слегка поджал губы. Вулф вздохнул и снова обратился к клиенту:

— Слушаю вас, — буркнул он.

Файф начал, и я стал записывать. Его брат Бертрам неожиданно появился в Нью-Йорке с месяц назад, никого не предупредив, после двадцатилетнего отсутствия, снял номер в отеле «Черчилль Тауэрз» и связался со своими родственниками — старшим братом Дейвидом, который как раз сейчас все объясняет, младшим братом Полом и сестрой Луиз, в замужестве — миссис Таттл. Все они, включая зятя Таттла, были очень рады снова увидеться с ним после стольких лет; они также обрадовались, когда узнали, что он-таки сорвал куш — Дейвид выразился иначе: «Напал на золотое дно — разведал и заполучил в собственность урановую жилу в четыре мили длиной недалеко от местечка Блэк Элбоу в Канаде». Всегда ведь приятно узнать, что кому-то из членов твоей семьи повезло.

Итак, они радушно встретили Бертрама, своего брата Берта, а вместе с ним — некоего молодого человека по имени Джонни Эрроу, приехавшего из Канады и поселившегося в том же номере в «Черчилль Тауэрз». Берта переполняли родственные чувства, его тянуло на воспоминания детства, он даже попросил Пола, который был агентом по торговле недвижимостью, закинуть удочку насчет покупки старого дома в Маунт Киско, где они все родились, где прошло их детство. По всему было видно, что это не гость приехал — вернулся член семьи. Десять дней назад он пригласил их к себе на обед, на субботу, на шестое, с тем, чтобы после обеда ехать всем вместе в театр. Но в четверг он оказался в постели с воспалением легких. Ложиться в больницу отказался и настоял, чтобы они отобедали в «Черчилль», как и договаривались, и чтобы билетам в театр не дали пропасть; так что в субботу вечером они собрались у него в номере, и все прошло по программе, а после спектакля все опять вернулись в отель на легкий ужин с шампанским.

То есть, вернулись четверо — сестра Луиз с мужем, Джонни Эрроу из Канады и сам брат Дейвид. Младший, Пол, заявил, что Берта нельзя бросать одного с сиделкой, и в театр не поехал. Когда все четверо вернулись после спектакля, то в номере их поджидала в некотором роде ситуация. Пола уже не было, а у сиделки был разорван халат, на шее, щеках и кистях рук — синяки. Она успела позвонить доктору, чтобы тот прислал ей замену, и собиралась уйти, как только придет новая сиделка. Некоторые ее высказывания пришлись сестре Луиз не по душе, и она велела сиделке уйти немедленно, что та и сделала. Луиз позвонила доктору и сказала, что до прихода новой сиделки подежурит сама. Джонни Эрроу исчез, оставив на месте событий только Дейвида и Луиз с мужем, Винсентом Таттлом; а когда Дейвид убедился, что Берт крепко спит в постели после дозы

морфия, который сиделка ввела ему по распоряжению врача, он тоже отправился домой.

Луиз и Таттл легли в комнате, принадлежавшей, по-видимому, Джонни Эрроу, но они еще не спали, когда раздался звонок; Таттл пошел открывать и увидел за дверью Пола. Пол сказал, что внизу, в мужском баре, на него напал Джонни Эрроу и в качестве доказательства предъявил целую коллекцию синяков и кровоподтеков. Самого Эрроу увели двое копов [13]. Пол уверял, что у него сломана челюсть и, возможно, пара ребер, и что вести машину домой, в Маунт Киско, ему не хочется; его устроили на кушетке в гостиной, и через полминуты он уже храпел, а Луиз и Таттл, заглянув к Берту еще раз, вернулись в постель. Разбудил их Пол часов в шесть утра. Сам он проснулся от того, что свалился с кушетки; он пошел проверить — как Берт, и увидел, что тот умер. Позвонили портье, чтобы он вызвал какого-нибудь врача. По настоянию Берта его лечил старый врач их семьи, которого он помнил с детства, но ждать, пока тот приедет из Маунт Киско, — это было бы слишком долго. Хотя ему они, конечно, тоже позвонили, и он приехал попозже.

Вулф заерзал на месте. Ерзает он так: рисует кончиком пальца на подлокотнике кресла круги размером с центовую монетку.

— Я надеюсь, — прорычал он, — что врачи подтвердят обоснованность и вашего визита ко мне, и этого длинного монолога. Или хотя бы один из них?

— Нет, сэр. — Дейвид Файф покачал головой. — Они не нашли ничего подозрительного. Мой брат умер от воспаления легких. Доктор Буль — тот, который из Маунт Киско, доктор Фредерик Буль, подписал свидетельство о смерти. И брата похоронили в понедельник, вчера, на семейном участке. Конечно, бегство сиделки сделало э-э-э… ситуацию немного двусмысленной, но никто не придал этому никакого значения.

— Тогда какого дьявола вам от меня нужно?

— Я как раз к этому подхожу. — Файф откашлялся, и когда он заговорил снова, его речь стала еще более осторожной. — Вчера после похорон этот Эрроу пригласил нас к себе в отель на сегодня, на одиннадцать утра, для оглашения завещания, и мы, естественно, пошли. Луиз была с мужем. Там был адвокат, некто Макнил, он прилетел из Монреаля и привез завещание с собой. В нем была обычная юридическая абракадабра, но сводилось все к одному: Берт оставляет свое состояние Полу, Луиз и мне, а душеприказчиком назначает этого Эрроу. Размер состояния не указывался, но из того, что говорил Берт, я бы оценил его долю урановых акций миллионов в пять или больше, может, и в десять.

Вулф перестал ерзать.

— После этого, — продолжал Файф, — адвокат достал из своего дипломата еще одну бумагу. Он сказал, что это копия договора между Бертом Файфом и Джонни Эрроу, составленного им самим в прошлом году. Он его зачитал. Сначала шла преамбула о том, как они вдвоем пять лет занимались разведкой урана, и как вдвоем же обнаружили эту жилу в Блэк Элбоу, а сводилось все к тому, что, в случае смерти одного из них, все состояние переходит в собственность другого, включая любую недвижимость, приобретенную покойным на доходы от рудника. В тексте это звучало иначе, фразеология была чисто юридическая, но смысл был такой. Как только он закончил читать, заговорил Джонни Эрроу. Он сказал, что все, чем владел Берт, приобреталось за счет доходов от урана в Блэк Элбоу и, следовательно, по закону принадлежит теперь ему, включая крупные вклады в канадских банках, но что перед отъездом в Нью-Йорк, Берт перевел тысяч тридцать — сорок долларов в один из нью-йоркских банков, и что он, Эрроу, не собирается претендовать на то, что от этой суммы осталось. Она и составляет собственность покойного, которую мы можем получить.

Дейвид слегка развел руками:

— Я сказал себе: он очень великодушен, ведь мог бы забрать и эти деньги. Мы задали адвокату пару вопросов, потом ушли и заехали в какой-то ресторан пообедать. Пол был в бешенстве. У моего брата Пола такой импульсивный характер. Он решил пойти в полицию, сказать им, что Берт умер при подозрительных обстоятельствах, и попросить провести расследование. По его теории, когда Эрроу понял, что Берт восстанавливает прежние отношения с родственниками, он испугался, как бы тот не подарил нам что-нибудь по крупному, может даже часть акций уранового рудника, и Эрроу, по договору, не смог бы тогда претендовать на них в случае смерти Берта. Вот он и решил, что ему лучше умереть сейчас. Муж моей сестры, Винсент Таттл, возразил, что даже если Пол рассуждает правильно, Эрроу по его схеме действовать не стал, ведь два опытных врача уверены, что Берт умер от воспаления легких; мы с Луиз его поддержали, но Пол уперся и стоял на своем. Он намекнул, что ему известно кое-что, чего мы не знаем, но он всегда любил напускать на себя таинственность. Он твердил, что надо идти в полицию, мы с ним спорили, и в конце концов я предложил компромисс. Я предложил нанять Неро Вулфа, чтобы он провел расследование, и если вы решите, что основания для вмешательства полиции существуют, мы пойдем туда вместе с Полом, а если вы решите, что таких оснований нет, то Пол оставит свою затею.

— Ладно, вам он готов довериться, — оказал Пол. — И вот эту работу я хочу вам предложить. Мне известно, что гонорары у вас высокие, но в этом деле не должно быть особых… м-м-м… я хочу сказать, оно не должно быть очень сложным. Ситуация-то довольно простая, правда?

— Может быть, — хмыкнул Вулф. — Вскрытие делали?

— Нет-нет, слава богу, нет.

— Начинать нужно бы именно с этого, но теперь уж поздно, без полиции ничего не выйдет. До похорон вскрытие легко объяснить просто любопытством медиков, а сейчас для эксгумации нужна санкция. Насколько я понял, вы хотите, чтобы я провел расследование и сказал вам, да или нет, не привлекая внимания полиции.

Файф энергично закивал головой. — Да-да, именно так. Нам не нужен скандал. Могут пойти сплетни…

— Они редко кому нужны, — сухо сказал Вулф. — Но, нанимая меня, учтите: все может кончиться именно скандалом. Вы, конечно, отдаете себе отчет, что если я обнаружу что-то подозрительное, скрыть эти факты или предать огласке — это уже будет не в вашей власти. Если найдутся основания для подозрения в убийстве, замалчивать их я не соглашусь. И если окажется, что подозрения падают на вас лично, я поступлю так, как сочту нужным.

— Конечно. — Файф попытался улыбнуться, и это ему неплохо удалось. — Только я знаю, что я никакого преступления не совершал и вряд ли, чтобы кто-нибудь другой — тоже. Пол, мой брат, по характеру немного импульсивный. Естественно, вам надо с ним поговорить, да и он захочет вас видеть.

— Мне придется поговорить с каждым из них. — Вулф помрачнел. — Работа… — Он ухватился за соломинку. — Но в данной ситуации я должен просить о задатке — в знак доверия. Скажем, чек на тысячу долларов?

Неплохой ход: лишней тыщонки в кармане заведующего секцией английского языка средней школы может и не оказаться, и тогда сделка не состоится, но Файф даже и не пытался торговаться. Он, правда, сглотнул слюну, и потом еще раз, после того, как достал ручку, чековую книжку, выписал сумму и поставил свою подпись. Я встал, принял протянутый мне чек и передал его Вулфу.

— Крутовато, — сказал Файф. Он не жаловался, просто констатировал. — Но ничего не поделаешь. Иначе Пол не угомонится. Когда вы его примете?

Вулф глянул на чек и сунул его под пресс-папье — обломок окаменевшего дерева, которым однажды некто, по имени Дагган,

раскроил череп собственной супруге. Он поднял глаза на настенные часы — через двадцать минут уже четыре — время вечернего посещения теплицы.

— Сначала, — сказал он Файфу, — мне нужно поговорить с доктором Булем. Вы можете доставить его сюда к шести часам?

Видно было, что Дейвид колеблется.

— Я могу попробовать. Ему надо ехать из Маунт Киско, а он всегда очень занят. Без него разве нельзя обойтись? Свидетельство о смерти он подписал, а репутация у него безупречная.

— Без него обойтись никак нельзя. Прежде, чем встречаться с остальными, я должен поговорить с ним. Если он сможет в шесть, остальные пусть подъезжают к шести тридцати. Ваш брат, сестра, мистер Таттл и мистер Эрроу.

Файф выпучил глаза.

— Ради бога, — запротестовал он, — не надо Эрроу.

Да он и сам не придет. — Он выразительно покачал головой. — Нет. Я не буду его приглашать.

Вулф пожал плечами.

— Тогда я приглашу. А может быть, лучше… да. Разговор может затянуться, а в семь тридцать у меня обед. Если вы устроите так, чтобы доктор Буль приехал к девяти, то остальные пусть приходят в половине десятого. Конечно, мистер Файф, есть несколько вопросов, которыми мы могли бы с вами заняться прямо сейчас, — например, ситуация, которую вы застали в номере после театра, или примирение вашего брата Бертрама с семьей, — но у меня назначена встреча; да и потом, вечером мы сможем все выяснить более детально. А пока оставьте, пожалуйста, мистеру Гудвину адреса и телефоны всех, причастных к этому делу. — Он наклонил свое громадное туловище вперед, взял перочинный нож и стал осторожно водить им по оселку. Раз уж он взялся за эту работу, то, хоть тресни, доведет до конца.

— Ситуацию я вам описал, — Файф повысил голос. — Я не скрываю, что Пол остался в отеле, чтобы приударить за сиделкой. Я совершенно не одобряю его методов общения с женщинами. Я же сказал, что характер у него импульсивный.

Большим пальцем Вулф ласково пробовал лезвие ножа.

— Почему вас так заинтересовало примирение? — спросил Файф.

— Только потому, что вы сами употребили это слово. — Вулф снова водил ножом по бруску. — Что понадобилось примирять? К делу этот вопрос, вероятно, и не относится, но то же можно сказать о большинстве вопросов, возникающих в ходе следствия.

Он подождет до вечера.

Файф поморщился.

— Это старая болячка, — сказал он уже тихим и, как вначале, усталым голосом. — И вполне может иметь отношение к делу, так как, пожалуй, отчасти объясняет состояние Пола. Кроме того, мне кажется, мы слишком болезненно воспринимаем малейшую угрозу скандала. Воспаление легких — больная тема в нашей семье. Двадцать лет назад от воспаления легких умер мой отец. В полиции, и не только в полиции, считали тогда, что его убили. Это случилось ночью, в январе, в метель; было очень холодно, он лежал на первом этаже, в спальне, в нашем доме в Маунт Киско, и кто-то поднял рамы у двух окон и оставил их открытыми на всю ночь. В пять утра я нашел его уже мертвым. На полу намело снегу, сантиметров тридцать, и на кровати тоже был снег. В тот день возле него дежурила моя сестра Луиз, но она спокойно спала в соседней комнате. В полиции считали, что в горячий шоколад, который она пила около полуночи, кто-то подсыпал снотворного, но доказать ничего не смогли. Окна на ночь оставили незапертыми, поэтому рамы можно было поднять и снаружи. Так оно, видимо, и случилось. Мой отец занимался продажей недвижимости, и кое с кем обошелся не очень красиво, поэтому в городе были люди, которые э-э-э…, которые его не очень любили.

Файф снова слегка развел руками.

— Так что, сами видите, — все, как будто, повторяется. К несчастью, мой брат Берт — ему тогда было всего двадцать два — разругался с отцом и ушел из дома. Он снимал комнату в меблированных номерах, примерно в миле от нашего дома, и работал в гараже. В полиции решили, что убийца — он, и что у них достаточно улик, чтобы его посадить. Суд состоялся, но улик явно не хватало, и Берта оправдали. Кроме того, оказалось, что у него есть алиби. В ту ночь он до двух часов играл в карты с приятелем, Винсентом Таттлом (который потом женился на моей сестре), у Таттла в комнате, в тех же меблированных номерах; метель прекратилась где-то сразу после двух, а окна, должно быть, открыли гораздо раньше. Но Берт обиделся на нас за показания, которые мы, как свидетели, давали на суде — Луиз, Пол и я — хотя мы говорили правду, только то, что и так было известно, например, о его ссоре с отцом. Об этом все знали. На следующий же день Берт уехал из города, и с тех пор мы от него не получали вестей — ни единого слова за двадцать лет. Вот почему я и употребил это слово — «примирение».

Вулф уже сунул нож в карман и прятал оселок в ящик письменного стола.

— Кстати, — сказал Файф, — Эрроу неправ, когда говорит,

что все, чем владел Берт, приобреталось на доходы от урана. Хотя он и не требовал никогда своей доли наследства, и его так и не смогли найти, мы ни разу не пытались разделить его четвертую часть между собой. Тогда она составляла около шестидесяти тысяч долларов, а сейчас — раза в два больше. Конечно, теперь эти деньги получим Пол, Луиз и я, но, честно говоря, радости от этого — никакой. Я скажу откровенно, мистер Вулф: уж лучше бы Берт вообще не возвращался. Он только разбередил старую рану, а теперь еще эта смерть, и то, как она случилась, да еще Пол со своими выходками…

Часы показывали без одной минуты четыре, и Вулф уже отодвигал свое кресло, пытаясь встать.

— Да уж, мистер Файф, — в тон ему сказал он. — И живой был — обуза, и умер — одни убытки. Оставьте, пожалуйста, мистеру Гудвину всю необходимую информацию и обязательно позвоните, когда договоритесь на вечер со всеми.

Он направился к двери.

2

Даже если дело выглядит совершенно ясным, небольшое уточнение обстоятельств часто бывает весьма кстати, и как только Файф ушел, я обзвонил несколько мест и собрал энное количество бесполезной информации. Дейвид проработал в средней школе «Одюбон» двенадцать лет, из которых четыре — заведующим секцией английского языка. Агентство Пола по торговле недвижимостью процветало не бог весть как, но до банкротства дело явно не доходило. Аптека Винсента Таттла, тоже в Маунт Киско, полностью принадлежала ему и, по словам, дела у него шли отлично. Ни адреса, ни телефона сиделки Энн Горен Дейвид не знал, но Вулф хотел встретиться со всеми, и я отыскал ее в телефонной книге Манхэттена под рубрикой «Сиделки». Я набрал ее номер два раза и услышал короткие гудки, набрал еще три раза — никто не снимал трубку. До Джонни Эрроу я тоже не дозвонился. Все звонки в «Черчилль Тауэрз» идут через коммутатор «Черчилля», и я попросил телефонистку передать ему, чтобы он позвонил нам, и сам потом звонил ему раз шесть. Наконец, как раз перед тем, как Фриц объявил, что обед готов, я застал Тима Эварта, помощника охранника отеля, или, если хотите, помощника начальника Внутренней службы безопасности, и задал ему пару конфиденциальных вопросов. Часть его ответов говорила в пользу Эрроу, другая — против. За: номер «люкс» в «Тауэрз» был оплачен

вперед, официанты в баре и в ресторане относились с симпатией к Джонни Эрроу, и особенно к размеру его чаевых. Против: в субботу вечером Джонни отделал какого-то парня в баре, ударил несколько раз и бил бы еще, если бы его не увели копы. Тим сказал, что с технической стороны зрелище было великолепное, но бар «Черчилля» — не место для таких аттракционов.

Позвонил Файф и сказал, что со всеми договорился. К девяти часам, пока не пришел доктор Буль, мы с Вулфом уже оприходовали в столовой фунта четыре лососевого мусса, изготовленного по собственному рецепту Вулфа, а также небольшую порцию летнего салата, и вернулись в кабинет. Звонок позвал меня в переднюю, и то, что я увидел через стекло входной двери с односторонней светопроницаемостью, я назвал бы двойным сюрпризом. Доктор Буль, если это был он, вовсе не походил на дряхлого деревенского старикашку-лекаря — на крыльце стоял прямой, седовласый, безупречно одетый джентльмен. А рядом с ним — молодая особа с таким обилием собственных безупречных достоинств, которые бросались в глаза даже на расстоянии.

Я подошел и открыл дверь. Он шагнул в сторону, пропуская ее вперед, вошел сам и сказал, что он доктор Буль, и что у него назначена встреча с Неро Вулфом. Головного убора на его седой шевелюре не было, и, не задерживаясь у вешалки, я провел их через переднюю в кабинет. Войдя, он быстро огляделся, подошел к столу Вулфа и заговорил весьма агрессивно:

— Я Фредерик Буль. Меня попросил прийти Дейвид Файф. Что это еще за ерунда?

— Сам не знаю, — пробормотал Вулф. После еды он всегда говорит очень тихо, если его не завести. — Меня и наняли, чтобы я это выяснил. Садитесь, сэр. А девушка?

— Это сиделка. Мисс Энн Горен. Садитесь, Энн.

Я пододвинул ей кресло. Мое мнение о Поле Файфе стремительно менялось. Может, он и впрямь действовал чересчур импульсивно, но соблазн был велик. Отметины у нее на шее, щеках и руках были, по-видимому, поверхностными — никаких следов уже не осталось. Кроме того, в своем форменном халатике она должна выглядеть куда как аппетитнее, чем в голубом, из набивного ситца платье и жакетке болеро ему в тон, в которых пришла сейчас. Пусть и в набивном ситце, я мог бы —…ладно, оставим. Она пришла по делу. Она поблагодарила меня за кресло холодно, без тени улыбки.

— Ну, так в чем дело? — требовательно заговорил из красного кожаного кресла доктор Буль.

Вулф пробормотал:

— Разве мистер Файф вам не сказал?

— Он мне сказал, что Полу в смерти Берта что-то показалось подозрительным, и он собрался в полицию.

Дейвид, Луиз и Винсент Таттл отговорить его не сумели, но условились, что обратятся к вам, чтобы вы провели следствие и рассудили их окончательно. Дейвид пошел к вам, и тут вдруг понадобился я. Думаю, это совершенно ни к чему. Заключение о смерти я подписал, а в моей компетенции пока еще никто не сомневался.

— Это я слышал, — пробормотал Вулф, — но если уж мое решение должно быть окончательным, то его надо как следует обосновать. У меня и в мыслях не было сомневаться в правильности вашего заключения о смерти. Но несколько вопросов к вам есть. Когда в последний раз вы видели Бертрама Файфа живым?

— В субботу вечером. Я пробыл у него полчаса и уехал в двадцать минут восьмого. Они все были там, обедали в столовой. Ложиться в больницу он не захотел. Я поставил кислородную палатку, но он ее то и дело спихивал, не хотел под ней лежать. Мне так и не удалось его уговорить, мисс Горен — тоже. У него были сильные боли, во всяком случае, он так говорил, но температура — не очень высокая, сто два [14], не больше. Он был очень трудным пациентом, его мучила бессонница. Я велел сиделке, чтобы она, как только уйдут гости, ввела ему четверть грана морфия, а через час, если эта доза не поможет, — еще одну четверть: предыдущей ночью он уже полграна получил.

— И после этого вы вернулись в Маунт Киско?

Да.

— Вы не думали, что в эту ночь он может умереть?

— Конечно, нет.

— Следовательно, вы были удивлены, когда в воскресенье утром вам сообщили, что он умер?

— Ну, конечно. — Буль с силой уперся ладонями в подлокотники кресла. — Мистер Вулф, я терплю этот разговор только из уважения к Дейвиду Файфу. Бросьте заниматься ерундой. Мне шестьдесят лет, из них больше тридцати я практикую, и доброй половине моих пациентов случалось удивлять меня тем или иным образом — то кровотечение у них слишком сильное, то, наоборот, слишком слабое, то выдадут сыпь после таблетки аспирина, то пониженную температуру при высоком давлении; они выживают, когда кажется, должны умереть, и умирают, когда у них, вроде, все в порядке. Терапевты с этим сталкиваются постоянно. Да, смерть Бертрама Файфа — большая неожиданность, но невероятного в ней ничего нет. Я

осмотрел тело с особой тщательностью уже через несколько часов, и ни на секунду причина смерти не вызвала у меня никаких сомнений. Поэтому я и подписал заключение.

— А почему вы осматривали его с особой тщательностью? — Вулф все еще бормотал.

— Потому что среди ночи сиделка бросила его — вынуждена была бросить — одного, и я не сумел найти замену. Все, что мне удалось, это договориться с другой сиделкой на семь утра. В этой ситуации я решил, что тщательный осмотр, для протокола, просто необходим.

— И вывод, что единственная причина смерти больного — воспаление легких, вас удовлетворяет?

— Нет, конечно, нет. В моей профессии полное удовлетворение — вещь очень редкая, мистер Вулф. Но я удовлетворен в том смысле, что заключение о смерти было и правильным, и уместным, что оно оказалось в полном соответствии с медицинскими показаниями, или, говоря языком обывателя, что Бертрам Файф умер от воспаления легких. Не думайте, что я словоблудием занимаюсь. Много лет назад один мой больной умер от воспаления легких, но было это зимой, ночью, в метель; кто-то открыл окна в его спальне и превратил ее в холодильник. Но в данном случае и ночь была теплая, и окна были закрыты. В номере есть кондиционер; я велел сиделке держать регулятор на восьмидесяти градусах — при воспалении легких необходимо тепло — что она и сделала. В том случае, о котором я упомянул, открытые окна, метель, безусловно, сделали свое дело, но сейчас ничего подобного не было.

Вулф одобрительно кивнул головой.

— Вы отлично осветили этот вопрос, доктор, но из вашего рассказа возникает и другой. Кондиционер. Что если кто-нибудь, после ухода сиделки, перевел регулятор на самую низкую температуру? Могла комната остыть настолько, что больной умер, хотя вы и считали, что у него все в порядке?

— Вряд ли. Я уже думал об этом. Мистер и миссис Таттл заверили меня, что к регулятору они не прикасались, и что температура в комнате не менялась: да и не мог бы кондиционер до такой степени остудить комнату в такую теплую ночь. Я хотел в этом убедиться наверняка — ведь сиделки с ним не было — и договорился с отелем устроить эксперимент в той же комнате, в субботу вечером. Кондиционер работал шесть часов с регулятором на самой низкой отметке, и температура снизилась до шестидесяти девяти — для больного пневмонией это слишком холодно, даже если он укутан как следует, но не смертельно.

— Понятно, — пробормотал Вулф. — Вы решили не

полагаться на заверения мистера и миссис Таттл?

Буль улыбнулся.

— Думаю, это не совсем справедливо. Я им полностью доверяю, так же, как вы — мне. Я поступил аккуратно. Я люблю аккуратность.

— Замечательная черта. Я тоже люблю аккуратность. А не было ли у вас ощущения, пусть даже ни на чем не основанного, что кто-нибудь, может быть, ухитрился и помог пневмонии добить вашего пациента?

— Нет. Я просто хотел быть аккуратным до конца.

Вулф кивнул.

— Ну хорошо. — Он сделал глубокий вздох, по завершении которого повернул голову и сосредоточил все внимание на сиделке. Во время разговора она сидела с прямой спиной и высоко поднятым подбородком, сложив руки на коленях. Я видел ее в профиль. Нечасто встречаются женские подбородки, одинаково прелестные — что опереди, что сбоку.

Вулф заговорил.

— Один вопрос, мисс Горен, нет, два. Вы подтверждаете все, что рассказал доктор Буль — то, что известно вам лично?

— Да, подтверждаю. — сказала она с легкой хрипотцой в голосе — наверное, оттого, что долго молчала.

— Насколько я понял, когда все уехали в театр, Пол Файф начал к вам приставать, и получил отпор.

— Да.

— Не явилось ли это причиной того, что вы каким-либо образом допустили небрежность в выполнении своих обязанностей? Помешало надлежащему уходу за больным?

— Нет. Больной крепко спал после инъекции.

— А вы ничего не хотите сообщить или добавить к сказанному? Дейвид Файф предложил мне проверить, нет ли в обстоятельствах смерти его брата чего-либо такого, что заинтересовало бы полицию. Не можете вы сообщить хоть что-нибудь, что помогло бы мне принять решение?

Она взглянула на Буля.

— Нет, не могу, — сказала она и встала. Разумеется, сиделки должны уметь вставать бесшумно, но эта не просто встала — воспарила. — Все?

Вулф не ответил, и она направилась к выходу. Встал и Буль. Но когда она была на полпути к двери, Вулф окликнул ее, значительно громче прежнего своего бормотания.

— Мисс Горен! Одну минутку! — Она повернулась и посмотрела на него. — Присядьте, пожалуйста, — пригласил он. Она замялась, посмотрела на Буля и пошла обратно к креслу.

— Да? — спросила она.

Вулф разглядывал ее некоторое время, потом повернулся к Булю.

— Я мог бы вас сразу спросить, — сказал он, — зачем вы взяли с собой мисс Горен. Особой необходимости в ее присутствии нет, поскольку ваша квалификация и знание обстоятельств позволяют ответить на все мои вопросы, а уж впутывать ее в такую малоприятную историю — просто безответственно. Я резонно сделал вывод, что вы ждали от меня вопроса, на который может ответить только она. А для чего она вам и понадобилась — этот вопрос я не задал, но я задавал наводящие! Когда я спросил, может ли она добавить что-нибудь, она посмотрела на вас. Совершенно очевидно: она что-то скрывает, и вам известно, что. Я не могу выудить из вас этот секрет — ни подкупить вас ничем, ни шантажировать, но мое любопытство возбуждено, и, как бы то ни было, его следует удовлетворить. Может, вы предпочтете это сделать сами?

Буль уже сидел. Он оперся локтем о подлокотник и мял кончик тонкого прямого носа большим и указательным пальцами. Он уронил руку на подлокотник.

— А я думал, вы просто болтун, — сказал он. — Совершенно верно. Я действительно думал, что вы поднимете вопрос, требующий присутствия мисс Горен, и очень удивился, когда вы этого не сделали. Я хотел поразмыслить о нем на досуге, но могу охотно рассказать, в чем дело. Они что-нибудь упоминали о грелках?

— Нет, сэр. О грелках мне ничего не говорили.

— Значит, я думаю, Пол… а впрочем, какая разница, что я думаю. Расскажите, Энн.

— Он уже знает, — с горечью сказала она. — Один из них ему платит.

— Все равно, расскажите, — предложил Вулф, — для сравнения. — Его метод общения с женщинами совершенно не похож ни на мой, ни на метод Пола.

— Ну что ж, — она вздернула свой прелестный подбородок. — Я положила больному две грелки, по обе стороны груди, и меняла воду каждые два часа. Последний раз — как раз перед тем, как ушла, вернее, перед тем, как миссис Таттл меня выгнала. А в воскресенье вечером ко мне домой явился Пол Файф — я снимаю небольшую квартирку на сорок восьмой улице, с подругой, она тоже сиделка. Он сказал, что утром, когда обнаружил, что брат умер, откинул его одеяло и увидел, что грелки на месте, но — пустые, и он их взял и отнес в ванную. А потом их заметила его сестра, миссис Таттл, позвала его —

показать, и сказал, что это безобразие, сиделка забыла налить в них воды, и что она нажалуется на меня доктору. Он спросил, не меняла ли она воду сама, перед тем, как ложиться спать, но она сказала, нет, зачем, ведь сиделка поменяла воду сразу перед уходом.

Хрипота из голоса мисс Горен исчезла. Она говорила четко, ясно, уверенно.

— Он сказал, что объяснил сестре, будто это он вылил воду из грелок, когда отнес их в ванную. Он сказал, что солгал, не раздумывая, просто чтобы она не стала на меня жаловаться доктору, но потом ему пришло в голову, что, возможно, не следовало этого делать, так как пустые грелки могут каким-то образом быть связаны со смертью брата, и не хочу ли я пойти с ним пообедать и все обсудить. Мы стояли на пороге — я не пустила его в квартиру — и захлопнула дверь у него черед носом. На следующий день, вчера, он звонил мне три раза и вечером снова пришел, но я ему не открыла. Тогда он рассказал все своему брату Дейвиду и заставил его пойти к вам. Ну как, есть что сравнивать?

Вулф, наморщив лоб, смотрел на нее.

— Фу, — сказал он, отвернулся от мисс Горен и посмотрел на Буля. — Так вот в чем дело? — прорычал он.

Буль кивнул.

— Мисс Горен позвонила мне в воскресенье вечером и все рассказала; и вчера днем звонила, и вечером еще раз. Ничего удивительного — на карту поставлена ее репутация. Теперь вы понимаете, почему я ждал, когда вы заговорите об этом первым?

— Вполне. Но я слышу об этом впервые. А не может быть так, что мисс Горен действительно забыла налить воду в грелки?

— Исключено. Раз она говорит нет, значит — нет. Я хорошо ее знаю, она училась в больнице в Маунт Киско. Если у меня бывает пациент в Нью-Йорке, и она свободна, я всегда приглашаю ее. Нет, тут и говорить не о чем.

— Значит, либо Пол Файф лжет, либо кто-то взял грелки с кровати, вылил, а потом положил обратно. Что кажется бессмысленным. Очевидно, на состоянии пациента это заметно отразиться не могло. Или как?

— Нет. Заметно — нет. — Буль пригладил ладонью седую шевелюру. — Но это может заметно отразиться на профессиональной репутации мисс Горен, и здесь я чувствую свою ответственность. Ведь к Берту Файфу пригласил ее я. Моим мнением вы не интересовались, но позвольте я его выскажу. Я считаю, что Бертрам Файф умер от воспаления легких, и никаких посторонних причин для его смерти не было, кроме тех, которые

он сам себе и устроил — когда отказался ложиться в больницу, когда отказался от кислородной палатки и, возможно, когда закапризничал и заставил их, несмотря на свое состояние, приехать к себе на обед. В детстве он был упрямцем, и с тех пор, видимо, не изменился. Что касается грелок, то я думаю, Пол Файф лжет. Не хочу заниматься сплетнями, но о его экстравагантном поведении с женщинами у нас известно всем. Если ему какая приглянется, его не просто к ней влечет — он превращается в маньяка. И если, найдя в постели грелки, он тут же задумал использовать их против мисс Горен, отнес в ванную и вылил, — это вполне в духе его прежних выходок.

— Но тогда, — возразил Вулф, — просто глупо было рассказывать сестре, что воду вылил он сам.

Буль покачал головой.

— Только чтобы ее успокоить. Зато потом ему было чем похвастать перед мисс Горен, и в то же время пригрозить ей, а то и намекнуть, что он может рассказать о ее халатности. Я не спорю, он, конечно, дурак, как и все маньяки. Просто я считаю, что сестре он сказал правду, а миссис Горен — солгал. Наверняка, он сам вылил эти грелки. Насколько я понял, он приедет к вам сегодня вечером, и все остальные — тоже. Так вот, я прошу вас, передайте им, что если мисс Горен предъявят обвинение в халатности, я буду рассматривать это как личное оскорбление, и предприму ответные меры. Я посоветую ей подать в суд за клевету, и сам поддержу ее заявление. Но если вы предпочитаете, чтобы я сказал им об этом сам…

Позвонили в дверь. Я встал, вышел в прихожую, посмотрел, кто там и быстро вернулся в кабинет.

— Это они, — сказал я Вулфу. — Дейвид, двое мужчин и женщина.

Он посмотрел на часы на стене.

— На десять минут опоздали. Впустите их.

— Нет! — Энн Горен вскочила на ноги. — Не надо! Я не хочу быть с ними в одной комнате! Доктор Буль! Пожалуйста!

Должен признаться, я был с ней согласен. Хоть я и не маньяк, но с ней я был абсолютно согласен. После секундного колебания согласился с ней и Буль, о чем он сказал Вулфу. Вулф посмотрел на нее — и наше мнение прошло единогласно.

— Хорошо, — согласился он. — Арчи, проводите мисс Горен и доктора Буля в гостиную, а когда все зайдут сюда, выпустите на улицу.

— Да, сэр. — Когда я пошел открывать дверь в гостиную, снова раздался звонок. Импульсивный Пол. Знай он, кто у нас сейчас, он бы, чего доброго, прошиб стеклянную дверь насквозь.

3

Проведя новых гостей в кабинет и выпустив Буля с Энн Горен, я сидел за своим столом, держа блокнот наготове. По всему было видно, что следствие о смерти, так удивившее доктора, вот-вот выродится в разбирательство по поводу методов ухаживания торговца недвижимостью — вовсе не та работа, которую Вулф счел бы достойной своего гения, сколько ему за нее ни плати; и я с любопытством ждал, когда он их выставит.

С виду Пол никак не соответствовал тому, что о нем рассказывали, был он на добрых восемь дюймов ниже меня, широк в кости, толстоват, и, небось, считал, что похож на Наполеона, в чем отчасти был прав, вернее, был бы прав, если бы не фингал под левым глазом и кровоподтеки по обе стороны распухшей челюсти. Джонни Эрроу явно работал двумя кулаками. Пол и Таттлы уселись на креслах, выстроенных в ряд перед письменным столом Вулфа, оставив красное кожаное кресло Дейвиду.

Луиз была повыше обоих братьев и посимпатичнее. Она выглядела совсем недурно для женщины своих лет; ей бы чуть поменьше костлявости, да прическу чуть подлиннее. Что касается прически ее мужа, Таттла, то она отсутствовала начисто. Его сияющий череп с острой макушкой занимал господствующее положение и делал прочие детали — глаза, нос, подбородок — несущественными. Чтобы их разглядеть, нужно было как следует сосредоточиться.

Когда я, заперев дверь за Булем и Энн Горен, вернулся на свое место, Вулф говорил:

— …И доктор Буль заявляет, что, по его мнению, ваш брат умер от воспаления легких, без каких-либо подозрительных обстоятельств. И с этим ничего не поделаешь: свидетельство о смерти уже подписано.

Он посмотрел на Пола.

— Как я понимаю, вы настаиваете на том, чтобы обратиться в полицию с просьбой провести расследование. Это так?

— Конечно так, черт возьми! — у него был баритон, и он не очень-то берег свои голосовые связки.

— А все остальные — против. — Голова Вулфа повернулась. — Вы против, сэр?

— Я уже говорил. — И голос у Дейвида, и выражение лица были еще более страдальческими, чем раньше. — Да, я против.

— А вы, миссис Таттл?

— Конечно, против. — Она говорила высоким тоненьким голоском, проглатывая окончания слов. — Я не люблю

напрашиваться на неприятности. Мой муж тоже. — Она резко повернула голову. — Винс?

— Конечно, дорогая, — пробасил Таттл. — Я всегда с тобой согласен, даже когда на самом деле не очень. Но сейчас — на все сто.

Вулф снова повернулся к Полу. — Похоже, последнее слово за вами. Если вы пойдете в полицию, что вы им скажете?

— Найду что. — Свет лампы делал фингал Пола еще чернее, чем он был на самом деле. — Я им скажу, что в субботу вечером, когда доктор Буль уезжал домой, он сказал, что у Берта все нормально, и мы можем ехать в театр, а через несколько часов Берт уже умер. Я им скажу, что этот тип Эрроу подбивал клинышки к сиделке, а она строила ему глазки, и у него наверняка была возможность добраться до ее пилюль и подложить что-нибудь вместо морфия, который она собиралась впрыснуть Берту. Доктор Буль нам сказал, что оставляет морфий. Я скажу, что Эрроу огребет теперь с полдесятка миллионов зелененьких, которых, будь Берт жив, ему не видать бы, как своих ушей. Я скажу, что, когда Эрроу увидел, что у нас с Бертом все налаживается, что мы снова как одна семья, ему это не понравилось, что он и продемонстрировал.

Пол замолчал и осторожно, кончиками пальцев, дотронулся до челюсти.

— Мне больно разговаривать, — сказал он. — Чертов хулиган. Послушайте, я ведь не святой. Вы на меня так смотрите, будто хотите спросить, что это я так убиваюсь по своему братцу — да ни черта подобного! Я и в детстве-то с Бертом не очень ладил, и с тех пор его двадцать лет не видел, так что чего уж там! Но могу и объяснить — чего. Убийца не может унаследовать имущество своей жертвы, поэтому, если убил его Эрроу, их договору — грош цена, и все состояние отходит Берту, то есть нам. Это же очевидно, почему об этом не оказать вслух? В полиции-то мне ничего объяснять не придется, они и так поймут.

— Ты заговариваешься, Пол, — резко сказал Дейвид.

— Да уж, — поддакнул Таттл, — это точно.

— А пошел ты в задницу, — оказал Пол зятю. — Ты-то кто такой?

— Он мой муж, — окрысилась Луиз. — И мог бы и тебя кой-чему поучить, будь у тебя голова на плечах.

— Милая семейная беседа. — Вулф взял разговор на себя. — Не спорю, — сказал он, — возбудить любопытство полиции у вас есть чем, но одних только подозрений недостаточно. Вы больше ничего не можете им сказать?

— Нет. Мне больше ничего говорить и не нужно.

— Вот тут вы заблуждаетесь. — Вулф откинулся назад, втянул в себя добрый бушель воздуха и выдохнул его обратно. — Давайте попробуем вместе, может, что-нибудь найдем? Во сколько вы прибыли в номер вашего брата в субботу вечером?

— В субботу вечером, около пяти. — Нижнюю часть лица Пола вдруг перекосило, я подумал — у него спазм, а потом понял: он просто пытается ухмыльнуться, что, с разбитой челюстью не так-то просто. — Понял, — сказал он. — Где я был без девяти минут шесть шестого августа? О'кэй. Без четверти четыре я выехал из Маунт Киско и поехал в Нью-Йорк; в машине был один. Первую остановку сделал у магазина «Шрамм», на Мэдисон Авеню, где купил две кварты их фирменного мангового мороженого — на воскресную вечеринку в Маунт Киско. Затем доехал до 52-й улицы, припарковался там (в субботу вечером это еще можно сделать), пешком прошел до «Черчилля», и в номер поднялся в начале шестого. Я специально приехал пораньше, потому что успел поговорить с сиделкой по телефону: мне понравился ее голос, и я подумал, может, успею с ней познакомиться до приезда остальных. Да как бы не так. Этот парень, Эрроу, уже завел ее в гостиную и заливал что-то о разведке урана. Каждые десять минут она бегала взглянуть на больного, и снова — назад, слушать про уран. Потом приехал Дейв, за ним Луиз с Винсом, а когда мы уже сели за стол, примерно без четверти семь, — доктор Буль. Рассказывать еще?

— Ну, раз уж вы начали…

— Как прикажете. Буль пробыл у Берта где-то с полчаса, а когда уходил, — я уже говорил, что он нам сказал. За обедом мы не только ели, но и пили, и я, должно быть, хватил лишку. Мне пришло в голову, что нехорошо бросать сиделку с Бертом одну, и, когда все поехали в театр, я остался. Я подумал, что если ей так нравится слушать про геологоразведку, то разговор на другие темы, может, понравится тоже. Но не тут-то было. После того как мы слегка — ну, перекинулись словечками, — она вошла к Берту и заперлась на ключ. Потом она наговорила сестре, будто я колотил в дверь и кричал, что если она не выйдет, я выломаю дверь, но я ничего такого не помню. Как бы то ни было, Берт в это время уже отключился от морфия, если это был морфий. Она все-таки вышла, и мы с ней поговорили, и, может, я ее и тронул, но те синяки, которые она им показывала, когда они приехали из театра, — она их, должно быть, сама себе понаставила. Я был, конечно, навеселе, но не настолько же. Наконец, она сняла трубку и сказала, что если я не уйду, она позвонит вниз к администратору и попросит прислать кого-нибудь на помощь. Ну, я и смотался. Хватит?

— Продолжайте.

— Ладненько. Я спустился в бар, нашел какой-то столик, выпил. Рюмки две-три. Тут я почему-то вспомнил про мороженое, которое осталось наверху в холодильнике, и стал соображать, не вернуться ли за ним, как вдруг является этот Эрроу и говорит мне: «Вставай». Схватил меня за руку, рванул, поставил на ноги, и говорит: «Становись, защищайся», — а сам как размахнется, как даст. Сколько раз он меня ударил, я не помню, но посмотрите, что он со мной сделал. Наконец его оттащили, прибежал какой-то коп. Я боком, боком, в сторонку, потом из бара — и на лифт. Поднялся на восьмой этаж, и Винс меня впустил. Дальше я не очень хорошо помню, но знаю, что они устроили меня на кушетке, потому что я проснулся, когда с нее упал, но проснулся как-то не совсем. В голове у меня все перепуталось, я помнил, что меня били, и что мне нужно переговорить с сиделкой; встал, добрался до комнаты Берта и вышел. Шторы на окнах были задернуты; я включил свет и подошел к кровати. Берт лежал, как покойник, с открытым ртом. Я откинул одеяла, пощупал сердце — и наощупь он был, как покойник. По бокам лежали две грелки, мне показалось — пустые. Я взял одну — точно, пустые, и я подумал: «Я обидел ее, и этот недосмотр из-за меня, так не годится». Взял другую грелку — тоже пустая, тогда я сначала отнес их в ванную, а потом пошел…

— Пол! — это заговорила Луиз, глядя на него большими глазами. — Мне ты сказал, что сам их вылил!

— Ну да, сказал, — он ухмыльнулся, вернее попытался это сделать. — Какого дьявола, имеет человек право поступить благородно? — Он повернулся к Вулфу. — Вы хотели, чтобы я рассказал еще что-нибудь. О'кэй, я рассказал. Это сойдет?

— Так ты солгал Луиз, — пробасил Таттл.

— Или лжешь сейчас, — сказал Дейвид, и в его голосе уже не было и тени усталости. — Мне ты об этом ничего не говорил.

— Конечно, нет. Черт возьми, я поступил как благородный человек.

Тут они все набросились друг на друга, и пошло-поехало. По-родственному. Высокое сопрано Луиз, баритон Пола, басок Таттла, фальцет Дейвида — получился неплохой квартет.

Вулф закрыл глаза, поджал губы, набрал воздуху побольше, а потом одним рыком прикончил этот кошачий концерт.

— Разговорчики! Перестаньте, пожалуйста! — Он принялся за Пола. — Вы, сэр, рассуждаете о благородстве. Я вам не сказал, что вместе с доктором Булем здесь была мисс Горен, да-да, мисс Горен, и рассказала, как вы ей звонили, и как домой приходили, так что о благородстве давайте не будем. Сейчас важно выяснить

два вопроса. Первый, по факту: грелки вы нашли уже пустыми или сами их вылили?

— Пустыми. Я сказал сестре…

— Я уже знаю, что вы сказали сестре, и почему. Допустим, грелки, и вправду, были пустыми, но тогда предъявлять их полиции как улику просто нелепо. Доктор Буль уверяет, что даже если мисс Горен забыла наполнить их горячей водой, — что, по его мнению, совершенно исключено — серьезно на состояние больного это повлиять не могло. Так что я тоже никакой улики здесь не вижу. Это второй вопрос. А вот ваша версия насчет морфия, что его чем-то подменили, может, и заслуживает внимания, но ее нужно подкрепить. У вас есть чем?

— Я ничего подкреплять не должен. Это дело полиции.

— Нет. Так не пойдет. В частном расследовании голые предположения еще туда-сюда, но использовать их официально, для возбуждения дела об убийстве — это недопустимо. Я, к примеру, вполне бы мог предположить, что вы, не зная о существовании договора между вашим братом и мистером Эрроу, и полагая, что можете унаследовать третью часть его состояния, сами его и убили, но исходя из этого, я ведь не могу…

— Да, уж лучше не надо, — перебил его Пол. Он снова скорчил рожу, пытаясь ухмыльнуться. — О договоре-то я как раз знал.

— Да? От кого?

— От меня, — сказал Дейвид. — Мне сказал Берт, а я рассказал Полу и Луиз.

— Вот видите? — Вулф шевельнул рукой, повернув ее ладонью вверх. — Моя версия рассыпалась. Будь я упрямцем, я мог бы за нее еще подержаться: предположить, например, что вы, предугадав возможность такого поворота, вступили в сговор между собой — уличить-то вас Берт не может. Однако ни одного доказательства у меня нет, и упираться было бы глупо. — Он посмотрел на Пола и покачал головой. — Боюсь, вы собрались стрелять, не имея ни единого патрона. Но раз уж меня наняли провести расследование, я не стану отвергать вашу версию сходу. — Он обратился к Дейвиду. — Ваше мнение мне известно, мистер Файф, поэтому никаких новых важных сведений я от вас не жду, но несколько вопросов задать не помешает. Что вам известно о морфии?

— Ничего. Совсем ничего. Только то, что доктор Буль сказал, что оставляет сиделке немного морфия, чтобы она сделала Берту укол после нашего ухода.

— Когда доктор Буль уехал, вы в комнату к брату заходили?

— Да, мы все заходили — и Пол, и Луиз, и Винсент, и я.

Сказали «спасибо» за отличный обед, выразили сожаление, что он не едет с нами в театр.

— А где был мистер Эрроу?

— Не знаю. Кажется, он говорил, что пойдет сменить рубашку.

— Он заходил к вашему брату после того, как уехал доктор Буль?

— Не знаю. — Дейвид покачал головой. — Просто не знаю.

Вулф хмыкнул.

— Н-да, уликой это не назовешь. А позже, когда вы вернулись из театра? Может, ом тогда заходил к вашему брату?

— Вряд ли. А если и заходил, то я не видел. — Дейвид наморщил лоб. — Я ведь рассказал вам, как все случилось. Сиделка была очень расстроена, сказала, что позвонила доктору Булю насчет замены. Когда она рассказала нам, что произошло, Эрроу вышел, в смысле, вышел из номера. Потом моя сестра и сиделка довольно резко поговорили, и сестра велела ей уходить, а после того, как та ушла, позвонила доктору Булю и сказала, что они с мужем побудут до прихода новой сиделки. Сразу после этого я ушел. Я живу на Ривердейл.

— Но перед уходом вы к брату заходили?

— Да.

— Ну и как он был?

— Он крепко спал. Дышал хрипловато, но вроде, был в полном порядке. Доктор Буль, когда Луиз ему позвонила, сказал, что Берту ввели полграна морфия, и что, скорее всего, он проспит до утра.

Вулф повернул голову.

— Миссис Таттл. Вы слышали, что говорили ваши братья. Не хотите ли добавить что-нибудь, или поправить?

С Луиз было что-то не так. Губы у нее дрожали, руки, лежавшие на коленях, крепко сжимались в замок. Она смотрела Вулфу в глаза, но ничего не говорила, а потом вдруг закричала:

— Это не я! Вы все на меня хотите свалить, да?

У Вулфа вытянулась физиономия.

— С какой стати, мадам?

— Потому что раз уже так было, с отцом! Вы знаете об отце?

— Я знаю, как он умер. Ваш брат мне рассказывал.

— Так вот, тогда все говорили, что виновата я! Потому что я за ним ухаживала, и уснула, и не зашла к нему в спальню, и не видела, что там окна были открыты! Меня даже опрашивали, не са, ма ли я положила себе снотворное в шоколад, чтобы уснуть! Будто, чтобы уснуть, девице двадцати четырех лет требуется снотворное!

— Ну-ну, дорогая, — Таттл погладил ее по плечу. — Это все в прошлом, зачем ворошить? В субботу вечером у Берта никто окон не открывал.

— Но я прогнала сиделку. — Она говорила Вулфу. — И сказала доктору Булю, что беру все на себя, а сама легла и уснула, и даже грелки не посмотрела, а они были пустые. — Она резко оглянулась на младшего брата. — Скажи правду, Пол, только всю правду — они были пустые?

Тот тоже погладил ее по плечу.

— Успокойся, Лу. Конечно, они были пустые, честное бойскаутское, но Берт ведь не от этого умер, разве я говорил, что от этого?

— Никто тебя не винит, — успокаивал ее Таттл. — А что ты уснула, так что ж такого? Был уже второй час, а доктор Буль обещал, что он проспит до утра. Право, дорогая, ты делаешь из мухи слона.

Она опустила голову, закрыла лицо руками, плечи у нее задрожали. Для Вулфа леди в расстроенных чувствах — это не что иное, как женская особь, бьющаяся в припадке, а если она еще и выть начнет, он вскакивает с места быстрее, чем можно было бы рекомендовать такой туше, и ретируется в коридор, к лифту. Луиз выть не стала. Он некоторое время рассматривал ее, внимательно и настороженно, решил, что она уже и не начнет, и повернулся к ее мужу.

— Кстати, о сне, сэр. Вы сказали — во втором часу. Это было после того, как Пол поднял вас с постели, и вы его впустили?

— Да. — Его рука успокаивающе лежала на руке Луиз. — Это заняло довольно много времени: пока выслушали все, что рассказал Пол, пока устроили его на кушетке. Потом мы заглянули в комнату к Берту, убедились, что он спит, и пошли спать сами.

— И не просыпались до тех пор, пока вас не разбудил Пол, то есть примерно до шести утра?

— Думаю, моя жена не просыпалась ни разу. Она очень устала. Может, ворочалась немного, но не просыпалась. Я раза два выходил в ванную — ночью я всегда хожу в ванную, но остальное время я спал, пока нас не позвал Пол. Когда я выходил во второй раз, я приоткрыл дверь к Берту, там было тихо, и я не стал заходить. А что? Это имеет какое-нибудь значение?

— Да нет, ничего особенного. — Вулф украдкой взглянул на Луиз, проверяя, не грозит ли что-нибудь с той стороны, и снова обратился к Таттлу. — Я думаю о мистере Эрроу; хотелось бы перебрать все возможные варианты. Конечно, у него был ключ от номера, и ночью он мог войти, сделать, что ему нужно, если ему,

и вправду, что-то было нужно, и снова уйти. Ведь мог?

Таттл задумался. Я наблюдал за ним, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвлечься от сияния лысины и сосредоточиться на лице. Было бы не в пример проще, будь его глаза, нос и рот прямо на макушке.

— Вполне, — согласился он, — но я сомневаюсь, что он это, и вправду, сделал. Я сплю очень чутко — думаю, я бы его услышал. И ему пришлось бы пробираться через гостиную, а там был Пол. Правда, Пол мало что соображал.

— Я вообще ничего не соображал, — перебил Пол. — Если бы он уж очень захотел, чтобы я его заметил, то ему пришлось бы врезать мне еще раз. — Он посмотрел на Вулфа. — А это идея. Что ему тут могло быть нужно?

— Да ничего конкретного. Я просто ставлю вопросы. — Мистер Таттл, а после этого, когда вы снова увидели мистера Эрроу?

— Утром. В воскресенье утром. Он появился в номере часов в девять, сразу после доктора Буля.

— Где он был?

— Не знаю. Спрашивать я не стал, а сам он ничего не сказал. Понимаете, перед лицом смерти… Он засыпал нас вопросами, в том числе, надо сказать, довольно бестактными, но в таких обстоятельствах… я решил, что не стоит заострять на этом внимания.

Вулф откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, опустил подбородок к груди. Братья сидели и смотрели на него. Таттл повернулся к жене, поглаживал ее по плечу и что-то бормотал; вскоре она отняла ладони от лица и подняла голову. Он достал из нагрудного кармана красивый чистый носовой платок, она взяла его и несколько раз приложила к лицу. Никаких следов слез на щеках не было.

Вулф открыл глаза и обвел взглядом комнату — сначала слева направо, потом в обратную сторону.

— Не вижу никакого смысла более вас задерживать — объявил он. — Я рассчитывал, что смогу принять решение уже сегодня, — он нацелился взглядом на Пола, — но ваша версия насчет морфия заслуживает небольшого расследования. Конечно, я проведу его сам, и совершенно конфиденциально. Подставлять вас под обвинение в клевете, это значило бы сослужить вам дурную службу. — Он перевел взгляд на Дейвида, потом обратно, на Таттла. — Кстати, я вам не сказал, что просил передать доктор Буль. Если мисс Горен будет предъявлено обвинение в халатности, он как раз и посоветует ей подать на вас за клевету, и сам лично поддержит ее заявление. Она утверждает, что перед

уходом налила в грелки горячую воду, и он убежден, что она говорит правду. Ждите от меня известий, вероятно, не позднее…

Раздался звонок в дверь. Обычно, когда у нас в кабинете гости, дверь открывает Фриц, но сейчас у меня сработала интуиция, что бывает довольно часто; я встал, быстро прошел за спинами клиентов и вовремя успел в прихожую — перехватил Фрица у самой двери. Наружный свет горел, и сквозь стекло двери я разглядел незнакомого человека — широкоплечего субъекта примерно одного со мной возраста и телосложения. Сказав Фрицу, что открою сам, я подошел, приоткрыл дверь, насколько позволяет цепочка, и спросил в щель:

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

Сквозь щель донесся тихий медлительный голос, растягивающий слова:

— Думаю, да. Меня зовут Эрроу, Джонни Эрроу. Мне нужно поговорить с Неро Вулфом. Если вы откроете дверь, это очень поможет.

— Да-да, но сначала я должен его предупредить. Потерпите минутку. — Я закрыл дверь, достал из кармана листок бумаги, написал на нем «Эрроу», вернулся в кабинет, подошел к столу и протянул листок Вулфу.

— Дьявол, — чертыхнулся он. — Я думал, на сегодня — все. Но, может, я… Ну, хорошо.

Не спорю, обвинение в халатности я заслужил: я ведь знал, что произошло в субботу вечером в баре «Черчилль», но, уверяю вас, сделал это не нарочно. Мебель в нашем кабинете я почитаю не меньше, чем Вулф или Фриц.

Просто я задумался, и думал не переставая, — и когда шел в переднюю открывать урановому принцу, и когда ввел его в кабинет и отступил в сторону, наблюдая за выражениями их лиц. Когда же, едва завидев Пола Файфа, Эрроу пошел на него, я оказался слишком далеко. Так, одним желтым креслом у нас стало меньше. Зато мне посчастливилось увидеть, каким образом синяки у Пола Файфа оказались на челюсти с обеих сторон. Эрроу коротко, от плеча, поддел его прямой левой, довольно сильно, так, что тот потерял равновесие, потом размахнулся правой — и Пол, пролетев футов шесть, рухнул на кресло. Когда он наклонился, чтобы рвануть его на ноги и, скорее всего, заняться другим глазом, я был уже рядом, рукой захватил его сзади за шею, а коленом уперся в поясницу. Подскочил и Таттл, пытаясь ухватить Эрроу за рукав. Дейвид бегал вокруг, явно вознамерившись встать между ними, — дурацкая тактика. Луиз пронзительно визжала.

— О'кэй, — сказал я. — Отойдите. Я его держу. — Эрроу

попробовал было вырваться, но в конце концов затих, когда понял, что вопрос состоит только в том, что у него сломается раньше — шея или позвоночник. Вулф, с отвращением в голосе, сказал, что им лучше уйти. Пол кое-как вскарабкался на ноги, и секунду мне казалось, что сейчас попробует ударить Эрроу, пока я его держу, но Дейвид уже схватил брата за руку и тащил прочь. Таттл подошел к Луиз, повел к выходу; Дейвид подталкивал Пола. У двери Дейвид оглянулся на Вулфа, сказал с упреком:

— Зачем вы его впустили, вы-то могли и сообразить? — Когда они все вышли в коридор, я отпустил Эрроу и пошел закрыть за ними дверь; на пороге я пожелал им спокойной ночи, но ответа дождался только от Дейвида.

А в кабинете Джонни Эрроу сидел в красном кожаном кресле и осторожно водил головой взад-вперед, доверяя, цела ли шея. Может, я и вправду, чуть-чуть перестарался, но, когда имеешь дело с незнакомыми людьми, лучше не рисковать.

4

Я устроился спиной к столу и принялся изучать Джонни Эрроу. Объектом для наблюдения он был чрезвычайно любопытным. Урановый магнат — свеженький, с пылу с жару, хронический забияка — хлебом не корми, дай двинуть кому-нибудь в челюсть, парень, который знает толк в хорошеньких сиделках и не теряется при встрече с ними. И в то же время — кандидат на электрический стул. Для человека его возраста — отнюдь не мало. И с виду он был парень ничего, правда, не из тех, кого любят изображать на рекламных плакатах с сигаретой в зубах. Лицо и руки у него были вовсе не так грубы и обветрены, как можно бы ожидать от человека, который пять последних лет долбил скалы где-то в глухомани. Но с открытия Блэк Элбоу прошло уже достаточно времени, чтобы он успел слегка пообтереться.

Он перестал водить головой и встретился со мной взглядом. Его карие глаза с морщинками в уголках, наверное, от постоянного прищуривания в поисках урана — разглядывали меня с любопытством.

— Здорово вы меня скрутили, — сказал он тихим голосом, растягивая слова, и в его голосе не было и тени враждебности. — Я думал, у меня шея сломается.

— И поделом бы, — сердито сказал Вулф. — Посмотрите, что вы сделали с креслом.

— О, за кресло я заплачу. — Он достал из кармана брюк

согнутую пополам плотную пачку зелененьких. — Сколько?

— Мистер Гудвин пришлет вам счет. — Вулф был в ярости. — У меня кабинет, а не арена для гладиаторов. Вы пришли по нашей записке, насколько я понимаю?

Он покачал головой.

— Никакой записки мне не передавали. Если вы отправили ее в отель, то я там с утра не показывался. А что в ней было?

— Просто, что я хочу вас видеть.

— Я ее не получал. — Он поднял руку и стал массировать себе шею. — Я пришел потому, что я хотел видеть вас. — Он сделал особый нажим на последнем слове. — С этим, Полам Файфом, я тоже хотел повстречаться, но не думал, что он здесь — мне просто повезло. Я хотел побеседовать с ним насчет одного фокуса, который он пытался устроить моей знакомой. Вы знаете, с грелками.

Вулф кивнул.

— А со мной?

— С вами я хотел побеседовать, потому что, насколько я понимаю, вы шьете мне убийство моего партнера, Берта Файфа. — Карие глаза немного сузились. Видимо, они у него щурились не только на уран. — Вот я и пришел справиться, не нужно ли чем помочь.

Вулф хмыкнул.

— У вас неверная информация, мистер Эрроу. Меня наняли, чтобы я провел расследование и решил, не дают ли какие-нибудь обстоятельства смерти мистера Файфа основания для обращения в полицию. И в этом помощь мне, действительно, нужна. Шить, как вы выразились, я вам ничего не собираюсь. Насчет помощи, вы, конечно, иронизируете, но она мне, в самом деле, нужна. Так что, будем продолжать?

Эрроу засмеялся. Не загоготал, нет, просто засмеялся непринужденным легким смешком, который так идет его медлительной речи.

— Смотря что, — сказал он. — Продолжать — что?

— Продолжать обмен информацией. Мне нужно кое-что уточнить, и вам, быть может, тоже. Во-первых, все, что вы знаете, я думаю, вам известно от мисс Горен. Поправьте меня, если я ошибаюсь. Вы, должно быть, разговаривали с ней сегодня целый вечер, часов с четырех. Не сомневаюсь, она уверена, что излагает события правильно, но если у вас создалось впечатление, что я что-то против вас затеваю, это ошибка. Признайтесь: то, что привело вас сюда, вы узнали от мисс Горен.

— Ну конечно. Мы обедали вместе сегодня. Доктор Буль заехал за ней в ресторан, по дороге сюда.

Если из моего рассказа выходит, что он давал подробные ответы из желания помочь Вулфу, то это не так. Он просто хвастался. Его так и подмывало рассказать кому-нибудь, кому угодно, что мисс Горен позволила ему угостить себя обедом.

— Тогда, — сказал Вулф, — вы должны понять: она представляет ситуацию однобоко, хоть и не думаю, что делает это умышленно. Я заявляю вам на словах, а если хотите, попрошу напечатать это на машинке и распишусь, что до сих пор не нашел ни единой улики, позволяющей инкриминировать вам, хоть прямо, хоть косвенно, смерть Бертрама Файфа. Перейдем к фактам. Что вам известно о грелках? Не из чужих уст, пусть даже из уст мисс Горен, а то, что вы сами знаете, или сами видели.

— Да ничего. Я их в глаза не видел.

— И не трогали?

— Конечно, нет. Зачем мне их трогать? — Его медлительная речь не ускорилась ни на минуту. — И если они вас интересуют только потому, что этот Пол Файф уверяет, будто нашел их пустыми, то причем тут факты?

— Может быть, и ни при чем. Откуда мне знать? Когда вы видели Бертрама Файфа живым в последний раз?

— В субботу вечером, перед тем, как мы уехали в театр. Я заглянул к нему на минутку.

— Мисс Горен была около него?

— Да, конечно.

— Вы не заходили к нему после театра?

— Нет. И знаете, почему?

— Уже знаю. Вы застали в номере то, что мистер Дейвид Файф именует ситуацией, и ушли. Сразу же. Я полагаю, на поиски Пола Файфа. Правильно?

— Ну да, и я его нашел. После того, что мы услышали от мисс Горен, я искал бы его хоть до утра, но этого не понадобилось. Он сидел внизу, в баре.

— И вы на него напали.

— Ну да. Я ведь не для того его искал, чтобы туфли ему начистить. — Снова легкий, непринужденный смешок, приятный и миролюбивый. — Спасибо какому-то копу, что вмешался, а то я так рассвирепел. — Он взглянул на меня дружелюбно и с любопытством. — А вы здорово меня окрутили.

— А потом что? — спросил Вулф. — Как я понимаю, в номер вы не вернулись.

— Конечно, нет. Подошел еще один коп, но я никак не мог успокоиться, мне не нравилось, что меня держат, тогда рассвирепели и они. Надели мне наручники, один отвел меня в участок и посадил под замок. Я не захотел признаваться, ни кого

я ударил, ни за что, и, наверное, они решили сами его найти и завести на меня дело. В конце концов они дали мне позвонить, я попросил вызвать своего адвоката, тот приехал и меня выручил. Я вернулся в отель, а там уже этот, Пол Файф, и Таттл с женой, и Берт — мертвый. Доктор тоже там был.

— Для вас это, конечно, был шок, когда вы увидели, что он мертв.

— Конечно. А если бы был не шок, то, значит, я его и убил, да? — сказал со смешком Джонни Эрроу. — Если вы, мистер, и вправду ведете дело честно, и ничего мне не шьете, то вот что я вам скажу. Мы с Бертом пять лет вкалывали бок о бок, и хлебнуть нам довелось всякого. С голоду умирать не умирали, но что-то около того. И выпутывались всегда сами, никто нам штанов не менял. Когда наткнулись на Блэк Элбоу, нужно было быстро провернуть уйму дел, чтобы застолбить участок официально, и если бы мы действовали поодиночке, ничего бы у нас не вышло… Тогда мы и пригласили адвоката и составили письменный договор, чтобы никто не влез и не стал мутить воду, если с одним из нас что-нибудь случится. Так уж сложилось: нам нравилось быть вместе, хоть иногда мы и спорили. Вот почему, когда он меня попросил, я приехал с ним в Нью-Йорк. Мне-то здесь вообще нечего было делать. Все свои вопросы мы могли решать дома, в Блэк Элбоу или в Монреале. И уж точно, чтобы убить его, в Нью-Йорк мне ехать было незачем.

Вулф пристально посмотрел на него.

— Значит, в Нью-Йорк он приехал не по делам?

— Нет, сэр. Он сказал — по личному делу. Когда мы вселились в отель и он связался с сестрой и братьями, мне показалось, что его что-то грызет, что-то еще с тех времен. Он несколько раз ездил в Маунт Киско, и меня брал с собой. Мы исколесили на «Кадиллаке» весь городок. Ездили к дому, где он родился, и внутрь заходили, — там сейчас какие-то итальянцы живут. Ездили есть мороженое с содовой в аптеку к Таттлу. Искали женщину, хозяйку меблированных номеров, где он жил когда-то, но она давно выехала. Только на прошлой неделе ему оказали, что она сейчас в Паукипси, так мы и туда съездили.

Воя эта история заняла у него довольно много времени: он ни разу не ускорил свою медлительную речь. Было в том и свое преимущество: не надо останавливаться, чтобы перевести дыхание.

— Кажется, я слишком много болтаю, — сказал он, — но ведь разговор о Берте. Пять лет я мало с кем разговаривал — только с ним, а теперь, видимо, захотелось поговорить о нем.

Он слегка наклонил голову, подумал и продолжал:

— Мне бы не хотелось, чтобы это убийство навесили на меня, и подставлять кого-то понапрасну тоже не хочется, но я не совсем точно выразился, когда сказал, что его грызло что-то из прежних времен. Как-то, когда мы сидели с ним под скалой, в Канаде, он мне кое-что об этом рассказал. Он оказал, что если нам, и вправду, пофартило, то он сможет вернуться домой и заняться одним неоконченным дельцем. Вы знаете, как у него умер отец, и как его судили за убийство?

Вулф сказал, что знает.

— Ну вот, он мне все рассказал об этом. Он сказал, что никогда не требовал своей доли наследства, потому что не хотел чувствовать себя причастным к той грязи, от которой убежал, — и этому не надо удивляться, просто надо знать Берта. Он сказал, что до сих пор обманывал себя, будто все уже забыл, и ему давно на это наплевать; но сейчас, когда нам, кажется, повезло по-крупному, ему захотелось вернуться и разобраться, что к чему. Что он и сделал. Кого он конкретно подозревает, я не знал, но замечал кое-что. Например, рассказывает он родственникам, чем сейчас занимается, а сам внимательно за ними наблюдает. Им очень не понравилось, когда он сказал, что скоро раздобудет полный текст свидетельских показаний на том самом суде. И когда сказал, что ездил к хозяйке меблированных номеров, им тоже не понравилось. Мне показалось, он это нарочно делает, чтобы их завести.

Его глаза прищурились, в уголках показались морщинки.

— Вы только не подумайте, что я стараюсь кого-то утопить. Доктор ведь сказал, что Берт умер от воспаления легких, а врач он, по-моему, хороший. Просто я хочу объяснить, зачем Берту понадобилось ехать в Нью-Йорк. У вас еще есть вопросы?

Вулф покачал головой.

— Пока нет. Попозже, может быть. Но ведь я предлагал обмен информацией. Что вы хотите знать?

— Вот это учтиво, это я понимаю. — Эрроу, кажется, говорил серьезно. — Пожалуй, нет. — Он поднялся из кресла и постоял немного. — Только вот вы сказали, что у вас не хватает улик, чтобы… как это…

— Инкриминировать.

— Вот-вот. Так почему бы вам не смотать удочки? Мы с Бертом всегда так делали: как только убедимся, что на участке совсем глухо, так сразу сматываем удочки.

— Я не говорил — совсем глухо. — Вулф был мрачен. — В том-то и загвоздка, что не совсем. Есть одно загадочное обстоятельство, и пока я его не выясню, сматывать удочки рано.

— Какое обстоятельство?

— Я вас о нем уже спрашивал, но вы сразу становитесь на дыбы. Опять заговаривать с вами на эту тему без оружия просто опасно. Счет за кресло мистер Гудвин вам вышлет, как только мы узнаем сумму. До свидания, сэр.

Он хотел еще услышать что-нибудь про загадочное обстоятельство, но не тут-то было. Дудки. Когда он понял, что на этом участке глухо, он смотал удочки, и я пошел в переднюю закрыть за ним дверь. Уже за порогом, он повернулся ко мне и сказал:

— Здорово вы все-таки меня скрутили.

В кабинете Вулф сидел с закрытыми глазами, наморщенным лбом, откинувшись на спинку кресла. Я убрал поломанное кресло в угол, остальные расставил по местам, прибрал на ночь свой письменный стол, запер сейф и подошел к нему.

— Зачем вам понадобилось его заводить? Если в этом деле, и вправду, есть какое-то загадочное обстоятельство, то я его, наверное, проспал. Какое, подскажите.

Он буркнул, не открывая глаз:

— Грелки.

Я потянулся и зевнул.

— Ясно. Сначала вас нужно уламывать, чтобы вы взялись за работу, а когда оказывается, что дела-то никакого и нет, вы пытаетесь высосать его из пальца. Бросьте. Давайте ограничимся этой тысчонкой, что совсем недурно за восемь часов, и скажем, что ответ отрицательный. Дело закрывается.

— Не могу. Есть одна загадка. — Он открыл глаза. — Ну кто, скажите ради бога, повыливал эти грелки? И зачем?

— Пол. Почему бы не он?

— Потому что я ему не верю. Хоть он и твердил об этом весь вечер, и даже довольно убедительно. Да вы только представьте. Он заходит к брату, видит, что тот умер. Откидывает одеяла, видит, что грелки пусты. Уже поворачивается, чтобы позвать сестру и зятя, как вдруг до него доходит, что пустые грелки — неплохое оружие против мисс Горен. Он не хочет, чтобы их заметила сестра, поэтому сначала он относит грелки в ванную, а потом уже зовет ее. Вы считаете, это похоже на правду?

— Конечно, но…

— Прошу вас. Я воспользуюсь этим но. Но представим, что все было иначе. Он заходит к брату и видит, что тот мертв. Он откидывает одеяла, хочет послушать сердце. Грелки лежат на месте, с водой. Увидев их, он тут же задумывает план, а ведь он, заметьте, в шоковом состоянии: только что искал живого брата, а нашел труп. И он сходу, вместо того, чтобы позвать на помощь, задумывает план: отнести грелки в ванную и вылить, чтобы через

некоторое время получить возможность подойти к мисс Горен и сказать ей, что нашел грелки пустыми; и не только задумывает, но и действует, как задумал. Вы считаете, это правдоподобно?

— Если вас послушать, — признался я, — то не очень.

— Я описал все так, как оно должно было случиться. Но было ли так на самом деле? Я уверен, что нет. Он заметил грелки только потому, что они действительно были пустыми, на полные он вообще не обратил бы никакого внимания — то ли в постели больного, то ли в постели покойника. Слов нет, бывают люди, способные на подобную изобретательность и коварство, но он не из их числа. Следовательно, приходится заключить: грелки он нашел пустыми, но нам-то это что дает?

— Тут надо подумать, — я сел.

— Подумайте. Дело дрянь, — в его голосе звучала горечь. — Я-то давно это понял. Чтобы сохранить уважение к себе, — а это долг, который никому нельзя передоверить, — я просто обязан докопаться до сути. Может, виновата мисс Горен? Взяла и положила в постель пустые грелки?

— Исключено, сэр. Я думаю на ней жениться. И потом, я просто в это не верю. Она квалифицированный медик, а ни одна обученная квалифицированная сиделка такого ляпсуса допустить не может.

— Согласен. Тогда что мы имеем? Около полуночи, буквально перед уходом, мисс Горен наполнила грелки горячей водой и положила их в постель. Часов в шесть утра Пол Файф нашел обе грелки в постели, но пустые. Кто-то их взял, вылил воду и положил обратно. Зачем? Объясните.

— Что вы на меня так смотрите? Я их не выливал. Почему я должен объяснять?

— Да вы и не сумеете ничего объяснить. Скажете, что их вылили с целью убийства? Смешно. Объяснить это невозможно, а все необъяснимое в деле о смерти приобретает зловещий оттенок, особенно если покойник — миллионер. Прежде чем задать вопрос, кто это сделал, я должен ответить на вопрос — зачем?

— Не обязательно, — возразил я. — Задачу можно упростить. Ограничиваемся этой тысячей, но даем не отрицательный ответ, а положительный. Пусть Пол передаст дело копам. Что и требовалось доказать.

— Фи. Вы не шутите?

Я сдался.

— Шучу. У вас безвыходное положение. Единственное, что придет копам в голову, это что сиделка сама оставила грелки пустыми, и теперь боится признаваться; а кончится все тем, что Джонни Эрроу отметелит весь отдел по расследованию убийств,

от инспектора Крамера до самого последнего копа. — Тут я вдруг заподозрил подвох и посмотрел на него. — Это что, просто трюк такой? Сами вы уже поняли, для чего были вылиты грелки, или думаете, что поняли, и хотите, чтобы я лишний раз убедился в вашей гениальности?

— Нет. Я запутался окончательно. Не знаю, что и делать. Это не загадка, это черт знает что такое! — Он взглянул на настенные часы.

— Пора ложиться. И такая головоломка на сон грядущий. Однако, сначала — инструкции на завтра. Ваш блокнот, пожалуйста?

Я достал блокнот из ящика письменного стола.

5

В среду утром, позавтракав, как обычно, с Фрицем на кухне (а Вулф, тоже как обычно, съел свой завтрак у себя наверху), я принялся за эти инструкции. Они были простые, но выполнить их оказалось совсем не просто. Первой и главной задачей было дозвониться до доктора Буля и устроить так, чтобы он явился к нам в кабинет к одиннадцати часам — время, когда Вулф спускается в кабинет из теплицы, — и привел с собой Энн Горен. Во-первых, дозвонился я до него только к полудню. С девяти до десяти он на вызовах — это все, чего я добился от секретарши. Я попросил передать ему, чтобы он мне позвонил, но звонка так и не дождался. После десяти к телефону стала подходить медсестра. Первые три раза она отвечала любезно и с нотками сочувствия в голосе, потом — коротко и сухо. Доктор все еще обслуживает вызовы, о моей просьбе ему передали, но что она может сделать, если у него слишком много работы. Когда он наконец мне позвонил, уговориться с ним и мисс Горен на одиннадцать было уже невозможно: часы показывали без четверти двенадцать, поэтому я предложил три часа, и услышал категорическое нет. Ни в три, ни в четыре — никогда. Все, что он мог сказать о смерти Бертрама Файфа, он уже сказал, но если у Вулфа есть желание поговорить с ним по телефону, то пару минут он готов ему уделить. Я спросил у Вулфа. Тот сказал: нет, по телефону — нет. Тупик.

В конце концов после обеда мне пришлось выводить машину из гаража и ехать все сорок миль — сначала по Уэстсайдскому шоссе, потом, свернув на Сомилл Ривер Паркуэй, — в Маунт Киско, где в большом белом доме, стоящем посреди зеленой лужайки, я обнаружил приемную доктора Буля. Мне передали,

что он примет меня по окончании вечернего приема, который обычно идет с двух до четырех, но когда я приехал, в очереди сидело еще пять человек, так что у меня получился настоящий продолжительный визит к врачу, с чтением неизменного набора журналов. Наконец, та самая медсестра, — она проработала у него лет шестьдесят, не меньше, — провела меня в кабинет.

Буль сидел за столом, выглядел устало, но, как и раньше, безупречно. Он быстро заговорил:

— Мне нужно на вызовы. Я опаздываю. Что у вас там еще?

Я тоже умею кратко выражать свои мысли.

— Вопрос, — оказал я, — который поднимает один из родственников покойного. Не мог ли кто-нибудь вместо морфия подложить что-нибудь другое? Прежде чем передать этот вопрос полиции, мистер Вулф хочет проверить его сам, но если, вы предпочитаете…

— Морфий? Вы хотите сказать, тот морфий, который был введен Берту Файфу?

— Да, сэр. Раз уж этот вопрос воз…

— Дурак чертов. Я о Поле, конечно. Ерунда какая. Подменил — кто и когда?

— Не уточняется. — Я сел, хотя меня и не приглашали. — Но мистер Вулф не может оставить эту версию без внимания, и был бы вам очень признателен за небольшую информацию. Этот морфий вы передавали сиделке лично?

По тому, как он на меня посмотрел, я понял, что мне сейчас посоветуют пойти и залезть куда-нибудь повыше, желательно на дерево, которое вот-вот упадет; но он передумал: решил, что лучше от меня отделаться раз и навсегда.

— Этот морфий, — сказал он, — из пузырька в моем чемоданчике. Я взял оттуда две таблетки по четверть грана, передал их сиделке и распорядился одну ввести больному сразу после ухода гостей, а другую, если понадобится, через час. Она говорит, что сделала все по инструкции. Утверждать, что таблетки кто-то подменил, — это чистый бред.

— Да, сэр. А где она их хранила до того, как сделала укол?

— Не знаю. Она квалифицированная сиделка и абсолютно надежный человек. Если хотите, я у нее спрошу.

— Нет, спасибо, я сам спрошу. А ваш пузырек с морфием? Он не мог попасть в чужие руки?

— Это исключено. Нет.

— Может, вы недавно получали новую партию лекарств, в смысле, пополнили пузырек новым запасом морфия?

— Нет. С тех пор прошло, как минимум, две недели. А то и больше.

— А как насчет вероятности, пусть даже одной на миллион, что вы сами перепутали пузырьки?

— Нет. Ни одной на миллиард. — Он высоко поднял брови. — Вам не кажется, что вы слегка хватили через край? Пол, насколько я вчера понял из рассказа Дейвида, подозревает мистера Эрроу, который приехал в Нью-Йорк вместе с Бертом.

— Может, вы и правы, но мистер Вулф уважает аккуратность. — Я встал. — Премного вам благодарен, доктор. И пусть вам не кажется странным, что только из-за этого я проделал такой путь. Мистер Вулф еще и осторожный человек. Он не любит выяснять по телефону вопросы о внезапной кончине больного.

Я вышел от него, сел в машину и уехал. Обратная дорога в сторону Паркуэй привела меня в центр города, где на угловом доме из красного кирпича, расположенном в очень удобном месте, я увидел вывеску «Фармацевт Таттл». Откуда звонить — мне было совершенно все равно, поэтому я припарковался в конце квартала и пешком прошел обратно к аптеке. Внутри это было весьма солидное заведение — современное, хорошо обставленное, с богатым выбором товаров и бойкой торговлей: на высоких стульях у стойки бара сидело с полдюжины клиентов, и еще человек пять стояли и бродили в разных концах зала. Одного из них, у прилавка в дальнем углу, обслуживал сам владелец, Винсент Таттл. Я прошел через зал к телефонной будке, связался с телефонисткой, попросил набрать номер, который я помню лучше всех других телефонных номеров, и через минуту голос Вулфа ожил у меня в ухе.

— Из Маунт Киско, — сказал я ему, — из телефонной будки в аптеке Таттла. Цитирую доктора Буля: подмена морфия — нелепость и бред. Происхождение морфия: он дал сиделке две таблетки по четверть грана из собственных запасов. Я продолжаю дальше?

— Нет, — зарычал он в ответ, как и всегда, когда его оторвешь от работы в теплице. — А впрочем, да, продолжайте, но сначала — еще один небольшой опрос в Маунт Киско. После вашего отъезда я немного поразмышлял над этой загадкой с грелками, и, кажется, ее раскусил, хотя, может, и нет. В любом случае, стоит попробовать. Найдите мистера Пола Файфа и узнайте у него, что случилось с мороженым. Вы, должно быть, помните…

— Да, он купил его у «Шрамма» для какой-то воскресной вечеринки в Маунт Киско, принес в номер к Берту и положил в холодильник. И вы хотите знать, что с ним случилось?

— Да. Найдите и опросите. Если ему известно, что случилось с мороженым, тщательно проверьте все, что он скажет. Если нет

— расспросите мистера и миссис Таттл, и их рассказ проверьте тоже. Если и они не знают, спросите у мисс Горен, когда будете говорить о морфии. Если она не знает, разыщите мистера Эрроу и спросите у него. Мне нужно знать, что случилось с этим мороженым.

— Это я понял. Только скажите — зачем, чтобы я хоть знал, что ищу.

— Нет. Вы, конечно, умеете хранить секреты, но, думаю, нет смысла лишний раз подвергать вас ненужному испытанию.

— Вы абсолютно правы, и я вам чрезвычайно признателен. Таттл тут, рядом со мной. Может, я с него и начну?

Он сказал: «Нет, сначала — Пол», — и повесил трубку. Когда я вышел из будки и из аптеки, а потом пошел вниз по улице в поисках агентства Пола по торговле недвижимостью, я все время ломал голову над тем, какая же связь между знаменитым манговым мороженым «Шрамма» и грелками на кровати Берта Файфа, но даже если таковая и существовала, я ее не нашел. Что, может, и к лучшему, так как, будь она на самом деле, мне пришлось бы перенапрягаться, удерживая язык за зубами, а я этого очень не люблю.

Я нашел Пола на третьем этаже старого деревянного дома, над бакалейной лавкой. Его агентство состояло из крохотной комнатки, в которой помещались два письменных стола и несколько потертых стульев — видимо, часть отцовского наследства, доставшаяся ему при разделе имущества. За столом поменьше сидела женщина — судя по виду, раза в два старше Пола, с тощей длинной шеей и громадными ушами; даже с ним такая могла чувствовать себя в полной безопасности.

— Вы? — сказал он. — Нашли что-нибудь?

Я посмотрел на женщину; та рылась в каких-то бумагах. Он сказал ей:

— Можете идти.

Она просто пришлепнула свои бумажки чем-то тяжелым, встала и вышла. Никаких церемоний.

Когда дверь за ней закрылась, я ответил:

— Я еще ничего не нашел. Только ищу. Мистер Вулф послал меня расспросить доктора Буля о морфии, а вас — о мороженом. Нам известно только то, что оно находилось в холодильнике в номере у вашего брата. А потом? Что с ним случилось?

— Да бог с вами. — Он уставился на меня, во всяком случае — здоровым глазом. Что делал в это время другой, с фингалом, трудно сказать. — На кой оно вам черт сдалось?

— Не знаю. Я вообще часто не знаю, чего хочет мистер Вулф, но эта машина принадлежит ему, резина и бензин — тоже, так

почему бы его и не уважить? Мой вам совет: делайте то же самое — так будет и проще, и быстрее, если, конечно, нет в этой истории с мороженым чего-то такого, что вам не хотелось бы разглашать.

— Да кой там черт разглашать-то?

— Ну, тогда я и садиться не стану. Вы забрали его с собой в Маунт Киско, на ту воскресную вечеринку, о которой нам говорили?

— Нет. В воскресенье я вернулся сюда уже поздно вечером.

— Но вы снова ездили в Нью-Йорк, на следующий день, в понедельник — и на похороны, и чтобы еще раз навестить мисс Горен, — может, вы тогда и забрали мороженое.

— Послушайте, — сказал он, — мисс Горен давайте трогать не будем.

— Вот это мне нравится, — сказал я с теплотой в голосе. — Люблю благородство. А что же случилось с мороженым?

— Не знаю, и знать не хочу.

— После того, как в субботу вечером вы положили его в холодильник, вы его хоть раз видели, или трогали?

— Нет, не трогал. И знаете, что я вам скажу? Кончайте хреновиной заниматься. Не знаю, откуда у этого толстого тюфяка Вулфа такая репутация, но если он все дела ведет та… Куда такая спешка?

Я был уже у двери. Открыл ее, повернулся, вежливо сказал:

— Мое почтение, — и вышел.

Я вернулся по собственным делам в аптеку Таттла. Прежних клиентов сменили новые, но торговля шла вовсю. Сверкающий купол Таттловской лысины маячил за прилавком с косметикой. Встретившись с ним глазами, я подошел и спросил, не уделит ли он мне пару минут, когда освободится, а сам перешел к бару и заказал стакан молока. Молока уже едва оставалось на донышке, когда он окликнул меня и поманил к себе. Я допил свой стакан и отправился за ним, за перегородку. Он прислонился к прилавку и сказал, какой сюрприз, что я тут делаю.

— Есть парочка мелких поручений, — сказал я ему. Я приехал, чтобы доктора Буля расспросить о морфии, а вас — о мороженом. С Полом Файфом я уже говорил.

Помните, в субботу вечером, он купил мороженого у «Шрамма», принес его к Берту в номер и положил в холодильник, чтобы потом забрать домой.

Таттл поправил меня:

— Я помню, как он об этом говорил. Так что вас интересует?

— Мистер Вулф хочет знать, что случилось с этим мороженым потом? Пол говорит, что не знает, что больше ни разу

его не видел — положил в холодильник, и все. А вы?

— А я и вовсе его не видел.

— Я подумал, что вы могли обратить на него внимание. Вы с женой ночевали там в субботу. Утром в воскресенье вы обнаружили, что умер шурин, и все такое, но есть-то вы все равно что-то ели. Я подумал, что вы могли открывать холодильник, когда искали себе что-нибудь на завтрак, и заметили это мороженое.

— Завтрак мы заказали снизу, — Таттл наморщил лоб. — В номере готовить было не на чем. Но теперь я припоминаю: кажется, в субботу вечером за обедом Пол говорил что-то о мороженом. Он сказал, что то, которое подают у меня, не идет ни в какое сравнение с мороженым «Шрамма», и почему я не заведу себе такое же, а я ответил, что свою продукцию «Шрамм» продает только через собственные магазины, и что в любом случае оно у них чересчур дорого. Потом, кажется, жена что-то говорила о нем в воскресенье, когда доставала из холодильника лед для напитков.

— В воскресенье вы его не пробовали? Или, может, домой взяли немного?

— Нет. Я же сказал, что вообще его не видел. Мы пробыли в отеле до понедельника и уехали домой сразу после похорон.

— И куда оно делось, не знаете?

— Не знаю. Полагаю, оно и сейчас там. Если только этот, Эрроу, не… а почему вы у него не спросите?

— Спрошу и у него. Но сначала, видимо, надо спросить у вашей супруги, раз уж я все равно здесь. Она где-нибудь поблизости?

— Она дома, на Айрон Хилл Роуд. Я могу позвонить, предупредить, что вы подъедете или, если хотите, можете поговорить с нею отсюда. Но я не пойму, какое оно имеет отношение к смерти моего шурина? Какая между ними связь?

Мне подумалось, что эта реакция немного запоздала, но, может, он, как зять, просто не хочет вмешиваться в дела семьи. — Убейте — не знаю, — сказал я. — Я делаю, что мне велят. Давайте позвоним вашей супруге: может, и ни к чему будет ехать ее беспокоить?

Он повернулся к телефону, стоящему тут же на прилавке, набрал номер, дождался ответа, сказал жене, что я хочу ее о чем-то спросить, и передал трубку мне. Луиз — непосредственный член семьи — тут же сказала, что нелепо приставать с подобными глупостями, которые совершенно не относятся к делу, но, пошумев немного, выложила мне все, что знала, то есть практически ничего. Мороженого этого она ни разу не видела,

хотя, возможно, видела саму коробку. Вечером в воскресенье, когда доставала лед из холодильника, она заметила на нижней полке большой бумажный пакет и, вернувшись в столовую, сказала об этом мужу и брату Дейвиду, который был с ними. Она сказала, что это, наверное, мороженое Пола, и не хотят ли они немного. Они отказались, и она не стала заглядывать в пакет. Не имеет ни малейшего понятия, что с ним случилось потом. Я поблагодарил ее, положил трубку, поблагодарил мужа и смотался.

Следующая остановка — Манхэттен, 48-я улица.

6

Учитывая ситуацию с парковкой, вернее, полное отсутствие таковой, я давно не пользуюсь машиной, когда выполняю поручения в центре города, поэтому на 46-й улице я свернул с шоссе и поехал в гараж. Я мог бы позвонить оттуда и доложить Вулфу, как продвигаются дела, но дом — совсем рядом, за углом, так что я решил явиться лично; и вот тут меня поджидал сюрприз. Дверь на мой звонок открыл не Фриц, а Сол Пэнцер. У Сола половину имеющейся на узкой физиономии площади занимает огромный нос. На первый взгляд кажется, что этому парню без посторонней помощи два и два не сложить, на самом же деле помощь ему не требуется нигде и ни в чем. Во-первых, он самый лучший из полдюжины оперативников, которых Вулф нанимает в случае необходимости, а, во-вторых, ему вообще нет равных.

— Ну-ну, — поздоровался я с ним, — наконец-то ты заполучил мое местечко, да? Проводите меня, пожалуйста, в кабинет, сэр.

— А на прием вы записывались? — спросил он, запирая дверь. Затем прошел следом за мной, к Вулфу.

Вулф сидел за столом. Увидев меня, хмыкнул:

— Уже? Так скоро?

— Нет, сэр. — ответил я ему. — Я по дороге из гаража. Прежде, чем пойду дальше, не желаете ли получить отчет по Полу и Таттлам?

— Да. Стенографически, пожалуйста.

Стенографически, на языке Вулфа, означает не просто передать смысл сказанного, но также описать жесты, действия, выражения лиц. Я сел и все ему выложил. Лучшего слушателя, чем Вулф, я не знаю. Он сидел, как обычно, полуприкрыв глаза, опираясь локтем на подлокотник кресла.

Когда я закончил, он немного помолчал, потом кивнул

головой.

— Отчет принимается. Займитесь теперь другими. Машина вам все равно больше не понадобится, можно ее на время возьмет Сол?

Пусть вам не кажется, что вопрос этот был чисто риторическим. Между нами давно существует молчаливый уговор, что машина — единственная принадлежащая Вулфу собственность, распоряжаюсь которой я.

— Надолго? — спросил я.

— Сегодня на весь день, на вечер, и, возможно, еще немного завтра.

Я взглянул на свои часы: шесть пятьдесят пять. — От сегодня уже почти ничего не осталось. О'кэй. Можно узнать, зачем?

— Пока нет. Может статься, — искать ветра в поле. Как у вас сегодня с обедом?

— Не знаю. — Я встал. — Может, мороженым пообедаю, если найду. — Я подошел к двери, повернулся, предложил: — А гуся пусть за меня Сол съест, — и вышел.

Я поймал такси на 10-й авеню и, став частичкой тысячеколесного железного червя, направился к центру города, а потом через 48-ю авеню на Ист-Сайд. Да, рассуждал я, скорее всего, он что-то нащупал, ведь Сол берет уже полсотни зелененьких в день — солидный кусок, если учесть, что его отрывают от одной разнесчастной тыщонки; но увязать мороженое с пустыми грелками я так и не сумел. Правда, не исключено, что Сола он посылает совершенно по другому следу. Ну и бог с ним. Эта его манера постоянно темнить давно перестала действовать мне на нервы.

Квартира, которую я искал, была на 48-й авеню, между Лексингтон сквер и 3-й улицей, в старом кирпичном четырехэтажном доме, перекрашенном в желтый цвет. В вестибюле, у второй сверху кнопки, я увидел крохотную полоску бумаги, на которой едва помещались две фамилии — «Горен» и «Полетти». Я нажал на кнопку, дождался, когда раздадутся щелчки, открыл дверь, вошел и поднялся по узкой лестнице на два пролета вверх; ступеньки были чисто вымыты — видимо, для разнообразия, — и покрыты ковровой дорожкой. Я вышел на лестничную площадку, и тут меня поджидал сюрприз. Открылась дверь, и на пороге появился некто, чья фамилия не была ни Горен, ни Полетти. Там стоял Джонни Эрроу и, прищурившись, смотрел на меня.

— О, — сказал он, — а я думал, это Пол Файф.

Я шагнул вперед.

— Если вас не очень затруднит, — сказал я, — я хотел бы

поговорить с мисс Горен.

— О чем?

Его явно надо было слегка приопустить на землю.

— Ну и дела, — сказал я. — Только вчера вы бахвалились, что пригласили ее на обед. Неужто успели уже дослужиться до сторожевой собачки? Мне нужно задать ей один вопрос.

Секунду мне казалось, что он спросит — какой именно вопрос, и ему, видимо, тоже так казалось, но он решил обойтись просто коротким смешком.

Он пригласил меня внутрь, провел через дверь с аркой в гостиную, набитую, чисто по-женски, всяким хламом, исчез куда-то и через минуту вернулся.

— Она переодевается, — сообщил он. Он сел. — Вы что-то там говорили насчет бахвальства? — в его медлительной речи звучало дружелюбие. — Мы вернулись буквально десять минут назад — играли в теннис, а сейчас собираемся пойти пожевать. Сегодня утром я хотел вам позвонить.

— В смысле, позвонить Вулфу?

— Нет, вам. Я хотел спросить, где вы покупали тот костюм, в котором были вчера. А сейчас мне захотелось узнать, где вы купили этот. Боюсь только, что покажусь вам чересчур навязчивым.

Я отнесся к его просьбе с пониманием. Парень пять лет из лесу не вылезал, и вдруг перед ним проблема: как вырядиться, чтобы покрасоваться в Нью-Йорке перед дамой сердца. Задача нешуточная, особенно, если ему на это больше чем десять миллионов зелененьких не наскрести; и я выложил ему всю подноготную — от носков до рубашек. Мы как раз перешли к отделке жилетов, разбирая все «за» и «против», когда в гостиную вплыла Энн Горен. Я посмотрел на нее — и горько пожалел обо всех своих советах. Я с удовольствием сам бы повез ее сейчас куда-нибудь пожевать, если бы не был на работе.

— Простите, что заставила вас ждать, — учтиво оказала она. — В чем дело?

— Парочка мелких вопросов, — сказал я. — Я думал, доктор Буль вам позвонит — я был у него сегодня, но раз вы уходили из дома, то он, конечно, не дозвонился. Во-первых, о морфии, который он оставил вам в субботу для укола Бертраму Файфу. Он говорит, что достал из своего пузырька две таблетки по четверть грана и передал их вам, с инструкциями по применению. Правильно?

— Одну минутку, Энн, — Эрроу, прищурившись, смотрел на меня. — Для чего это вам?

— Ни для чего особенного. — Я смотрел прямо в его

кареглазый прищур. — Мистер Вулф хочет выяснить этот вопрос раз и навсегда, только и всего. Вы отказываетесь нам помочь, мисс Горен? Я спросил у доктора Буля, где вы хранили морфий до того, как ввели его больному, и он посоветовал поговорить с вами лично.

— Я положила его в блюдце, а блюдце поставила сверху на бюро, в комнате у больного. Так всегда делается.

— Конечно. Если вы не против, может, вспомним все по порядку? С того момента, когда доктор Буль передал вам таблетки?

— Он дал мне их тут же перед уходом, и как только он ушел, я подошла к бюро и положила их в блюдце. По его инструкции, одну мне нужно было ввести больному сразу, как уйдут гости, а другую, если понадобится, — через час, что я и сделала. — Она говорила сухо, по-деловому. — В десять минут девятого я растворила одну таблетку в десяти кубиках дистиллированной воды и ввела больному в руку. Через час он уже спал, но сон у него был немного беспокойный, поэтому я ввела и другую таблетку, после чего он уснул по-настоящему.

— Как вы думаете, таблетки в блюдце никто подменить не мог? Вы ввели ему именно те, которые получили от доктора Буля?

— Ну, конечно.

— Послушайте, — нараспев сказал Джонни Эрроу, — этот вопрос мне уже не нравится. Думаю, на сегодня хватит.

Я осклабился ему в ответ.

— Что-то вы чересчур чувствительны. Если за дело возьмутся копы, они будут долбить ее такими вопросами часов пять кряду. Пятеро показали, что они заходили в комнату больного после доктора Буля, — и вы, кстати, тоже, — так что копы ее наизнанку вывернут, будьте покойны. Я не хочу ей портить аппетит перед обедом, поэтому просто опрашиваю, не заметила ли она чего-нибудь подозрительного. Или услышала. Так как, мисс Горен?

— Нет, не заметила.

— Ну, нет, так нет. Теперь другой вопрос. Может, вам известно, что Пол Файф принес с собой в номер мороженое и положил в холодильник. О нем упоминали за обедом, но вас там не было. Вы не знаете, что с этим мороженым случилось?

— Нет. — Она повысила голос. — Это уж и вовсе глупо. Мороженое?

— Мне часто приходится говорить глупости. Не обращайте внимания. Мистер Вулф хочет знать о мороженом. Вам известно о нем хоть что-нибудь?

— Нет. Впервые слышу.

— О'кэй. — Я повернулся к Эрроу. — Теперь вопрос к вам. Что вам известно об этом мороженом?

— Ничего. — Он коротко хохотнул. — После вашего вчерашнего приемчика можете опрашивать, что вам в голову взбредет, только сзади не заходите. Теперь я вас подпускаю исключительно спереди.

— Спереди я применяю другие приемчики. Вы не помните, за обедом Пол Файф что-нибудь говорил о мороженом?

— Кажется, да. Я уже не помню.

— Но сами-то вы его видели, или трогали?

— Нет.

— И не слышали, что с ним случилось?

— Нет.

— Ну, тогда я хочу попросить вас об одной услуге. Тем самым вы окажете услугу и себе, потому что это самый быстрый способ от меня избавиться. Вы где обедаете?

— Я заказал столик у Растермана.

Да, он, безусловно, начинает входить в курс дела — небось, не без помощи Энн.

— Отлично, — сказал я. — Это по дороге — всего один квартал в сторону. Подбросьте меня до «Черчилль Тауэрз» и позвольте заглянуть в холодильник в вашем номере.

Как же оказалось кстати, что я не поленился и просветил его по части портных и галантерейщиков. Иначе он наверняка отказался бы, и мне пришлось бы ехать уламывать Тима Эварта, гостиничного охранника, а на это требуется и время, и деньги. Сперва Джонни было заартачился, но вмешалась Энн: она сказала, что намного дешевле и проще меня ублажить, чем тратить время на пререкания, — и сразу уладила дело. Похоже было, что и в будущем ей предстоит частенько заниматься такими увещеваниями, и я тут же решил, что уступаю девушку ему.

Она позволила ему накинуть на свои обнаженные плечи вышитый желтым палантин, он взял со стола черную фетровую шляпу. Пока мы спускались по лестнице, а потом ехали до «Черчилля» на такси, я мог бы прочитать ему небольшую лекцию о черных фетровых шляпах — рассказать, где, когда и с чем — но с нами была Энн, и я счел за благо промолчать.

Вестибюль в их номере на тридцать третьем этаже в «Черчилль Тауэрз» был размером с мою спальню, а в гостиной спокойно разместились бы три бильярдных стола, и для игроков бы место еще осталось. Между гостиной и спальнями был внутренний коридор, в одном конце которого находилась буфетная с отдельным входом для гостиничной прислуги. В буфетной, кроме длинной встроенной стойки бара из нержавейки,

я увидел большой жарочный шкаф и еще больших размеров холодильник. Никакой плиты там не было. Одна дверь из буфетной вела к мусоропроводу.

Эрроу и Энн остались на пороге у качающейся двери, — стояли, касаясь друг друга локтями, — а я прошел внутрь и заглянул в холодильник.

В морозилке, в верхнем отделении, стояло шесть ванночек с кубиками льда, и больше ничего. Ниже на полках было десятка два разных бутылочек — пиво, клуб-сода, тоник; пять бутылок шампанского лежали на боку, стояла широкая ваза с апельсинами и тарелка с виноградом. Никакого бумажного мешка — ни большого, ни маленького — и никаких следов мороженого. Я закрыл холодильник и заглянул в жарочный шкаф. Пусто. Я открыл дверь мусоропровода, сунул голову — пахло там сильно, но не мороженым.

Я повернулся к парочке — ловцу и добыче.

— Ладно, — сказал я, — сдаюсь. Премного благодарен. Я ведь говорил вам, что это самый быстрый способ от меня избавиться. Приятного вам аппетита. — Они посторонились, я толчком открыл качающуюся дверь и пошел к выходу.

Когда Вулф спросил, что с моим обедом, я сказал, что не знаю. Теперь же у меня была полная ясность. Домой доберусь к восьми тридцати, а днем я видел, что Фриц запасался продуктами для одного из самых любимых блюд Вулфа: купил восемь молодых омаров, восемь авокадо, и бушель молодых листочков латука. Если он соединил все это в нужной пропорции с чесночком, лучком, петрушкой, томатной пастой, майонезом, солью, черным перцем, красным перцем, гвоздичным перцем и сухим белым вином, то у него наверняка получился салат «омар по-бразильски» под редакцией Вулфа, прикончить который к половине девятого даже Вулфу не под силу.

Так и получилось. Я нашел Вулфа в столовой, за столом. Он только-только приступал к пышному черничному пирогу под шапкой взбитых сливок. Омаров нигде не было видно, но Фриц, который открыл мне дверь, уже вносил большое серебряное блюдо, где их оставалось еще предостаточно. Запрет, наложенный Вулфом на разговоры о работе во время еды, шел на пользу не только ему, но и другим, включая меня, поэтому я смог целиком посвятить себя делу, в настоящий момент наиболее важному — соблюдению правильного соотношения поступающих в рот ингредиентов. Только после того, как я расправился с омаром, а затем и со своей долей черничного пирога, только после того, как мы перешли через коридор и зашли в кабинет, куда Фриц подал нам кофе, только тогда он потребовал от меня отчета. Каковой я

ему и представил. Когда я дошел до кульминации — пустого холодильника (пустого, в смысле отсутствия в нем мороженого), я встал и налил еще по чашечке.

— Но, — сказал я, — если уж вам, бог знает почему, так важно знать, что с ним случилось, то одна маленькая надежда еще остается. В моем списке не было Дейвида. Я хотел позвонить вам из «Черчилля» — узнать, не стоит ли опросить и его, но побоялся остаться без омара. Он просидел в номере почти все воскресенье. Может, съездить к нему?

Вулф хмыкнул.

— Я звонил ему сегодня. В шесть он был здесь. Говорит, ничего не знает.

— Ну, тогда все. — Я сел и отхлебнул из чашки. Никто на свете не умеет варить кофе лучше, чем Фриц. Я как-то пробовал делать то же, что и он, но вкус получился совсем другой. Я отхлебнул еще раз. — Значит, фокус не удался.

— Это не фокус.

— Да? А что же?

— Окно смерти. Думаю, это именно так. Вернее, было так. На сегодня пока все. А завтра посмотрим. Арчи.

— Да, сэр.

— Мне не нравится, как вы на маня поглядываете. Если вы собрались позубоскалить на мой счет — не надо. Ступайте куда-нибудь.

— С удовольствием. Пойду возьму еще кусочек пирога. — Я прихватил свою чашку с блюдцем и отправился на кухню.

Там я и просидел весь вечер: трепался с Фрицем, пока не пробило одиннадцать — время, когда он ложится спать, потом зашел в кабинет, запер сейф на ключ, пожелал Вулфу спокойной ночи и поднялся на два пролета к себе. Бывает, что после рабочего дня я ложусь спать с ощущением полного довольства собою, но не на этот раз. Мне так и не удалось установить судьбу мороженого. Я так и не понял, зачем ее надо устанавливать вообще. Я не понял, что значит окно смерти, хотя мне и было известно, что произошло однажды зимней ночью двадцать лет назад. Одна из благороднейших обязанностей мужчины — давать отпор миллионерам, соблазняющим хорошеньких девушек, но я и пальцем не шевельну, чтобы помешать Эрроу. Да и вся эта история ни к черту: вряд ли получится выжать из нее больше, чем тысяча зелененьких, не говоря уже о характере самого задания — выяснить, обращаться в полицию, или нет. Дрянь дело, как ни крути. Обычно я засыпаю секунд через десять после того, как голова коснется подушки, но в эту ночь я вертелся и ерзал, и все никак не мог отключиться, пожалуй, целую минуту.

За что я не люблю утро — так это за то, что оно всегда наступает, когда я еще сплю. Я встаю, умываюсь, одеваюсь, добираюсь кое-как до кухни, заправляюсь апельсиновым соком, — и все это как в тумане. Я просыпаюсь по-настоящему только после четвертой оладьи и второй чашки кофе, но в этот четверг все проходило в ускоренном темпе. Подняв стакан с апельсиновым соком, сквозь туман я заметил, что Фриц нагружает поднос едой, и взглянул на запястье.

— О, господи, — сказал я. — Ты опоздал. Уже четверть девятого.

— О, — сказал он, — мистер Вулф завтракает. Это я Солу. Он наверху, у мистера Вулфа. Он говорит, что позавтракал, но ты же знаешь, как он любит мои сосиски по-летнему.

— Когда он приехал?

— Около восьми. Мистер Вулф просил тебе передать, чтобы ты, как только заправишься, шел к нему наверх. — Он поднял поднос и вышел.

Тут я и проснулся. Окончательно. Что, в общем, тоже не очень хорошо, так как от этого все удовольствие еды куда-то пропадает. Сосиски я, конечно, съел, но забыл насладиться их вкусом; стал уже доедать последнюю оладью, когда спохватился, что не намазал ее медом. На полочке передо мной лежал номер «Таймс», но я лишь делал вид, что читаю. Когда я допил свой последний глоток кофе, было только восемь тридцать две. Я отодвинул стул, вышел в коридор, поднялся на один пролет по лестнице в комнату Вулфа. Дверь была открыта, и я вошел.

Вулф в своей желтой пижаме босиком сидел за столом, у окна. Сол был напротив, дожевывал сосиску и оладьи. Я подошел поближе.

— Доброе утро, — холодно сказал я. — Прикажете туфли почистить?

— Арчи, — сказал Вулф.

— Да, сэр. Может, костюм отутюжить?

— Арчи, я знаю, что для вас сейчас еще ночь, но мне нужно заканчивать это дело. Соберите их всех сюда, и доктора Буля тоже. Пусть явятся к одиннадцати, в крайнем случае — к двенадцати. Скажите, что я принял решение и желаю его огласить. Если доктор Буль заартачится, окажите ему, что вывод, к которому я пришел, и способ, которым я на него вышел, наверняка заинтересует его с профессиональной точки зрения, и что его присутствие для меня очень важно. Если позвоните прямо сейчас, то, может быть, застанете его дома. С него и начните.

— Это все?

— Пока все. Мне нужно еще немного поговорить с Солом.

Я ушел.

7

Выло без двадцати двенадцать, когда я позвонил Вулфу по внутреннему телефону и сказал, что все в сборе; Вулф вышел, прошел к своему столу, поздоровался с ними, кивнув головой один раз налево, другой — направо, и сел. С доктором Булем, после весьма теплой беседы по телефону, мы договорились на одиннадцать тридцать, но он на десять минут опоздал.

Дейвида, как самого старшего члена семьи, я усадил в красное кожаное кресло. Доктор Буль, Пол и Таттлы расположились в ряд перед столом Вулфа, Пол — около меня. Я хотел, чтобы он был под рукой, на случай, если Эрроу вздумается опробовать на нем еще одну серию «левой-правой». Эрроу и Энн сидели рядышком, сзади, за доктором Булем. Сол Пэнцер устроился в сторонке, у большого глобуса, в одном из желтых кресел, и задвинул ноги под сиденье, упираясь носками в пол. Он всегда так сидел, даже когда мы играли с ним в пинакл [15].

Вулф обратился к Дейвиду. — Мне предложено, — сказал он, — расследовать обстоятельства смерти вашего брата и принять решение о том, есть ли смысл обращаться в полицию. Мое решение утвердительное. Дело это, действительно, требует вмешательства полиции.

Они зашумели, стали переглядываться. Пол повернул голову и свирепо уставился на Джонни Эрроу. Луиз Таттл взяла мужа за руку. Доктор Буль сказал властным, уверенным голосом:

— Я с этим выводом не согласен. Как врач, который подписал заключение о смерти, я требую доказательств.

Вулф кивнул.

— Конечно, доктор. Вы в своем праве. Полиция, естественно, тоже потребует доказательств, как и все, присутствующие здесь. Будет проще всего, если я прямо при всех продиктую свой меморандум инспектору Крамеру из отдела по расследованию убийств. Он обвел взглядом всех присутствующих.

— Прошу меня не перебивать. Если возникнут вопросы, я на них отвечу, когда закончу. Арчи, будьте любезны, ваш блокнот. Начнем с письма мистеру Крамеру.

Я повернулся в своем кресле-вертушке, взял блокнот, ручку, повернулся обратно, закинул ногу на ногу и пристроил блокнот на колено. Теперь я сидел лицом к аудитории.

— Валяйте, — сказал я ему.

— Дорогой мистер Крамер. Я считаю, что вашего внимания

заслуживает смерть человека по имени Бертрам Файф, последовавшая в отеле «Черчилль Тауэрз» в его номере в прошлую субботу. В подтверждение сего направляю вам соответствующую информацию в виде краткого изложения своих бесед с семью гражданами, а также меморандум с результатами проведенного мною расследования. Искренне ваш.

Он помахал мне пальцем.

— Вы подготовите краткое изложение бесед и всю необходимую информацию. Из содержания меморандума вам будет ясно, что в нее следует включить, а что можно и опустить. Первую страницу меморандума начнем на моем персональном бланке, в обычной форме. Понятно?

— Угу.

Он откинулся на спинку кресла и сделал вдох.

— Меморандум. Поскольку трое из действующих лиц, включая покойного, носят фамилию Файф, я буду называть их по именам. На версию Пола с морфием, думаю, можно внимания не обращать. Полагать, что кто-то из присутствующих принес какой-то яд, да еще в таблетках, так похожих на таблетки морфия, что сиделка не заподозрила подмену, — это уж чересчур экстравагантно. Подобные таблетки могли быть у одного человека — Таттла, фармацевта — он мог их или достать, или изготовить сам, но для этого нужно было знать заранее, что возникнет возможность незаметно их подложить, а такое предположение тоже чересчур экстравагантно.

— Ерунда, — заявил доктор Буль. — Любое ядовитое вещество из «Фармакопеи» оставило бы след, и я бы его заметил.

— Сомневаюсь, доктор. Это преувеличение, и я бы не советовал вам повторять свои слова в суде. Я просил не перебивать меня. Арчи?

Это означало, что нужно напомнить три последних слова, и я его уважил. — Тоже чересчур экстравагантно.

— Да. Итак, после стандартного опроса, проведенного мистером Гудвином, я отказался от этой версии: жонглирование морфием — не более, чем химера, рожденная воспаленным от злости и зависти воображением Пола. В результате, я готов был уже отказаться и от самого дела, если бы не одна загвоздка — грелки. Абзац.

— Я вынужден был заключить, и учитывая все обстоятельства, вы наверняка пришли бы к тому же выводу, что грелки Пол нашел в кровати пустыми. Это меня озадачило. Где-то ночью после ухода сиделки кто-то взял грелки с кровати, вылил и положил их на место. С какой целью? Просто так отмахнуться от этой истории было нельзя. И я ею занялся. Мистера Гудвина с

опросом по поводу морфия я отправил в Маунт Киско только для протокола. В разъяснении нуждалась история с пустыми грелками. Я рассматривал ее со всех точек зрения учитывая информацию, полученную от каждого из участников событий, и решение пришло с двух сторон одновременно. Во-первых, это возможный ответ на вопрос: какой цели пустые грелки в кровати могли служить лучше, чем полные? Во-вторых, — тот факт, что отец Файфов тоже умер от воспаления легких, когда зимой кто-то открыл окно и выстудил его спальню. Окно смерти. И вопрос, и этот факт навели меня на мысль. Абзац.

— Я позвонил по трем, нет, по четырем адресам. Я позвонил управляющему магазином «Шрамм» на Мэдисон авеню и опросил, как он упакует две кварты мороженого в жаркий летний день, если клиенту нужно ехать в машине на большое расстояние. Он сказал, что мороженое укладывается в картонную коробочку, которую в свою очередь помещают в другую картонку, на слой сухого льда, а потом обкладывают мелкими кусочками сухого льда сверху и с боков. Он сказал, что это — стандартная процедура. Я позвонил доктору Вольмеру, который живет на нашей улице, и потом, по его совету, — сотруднику одной фирмы, выпускающей сухой лед. От него я узнал, что: а) несколько фунтов кускового сухого льда, если их положить под простыню больному пневмонией, поближе к груди, могут без сомнения ощутимо, и даже с риском для жизни, понизить температуру его тела; б) точно определить, насколько велик этот риск, можно, лишь проведя эксперимент, но не исключен и смертельный исход; в) если сухой лед положить на голое тело или даже на прокладку из ткани, он вызовет сильные ожоги, и на коже останутся заметные следы; г) идеальной прокладкой между льдом и телом, если мы хотим избежать ожогов, может быть пустая резиновая грелка. Мой четвертый…

— Это фантастика, — сказал доктор Буль. — Бред.

— Не спорю, — сказал ему Вулф. — То, что я собираюсь вам рассказать, иначе и не назовешь. Абзац.

— Мой четвертый звонок был Дейвиду Файфу. Я пригласил его к себе. Следующим шагом необходимо было выяснить, что случилось с мороженым. Моя гипотеза не стоила и ломаного гроша, если оказалось бы, что в воскресенье пакет с мороженым все еще лежал на месте. И когда мистер Гудвин позвонил мне из Маунт Киско, я попросил его провести опрос. Что он и сделал — спросил Пола, мистера и миссис Таттл, мисс Горен и мистера Эрроу, и все они утверждали, что о мороженом им ничего не известно. Он также…

Его перебил визгливый голос Луиз Таттл. — Неправда! Я

сказала ему, что в воскресенье видела его в холодильнике!

Вулф покачал головой.

— Вы сказали ему, что видели большой бумажный пакет, и думаете, что в нем было мороженое. В пакет вы не заглядывали. И сухого льда не видели. — Он смотрел на нее в упор. — Ведь так?

— Не отвечай ему, — вдруг сказал Таттл.

— Ого, — брови Вулфа поползли вверх. — Так мы уже на той стадии, когда нельзя отвечать на вопросы? Вы заглядывали в этот пакет, миссис Таттл?

— Нет! Не заглядывала!

— Тогда позвольте мне продолжать. Арчи?

Я подсказал:

— …Не известно. Он также…

— Да. Он также заехал в отель и заглянул в холодильник, но никаких следов мороженого не нашел. Я лично спросил у Дейвида о мороженом, и он тоже сказал, что ему ничего не известно. Так моя гипотеза обрела плоть и кровь. Кто-то что-то сделал с мороженым и скрывает это. Если сухой лед использовали так, как я и предполагал, — чтобы убить больного пневмонией — то доказательств найти нельзя: сухой лед никаких следов не оставляет, и моя версия так версией и осталась бы. Поэтому мне пришлось зайти с другой стороны. Фактически, я уже и начал этим заниматься: задал несколько вопросов Дейвиду Файфу и отправил Сола Пэнцера с поручением. Сола Пэнцера вы знаете. Абзац.

— Из прилагаемого краткого изложения бесед вы увидите, что кое-какими косвенными уликами я располагал. Берта Файфа обвиняли в убийстве отца, но на суде он был оправдан. Его возмутили свидетельские показания, которые давали на суде его братья и сестра; главным козырем защиты было алиби, которое обеспечил ему его приятель Винсент Таттл, показавший, что они играли вдвоем в карты в меблированных номерах, где оба и проживали. Если верить мистеру Эрроу, Берт прибыл в Нью-Йорк не по делам, а потому, что, по словам мистера Эрроу, его грызло что-то из прежних времен. Сам Эрроу был, конечно, вне подозрений, так как в субботу всю ночь провел в полицейском участке. От вашего внимания не ускользнут и другие факты, самый примечательный из которых, мне кажется, тот, что Берт не просто поехал повидать хозяйку дома, у которой он снимал комнату двадцать лет назад, но отправился за ней и в Паукипси, когда услышал, что она туда переехала. Как вы узнаете из краткого изложения моей беседы с Дейвидом вчера вечером, — Арчи, не забудьте взять его у меня — Берт прожил в меблированных номерах совсем немного — месяца два: вряд ли

за этот срок могла возникнуть настолько сильная привязанность, чтобы и через двадцать лет он разыскивал ее с таким упорством. Естественно предположить: его интересовало что-то совершенно конкретное. Абзац.

— Другую ценную информацию я получил от Дейвида вчера, когда он отвечал на мои вопросы. После смерти матери отношения их отца с детьми сердечностью не отличались. Он указал Берту на дверь и велел больше не показываться. У него были стычки с Дейвидом и Полом. Он не дал своей дочери разрешения на брак с молодым человеком по имени Винсент Таттл — в то время продавцом в местной аптеке — и запретил ей встречаться с ним. После его смерти Луиз вышла замуж за Таттла, и вскоре они купили за ее долю наследства ту самую аптеку. Из предыдущей беседы с Дейвидом я, конечно, знал, что состояние покойного было поровну поделено между детьми.

Вулф повернул голову. — Прежде, чем я продолжу, мистер Таттл, может, вы согласитесь ответить на пару вопросов. Правда ли, что за день до болезни Берт говорил в вашем присутствии, что заезжал к миссис Доббс, у которой вы оба когда-то квартировали, и говорил с ней?

Таттл облизнул губы.

— Вряд ли, — хрипло оказал он. Потом откашлялся. — Я не помню.

— Ну, конечно, говорил, Винс, — объявил Дейвид и посмотрел на Вулфа. — Я ведь вам вчера рассказывал.

— Я помню. Я проверяю его память. — Он перешел к Полу. — А вы помните?

— Да. — Пол смотрел на Таттла. — Чего же тут не помнить? Он сказал, что опять к ней поедет, как только поправится.

Вулф хмыкнул. — Вас, миссис Таттл, я опрашивать не буду. — Он снова повернулся к ее мужу. — И еще один вопрос. Где вы были вчера вечером с шести до десяти?

Этот вопрос огорошил его совершенно. Он не ожидал его и растерялся.

— Вчера вечером? — неуклюже спросил он.

— Да. С шести до десяти. Я вам немного помогу. Мистер Гудвин зашел к вам в аптеку, расспросил вас с супругой о мороженом и уехал примерно в пять тридцать.

— С памятью у меня все в порядке, — съязвил Таттл. — Но я не обязан вам подчиняться. Я не обязан отчитываться перед вами о своих действиях.

— Значит, вы отказываетесь отвечать?

— Вы не имеете права задавать такие вопросы. Какое ваше дело?

— Очень хорошо. Просто я полагал, что у вас есть право на такие вопросы отвечать. Арчи?

Поскольку на этот раз пауза затянулась, я напомнил ему побольше, чем три последних слова. Я заглянул в блокнот.

— …что состояние покойного было поровну поделено между детьми…

Вулф кивнул.

— Абзац. Мистер Эрроу, как вы узнаете из краткого изложения моей беседы с ним, сказал, что Берт говорил родственникам о своей поездке к бывшей своей квартирной хозяйке, а Дейвид вчера вечером подтвердил это и назвал ее имя — миссис Роберт Доббс. В ходе диктовки данного меморандума этот факт подтвердил и Пол. Безусловно, необходимо было узнать, чего добивался Берт от миссис Доббс, и поскольку мистер Гудвин был занят другими поручениями, я позвонил Солу Пэнцеру, пригласил его к себе и послал в Паукипси. Адреса Дейвид не знал, и поиски заняли у Сола довольно много времени. К дому, где она проживает с замужней дочерью, он подъехал только к десяти. Когда он подходил к двери, на улицу вышел какой-то человек. Поравнявшись с Солом, он остановил его и спросил, кого тот ищет. Как вам известно, мистер Пэнцер всегда очень собран и умеет действовать скрытно. Он ответил, что хочет видеть Джима Хитона — в ходе поисков он узнал, как зовут зятя миссис Доббс. Позднее, в своем отчете, мистер Пэнцер описал этого человека, и описание соответствует внешности Винсента Таттла. Оба они сейчас присутствуют здесь, и мистер Пэнцер подтверждает, что мистер Таттл и есть тот самый человек, которого он видел выходящим из дома.

Вулф повернулся.

— Сол?

— Да, сэр. Подтверждаю.

— Мистер Таттл, вы не хотите как-нибудь прокомментировать сказанное?

— Нет.

— Думаю, это разумно. — Он повернулся ко мне. — Абзац. Перед тем, как начать диктовать предыдущий абзац, я спросил у мистера Таттла, где он был вчера вечером, но мистер Таттл отвечать отказался. Я прилагаю также краткое изложение беседы мистера Пэнцера с миссис Доббс. Должен признать, что в нем содержатся далеко не исчерпывающие сведения. Миссис Доббс не захотела назвать имя только что вышедшего из ее дома мужчины. Она не захотела раскрыть цели визита к ней Берта Файфа. Она наотрез отказалась говорить о событиях той зимней ночи двадцатилетней давности. Разумеется, возникают очевидные

вопросы. Не было ли алиби, данное Таттлом Берту, фальшивым, а у Берта просто не хватило духу его опровергнуть? Известно ли миссис Доббс, что оно было фальшивым? Может быть, в ту метельную ночь из меблированных номеров выходил не Берт, а Таттл? И миссис Доббс об этом знает? Может быть, Таттл пошел к Файфам, Луиз пустила его в дом, он подсыпал ей в шоколад снотворного, а позже вернулся и уже с улицы открыл окна? Я не утверждаю, что он виновен во всем этом, но вопросы возникают сами собой. Меня нанимали не для того, чтобы я нашел убийцу. Моя задача — только решить, есть ли в данном деле основания для полицейского расследования. Учитывая все, сказанное выше, считаю, что они есть. Сегодня утром я звонил вам и предложил обратиться в полицию в Паукипси с просьбой организовать охрану миссис Доббс и ее дома. Я обещал вам вскоре объяснить, зачем. Абзац.

— Много вопросов возникает и в связи со смертью Берта Файфа. Вот, например, один из них. Предположим, Винсент Таттл, боясь, что всплывет его старое преступление, опять решил помочь пневмонии убить человека, используя на этот раз, не открытые окна, а сухой лед. Но тогда почему он в ту ночь оставил в холодильнике бумажный пакет — видимо, еще с мороженым? Если ничего не добьетесь от мистера Таттла, попробуйте найти ответ сами. Он ведь мог и не знать о мусоропроводе в буфетной, а когда вечером в воскресенье обнаружил его, то немедленно избавился от мороженого. Что касается сухого льда, то он следов не оставляет — тут доказательств не найти, однако можно обратиться к специалистам. Вам они, как и мне, подскажут вероятный ход событий. Кусочки льда он в грелки, конечно не складывал; грелки использовались вместо прокладок, чтобы избежать прямого контакта кожи со льдом. Специалисты, наверное, скажут, сколько времени занимает полное испарение кускового льда, но это не столь уж и важно. Мистер Таттл находился рядом и легко мог улучить момент, чтобы убрать остатки, если таковые были, до того, как Пол обнаружил тело. Этот и другие возможные вопросы я предоставляю выяснять вам. То, что мне поручалось, я выполнил, и надеюсь, что никакие дополнительные консультации от меня больше не потребуются. Вся информация, которой я располагаю, изложена в настоящем меморандуме.

Вулф с силой прижал ладони к подлокотникам кресла и окинул взглядом всех присутствующих.

— Ну, вот, — сказал он, — я не хотел рассказывать все это два раза — сначала вам, а потом мистеру Крамеру. Вопросы есть?

Дейвид горбился в красном кожаном кресле, опустив голову,

глядя в пол перед собой. Услышав последний вопрос, он медленно поднял голову и медленно стал ее поворачивать, оглядывая всех по очереди, затем посмотрел на Вулфа. И заговорил, выдавливая из себя слова.

— Вероятно, мне следовало бы сейчас расстроиться, но я ничего не чувствую. Я всю жизнь думал, что отца убил Берт. Я всю жизнь думал, что алиби, которое ему устроил Винс, было фальшивым, что он солгал, чтобы спасти Берта, но теперь-то все ясно. Без этого алиби Берта, скорее всего, посадили бы, так что оно, и вправду, его спасло, но оно спасло и Винса тоже. Конечно, Берт знал, что Винс врет, будто они были весь вечер вместе, но если бы он признался, если бы сказал, что Винс на некоторое время выходил, это уничтожило бы его собственное алиби, и он не решился. Да он ведь и не знал, что отца убил Винс. Может, он что-то подозревал, но знать — не знал. Теперь все ясно. Теперь понятна даже роль миссис Доббс. — Он наморщил лоб.

— Я пытаюсь вспомнить, что она говорила на суде. Она сказала, что не слышала, чтобы кто-то из них выходил, но на самом-то деле, наверное, все-таки слышала, а может быть, даже знала точно — кто. Но, скажи она, что слышала, как тот или другой выходил из дому, и алиби Берта пришел бы конец, а она в нем души не чаяла. И очень не любила нашего отца. Его мало кто любил.

Видимо, он хотел сказать что-то еще, но передумал, встал и повернулся к брату.

— Ты этого добивался, Пол? Ты это подозревал?

— Черт, конечно, нет, — хрипло сказал Пол. — Какого дьявола, ты же знаешь, кого я подозревал, и в чем, и если этот толстый тюфяк не врет про сухой лед, — он вскочил с кресла и резко повернулся в сторону Джонни Эрроу. — Почему это не мог быть он? У него был ключ от номера! Я никогда и не говорил, что точно знаю, как он это сделал. А ты… Убери свои лапы!

Дейвид шагнул вперед и схватил его за рукав. На секунду мне показалось, что Пол сейчас ударит своего старшего брата, но, видно, Дейвид знал его лучше, чем я. Дейвид ничего не говорил, да это было и ни к чему. Он просто повис у него на руке, вытащил за спины сидевших и повел к выходу. Они скрылись в передней, и Сол пошел закрыть за ними дверь.

— У меня вопросов нет, — сказал доктор Буль. Он встал и посмотрел на Таттлов, потом на Вулфа. — Боже мой, через двадцать лет. Как вы это оказали — «окно смерти»? Вам действительно удалось его открыть. — Он снова посмотрел вниз. — Луиз, вы почти всю жизнь были моей пациенткой. Вам ничего не нужно? У вас все в порядке?

— У меня все в порядке. — Она изо всех сил старалась, чтобы ее визгливый голос не сбился на вой. — Это неправда.

Буль хотел еще что-то сказать, открыл было рот, потом передумал, повернулся и вышел. Вулф обратился к мужчине и женщине — владельцам великолепной аптеки:

— Если у вас ко мне нет вопросов, то вас я тоже больше не задерживаю.

Луиз, прикусив нижнюю губу, потянула мужа за рукав. Он сделал глубокий вдох, оперся ладонью ей на плечо и поднялся с кресла; она встала одновременно с ним. Так, бок о бок, они и направились к выходу. Их я тоже предоставил заботам Сола. Когда дверь за ними закрылась, Вулф повел глазами в сторону сидевшей позади всех парочки и резко сказал.

— Ну что? Вы довольны?

Провалиться мне на месте, если они не сидели, взявшись за руки; и все так же, не разнимая рук, встали и подошли к столу. Я тоже умею держать женщин за руку, но чтобы на людях?.. Энн явно хотелось поплакать, но видно было, что она решила крепиться до последнего. Оказалось очень кстати, что она держалась за левую руку Джонни, потому что ему вдруг понадобилась правая. Когда они подошли к столу, он протянул ее и сказал:

— Держите пять.

8

Я должен объяснить одну вещь. Если учесть, что Джонни и Энн не играли никакой роли в этом представлении, то зачем Вулфу понадобилось их приглашать? Мне-то его опрашивать ни к чему. Я его знаю. Проделать такую работу, вычислить убийцу — и всего за одну тысячу зелененьких? Это несерьезно. А вот если Джонни Эрроу лично придет и убедится, как лихо выведен на чистую воду убийца его компаньона, то ему, может быть, захочется выразить свою признательность в виде маленькой дольки урановых сокровищ. В том, что основной замысел именно таков, я ни капли не сомневался, и несколько недель подряд просматривал утреннюю почту, искал глазами конверт с его обратным адресом. Но конверта все не было, и я ждать перестал.

А на прошлой неделе, дня через четыре после того, как суд присяжных признал Винсента Таттла виновным в убийстве, при отягчающих обстоятельствах, отца Берта Файфа (решено было судить его именно по этому делу, так как здесь улики оказались более убедительными, особенно, когда заговорила миссис Доббс),

пришел конверт, в углу которого стоял штамп горнорудной корпорации Файф-Эрроу, Монреаль. И когда я открыл его и увидел выписанную на чеке сумму, мои брови поднялись на такую высоту, на какую они только способны. Действительно, очень неплохая долька.

Письма в конверте не было, что вполне объяснимо. Ему, конечно, не до писем. Слишком много забот: нужно обучать молодую жену методам ведения разведки.

Рекс Стаут
Иммунитет к убийству [16]

ИММУНИТЕТ К УБИЙСТВУ

1

Я стоял, сложив руки на груди, и с возмущением смотрел на Вулфа. Все двести семьдесят восемь фунтов его живого веса расположились в массивном кресле, сколоченном из тяжелых сосновых брусьев, на сиденье и спинку которого вместо подушки наброшены были несколько пушистых ковриков всех цветов радуга. Под стать креслу была и кровать, и вся остальная мебель в этой комнате шестнадцатикомнатного горного охотничьего домика «Излучина», принадлежащего нефтяному магнату О. В. Брэгэну.

— Славную же вы услугу решили оказать своей стране, — сказал я. — Медвежью. Пусть мы выехали и поздновато, но я доставил вас вовремя, чтобы вы и в комнату вселиться успели, и распаковаться, и помыться к обеду, — а теперь что? Идти говорить хозяину, что мистер Вулф изволит обедать у себя в спальне? Дудки. Это без меня.

Он ответил мне таким же возмущенным взглядом.

— Черт побери, у меня люмбаго! — рыкнул он.

— Нет у вас никакого люмбаго. Просто спина устала. Ничего удивительного. Все триста двадцать восемь миль до Эйдирондакса от самой 35-й улицы, Манхэттен, вы сидели сзади, вцепившись в сиденье, и готовились выпрыгнуть из машины, хотя за рулем был не кто-нибудь, а я. Что вам сейчас нужно, так это разминка, — например, хорошая длительная прогулка отсюда до столовой.

— Сказано вам, у меня люмбаго.

— Нет. Это острый выпендрит или, говоря медицинским языком, воспаление хитрости. — Я расплел руки, окрещенные на груди, и сделал небольшой жест рукой. — Ведь ситуация-то какова? Мы с вами запутались в этом деле со страховкой Лэмба и Макаллоу, которое, надо признаться, действительно немного скучновато для величайшего детектива современности и надоело вам до чертиков. А тут звонок из госдепартамента. Новому послу иностранной державы, с которой наша страна готовится заключить торговое соглашение, задают вопрос, нет ли у него каких-либо особых пожеланий, а он отвечает, да, он желает поудить американскую речную форель, но не просто так, а чтобы ее свеженькую, прямо из ручья, приготовил для него сам Неро Вулф. Не согласитесь ли вы оказать такую любезность? Все уже организовано: посол с небольшой компанией выезжает на неделю в Эйдирондакс — там имеется охотничий домик с тремя милями частных рыболовных угодий на реке Крукид Ривер. Если неделя для вас — слишком много, приезжайте на два дня, или на один

день, или, хотя бы, на пару часов — лишь бы успеть приготовить форель.

Я снова сделал жест рукой.

— О'кэй. Вы опросили меня, что я думаю по этому поводу. Я ответил, что дело Лэмба и Маккаллоу бросать нельзя. Вы же сказали, что страна желает ублажить этого посла, и что ваш долг — ответить на ее призыв. Я сказал: чушь. Я оказал, что если вас тянет покуховарить на благо отечества, записывайтесь в армию. В конце концов дослужитесь до шеф-сержанта, но я вынужден буду признать, что эта история с Лэмбом и Маккаллоу оказалась вам слегка не по зубам. Прошло несколько дней. Зубам легче не стало. А в результате сегодня утром в четырнадцать минут двенадцатого мы уже отъезжали от дома. Я гнал все триста двадцать восемь миль; чуть меньше семи часов — и мы на месте. Условия — изумительные и весьма демократичные. Вы здесь всего-навсего повар, а взгляните, какую вам комнату отвели. Я обвел вокруг себя рукой. — Удобства все. Персональная ванна. У меня не такая большая, но я ведь только помощник повара, или, скорее, кулинарный атташе. Нам сказали: обед в шесть тридцать, потому что им рано утром на рыбалку. Сейчас уже шесть тридцать четыре, и какое же распоряжение я получаю? Идти говорить Брэгэну, что вы обедаете у себя. Меня-то вы в какое положение ставите? Без вас я им за столом не нужен, а когда еще удастся понаблюдать, как принимает пищу посол? Если и есть у вас люмбаго, то не в пояснице, а в душе! Называется — прострел души. Самое лучшее средство от него…

— Арчи, кончайте тараторить. Слово «люмбаго» означает участок тела. От латинского «люмбус — «поясничная область». Душа находится не в области поясницы.

— Да? Докажите. У вас, может, и нет. Но ведь было несколько раз — вспомните хотя бы того парня, забыл, как его звали, который пытался вас нанять, чтобы вы устроили встречу первым его четырем женам и уговорили их…

— Хватит! — Он уперся ладонями в подлокотник кресла.

— Да, сэр.

— Мучения бывают разной степени. Некоторые граничат с пыткой, но границу, слава богу, не переходят. Очень хорошо. — Он поднялся, опираясь на руки и скорчив, по ходу, серию гримас. — Это люмбаго. И в таком состоянии я должен сидеть за столом в чужом доме с целой толпой незнакомых людей. Вы идете?

Он двинулся к двери.

Одно неудобство в охотничьем домике все-таки было: отсутствие столовой. Вернее, она, может, там и была, но коллекция медвежьих, оленьих и лосиных голов и распластанных на стенах тут и там рыбин превращала ее в хранилище охотничьих трофеев, бильярдный стол в углу делал из нее игровую, стеклянные шкафы с ружьями и удилищами — склад охотничьего снаряжения, ковры на полу, стулья и стоящие тут и там столики со светильниками — гостиную, а общие неимоверные размеры превращали ее в сарай.

Обслуживали нас два эксперта мужского пола, одетые в униформу; качество пищи возражений не вызывало, но будь я проклят, если я чуть не изжарился заживо. За большим квадратным столом мы сидели вдевятером — по трое с каждой из трех сторон, а с четвертой, со стороны камина, не сидел никто. Шириной камин был футов двенадцать, и глядеть издали, как языки пламени весело лижут восьмифутовые поленья во всю их длину, было одно удовольствие. Но я-то глядел не издали, я сидел в угловом кресле, прямо перед огнем. Не успел я закончить устриц, как мне пришлось уже вертеться ужом, заталкивая ноги подальше влево, чтобы не вспыхнули брюки, а из моей правой щеки, еще немного, и можно было бы делать подошвы. Когда стали разливать суп, я вытянул ноги еще дальше и задел туфлей лодыжку соседа.

— Простите, — сказал я ему. — Как называется животное, которое живет в огне?

— Саламандра, — грассирующим тенорком ответил он. Это был небольшого роста жилистый субъект с гладко зачесанными назад черными волосами и широкими мускулистыми плечами — чересчур широкими для его маленькой фигурки. — Чем, — спросил он, — вы тут занимаетесь?

— Поджариваюсь заживо. — Я повернулся к нему лицом, чтобы дать правой щеке передышку. — Запомните, прошу вас, это, может быть, последние мои слова. Я Арчи Гудвин, приглашен сюда для доставки четырнадцати видов груза: петрушки, лука, чеснока, кервеля, эстрагона, свежих грибов, брэнди, панировочных сухарей, свежих яиц, красного перца, томатов, сыра и Неро Вулфа. У меня получилось только тринадцать, значит, я что-то пропустил. Все это составные части ручьевой форели под соусом «Монбарри», кроме последней: мистер Вулф — не совсем ингредиент.

Он хихикнул. — Да уж, надеюсь, что нет. А то блюдо получится чересчур жирным, а?

— Да нет, это не жир, это сплошная мускулатура. Вы бы видели его, когда он поднимает ручку со стола, чтобы

расписаться — никаких усилий, как перышко. А вы что тут делаете?

Он занялся супом и не ответил; я последовал его примеру. Я решил, что он описал меня со счетов, как мальчика на побегушках, но, когда его чашка опустела, он повернулся ко мне. — Я эксперт, по финансам и по всяким козням. Здесь я…

— Будьте любезны, сначала имя, а то я не расслышал.

— О, конечно, простите, Спирос Паппс. Я прибыл со своим другом, послом, мистером Теодором Келефи, в качестве советника миссии по техническим вопросам. А в данный момент я занимаюсь ловлей форели, и за четыре дня, что мы здесь, поймал уже тридцать восемь штук. Сегодня утром — одиннадцать, гораздо больше посла — он принес только три. Говорят, ваша восточная ручьевая форель Salvelinus fontinalis на вкус самая изысканная в мире, но я придержу свое мнение, пока не попробую ту, что приготовит мистер Вулф. Вы сказали — лук?

— Не волнуйтесь, — успокоил я его. — Он просто машет луковицей над сковородкой. Вы только послам советы даете, или мне тоже можно воспользоваться? Мне бы узнать, кто есть кто — не успел всех запомнить: нас представили наспех.

Разговор прервал один из официантов — подал блюдо с ростбифами и еще одно, с овощами, но после того, как мы с ними разобрались, он, понизив свой тенорок, коротко просветил меня по поводу всех, сидящих за столом.

О. В. Брэгэн, хозяин, сидел в центре, на самом удобном месте — дальше всех от огня. Это был дородный мужчина ростом футов шесть, с твердым квадратным подбородком и пронзительным взглядом холодных серых глаз.

По возрасту он находился где-то посередине между мной и Вулфом. При встрече мы перекинулись несколькими словами, и у меня как-то не возникло непреодолимого желания немедленно переключаться на бензин марки «Хемоко» — продукт «Хемисфиер Ойл Компани», которой он заправлял.

Там же, на самой удобной стороне, справа от него, сидел посол, Теодор Келефи. Он выглядел так, будто последние лет десять только и делал, что загорал, хотя, возможно, история его загара исчислялась не годами, а поколениями. Он был уверен, что говорит по-английски и, не исключено, что слова он, и вправду, выучил, но ему неплохо бы посоветоваться со Спиросом Паппсом, как их произносить.

По другую руку от Брэгэна, слева, сидел Дейвид М. Лисон. Если бы вы хорошенько присмотрелись к его холодной профессиональной улыбке, гладкому и хорошо ухоженному лицу, если бы прислушались к его холодному хорошо поставленному

баритону, вы могли бы подумать, что перед вами — кадровый дипломат, дослужившийся в свои неполные сорок лет до помощника государственного секретаря. И были бы тысячу раз правы. Это он звонил Вулфу с просьбой покуховарить на благо отечества. Одной из ступенек его восхождения наверх, сказал мне Спирос Паппс, было двухлетнее пребывание в должности секретаря посольства в столице той страны, из которой прибыл посол Келефи.

Для того, чтобы пробиться наверх по служебной лестнице, кадровому дипломату очень важно иметь пробивную жену, и у Лисона, если верить Паппсу, была именно такая. Паппс отзывался о ней очень высоко и говорил, понизив голос, потому что она сидела рядом, с другой стороны, между ним и послом. Особых возражений ее внешность у меня не вызывала, хотя для высшего класса лоб все-таки был широковат. Атласная белая кожа, светло-каштановые волосы, собранные в пучок, живые карие глаза — все было прекрасно, но вот рот, опять-таки, подкачал. Начинался он, вроде бы, и ничего, но какая-то сила отгибала его кончики вниз. Может, ее что-то расстроило, а может, она просто переусердствовала, пробивая карьеру мужу. Будь она помоложе, я не стал бы возражать против того, чтобы попытаться выяснить, в чем дело, и поискать какой-нибудь выход с ней на пару. Если Вулфу позволено служить отечеству, стряпая форель для чужеземного посла, то почему мне нельзя послужить ему же, помогая расправить перышки жене помощника государственного секретаря?

У другой женщины, сидевшей за нашим столом, с перышками было все в порядке. Напротив меня, чуть наискосок, сидела Адриа Келефи — вовсе не дочь посла, как могло бы показаться на первый взгляд, а его жена. Она не выглядела особенно пробивной, но она, безусловно, выглядела. Маленькая, изящная, с шелковистыми черными волосами и сонным взглядом темных глаз. Вот кого можно было бы подхватить на руки и унести куда-нибудь, пусть даже только в драгстор на стаканчик кока-колы, хотя я, конечно, сомневаюсь, чтобы, по ее понятиям, именно этот напиток подходил в качестве угощения. Справа от нее сидел помощник госсекретаря Лисон, слева — Вулф, и с обоими она справлялась прекрасно. Раз она даже прикоснулась рукой к руке Вулфа — держала ее так секунд десять — и он не отдернул свою. Я-то помнил, что к числу самых невыносимых для него вещей на свете принадлежат две: физический контакт с кем бы то ни было и соседство с женщиной, и решил, что просто обязан познакомиться с ней поближе.

Но не все сразу. Рядом с Вулфом, как раз напротив меня,

сидел девятый и самый последний — высокий тощий субъект с косящими глазами и тонкими, плотно сжатыми губами, прочерченными, как тире, меж двух костлявых челюстей. Его левая щека была раза в четыре краснее, чем правая — это я мог понять, и посочувствовать. Камин, находившийся оправа от меня, от него находился слева. Звали его, как сказал Паппс, Джеймс Артур Феррис. Я заметил, что он, должно быть, какая-нибудь мелкая сошка, вроде пажа или лакея, раз его тоже засадили на эту сковородку.

Паппс хихикнул.

— Ну что вы, какой лакей… Он очень важная персона, мистер Феррис. Здесь он из-за меня. Мистер Брэгэн скорее пригласил бы очковую змею, чем его, но когда он ухитрился организовать приезд сюда посла и секретаря Лисона, я решил, что не пригласить Ферриса будет несправедливо, и настоял на своем. Кроме того, я очень злорадный человек. Мне доставляет удовольствие наблюдать, как сильные мира сего выставляют напоказ свой дурной норов. Вот вы говорите, что поджариваетесь заживо. А почему вы поджариваетесь? Потому, что стол пододвинут слишком близко к огню. Для чего его так поставили? Чтобы мистер Брэгэн мог устроить мистера Ферриса на максимально неудобное место. Самые мелочные люди на свете — это большие люди.

Когда моя тарелка опустела, я сложил свои вилку и нож в точности по рекомендациям Хойла.

— А сами вы какой человек — большой или маленький?

— Ни то, ни другое. Я без ярлыка. Как вы в Америке говорите — неклейменый бычок.

— А что делает Ферриса большим?

— Он представляет большой бизнес — синдикат пяти крупных нефтяных компаний. Вот почему мистеру Брэгэну хочется изжарить его живьем. На кон поставлены миллионы долларов. Все эти четыре дня с утра у нас была рыбалка, в обед — перебранка, а вечером — братание. Посла мистер Феррис сумел кое в чем переубедить, но только, боюсь, не секретаря Лисона. Я нахожу все это очень забавным. Ведь решение-то, в конце концов, принимать мне, а я могу только приветствовать такое развитие ситуации, после которого мое правительство получит на десять — двадцать миллионов больше. Не думайте, что я разглашаю государственные секреты. Если вы повторите то, что я вам сказал, мистеру Вулфу, а он — любому из них, пусть хоть самому Лисону, я не стану обвинять вас в болтливости. Я за простоту и искренность. Я мог бы даже пойти на…

Я не дослушал до конца, на что мог бы пойти злокозненный,

злорадный, простой и искренний человек, потому что нас прервали. Джеймс Артур Феррис вдруг отодвинулся со своим креслом от стола, вовсе не стараясь делать это незаметно, встал, решительно перешел через всю комнату — добрых шагов двадцать — и взял с подставки бильярдный кий. Все головы повернулись в его сторону, и я, наверное, был не единственным, кому показалось, что он сейчас вернется и всадит его в нашего хозяина. Но он просто поставил бильярдный мяч на ударную позицию и, не примеряясь, с силой вонзил его в сложенные кучей шары. В гробовой тишине головы повернулись к Брэгэну, потом друг к другу. Я ухватился за предоставившуюся возможность. Если Брэгэну нравится поджаривать Ферриса, пусть его, но меня-то жарить ни к чему; и я не упустил свой шанс. Я встал, подошел к бильярдному столу и учтиво обратился к Феррису:

— Может, я сейчас их соберу, и мы сыграем на счет?

От ярости он не мог выговорить ни слова. Только кивнул головой.

Пару часов спустя, где-то в районе десяти, Неро Вулф сказал мне:

— Арчи. По поводу вашего поведения в столовой. Вы знаете, как я отношусь ко всему, что мешает нормальному приему пищи?

— Да, сэр.

Мы были у него в комнате и готовились на покой. Моя комната была в другом конце коридора; он пригласил меня задержаться по дороге.

— Не спорю, — сказал он, — всегда бывают исключения из правил, и это как раз такой случай. Мистер Брэгэн либо негодяй, либо болван.

— Да. Либо и то, и другое. По крайней мере, меня никто не стал привязывать к столбу, не забыть бы поблагодарить его хоть за это. Завтра на рыбалку идете?

— Вы же знаете, что нет. — Сидя, он с кряхтеньем нагнулся, чтобы развязать шнурки. Покончив с этим, он выпрямился. — Я посмотрел кухню и все оборудование. Ничего, сойдет. Они вернутся с утренним уловом в одиннадцать тридцать, обед назначен на полпервого. Я займусь на кухне с десяти. Повар у него вежливый, и разбирается довольно неплохо. Я хочу сделать признание. Вы были правы, когда не хотели сюда ехать. У них идет дикая жестокая свара; посол Келефи — в самом ее центре, и он сейчас в таком состоянии, что ему хоть форель «Монбарри» подавай, хоть карпа, жаренного в сале — все без разницы. У остальных же слюнки текут только на длинную свинью. Знаете, что это такое?

Я кивнул:

— Жаркое по-каннибальски. Правда, свинью для себя каждый из них предпочел бы выбрать сам.

— Без всякого сомнения. — Он потряс ногами, сбрасывая туфли. — Если мы выедем сразу после обеда, часа в три, успеем домой к отбою?

Я сказал, само собой, и пожелал ему спокойной ночи. Когда я открыл дверь, он проговорил у меня за спиной:

— Кстати, это совсем не люмбаго.

3

На следующее утро, в девять тридцать, Вулф и я завтракали вместе за маленьким столиком в большой комнате, у единственного окна, до которого сквозь просвет в деревьях добиралось солнце. Оладьи были вполне съедобные, хотя, конечно, никакого сравнения с теми, которые делает Фриц; а бекон, кленовый сироп и кофе, по признанию Вулфа, вообще оказались приятным сюрпризом. Все пятеро удильщиков ушли еще до восьми, каждый — на свой отрезок частных трехмильных угодий.

У меня была собственная программа, которую мы с вечера согласовали с хозяином. С тех пор, как я, семи лет от роду, выловил в Огайо из ручья свою первую радужную рыбешку, у меня при виде быстрины всегда возникают два ощущения: во-первых, что в ней должны водиться рыбины, а во-вторых, что их надо как следует проучить. Хотя Крукид Ривер и зарыбливается искусственно, самим рыбам про то неведомо, и ведут они себя так нагло, как если бы в жизни не бывали вблизи инкубатора. Поэтому я с Брэгэном обо всем договорился. Пятеро рыболовов должны вернуться к домику в одиннадцать тридцать, и тогда все три мили будут свободны. Вулф, в любом случае, не намерен садиться с ними за стол, а по мне, конечно же, никто скучать не станет. Так что в моем распоряжении окажутся два часа и, как сказал Брэгэн, без особой, впрочем, сердечности, любая снасть и любые сапоги, какие я найду в шкафах и ящиках.

После завтрака я предложил было свои услуги на кухне — резать грибы, зелень, и вообще быть на подхвате, но Вулф попросил меня не путаться под ногами, поэтому я ушел и стал рыться в шкафах со снастью. Коллекция в них оказалась весьма внушительной, особенно, если учесть, что до меня там успели покопаться пять человек, из которых, должно быть, каждый выбирал себе, что получше. Наконец я остановился на трехколенном удилище «Уолтон Спешиэл», катушке «Паук-виг» с

леской на 0,7, клинообразных поводках, блесеннице с двумя дюжинами отборных мушек, четырнадцатидюймовой плетеной ивовой корзинке, подсачке с алюминиевой рамой и болотниках «Уэдерзилл». Волоча примерно по четыре сотни зелененьких на каждую ногу, я пошел на кухню, сделал себе три сандвича с ростбифами, взял пару шоколадок и спрятал их в корзинку.

Не дав себе труда стянуть болотники, я прошлепал на улицу — взглянуть, какое небо и откуда ветер. День стоял погожий, скорее даже слишком погожий, для удачной рыбалки: высоко над соснами висело несколько облачков, чересчур мелких, чтобы тягаться с солнцем, а с юго-запада тянул легкий ветерок. Река обегала охотничий домик почти правильным полукругом — так, что его главная веранда, размером с теннисный корт, выходила прямо на центр излучины. Неожиданно я столкнулся с проблемой из области этикета. На одном конце веранды, ярдах в десяти слева от меня, расположилась с каким-то журналом Адриа Келефи, на другом — ярдах в десяти, справа, опершись подбородком на кулак и любуясь пейзажем, сидела Сэлли Лисон. Ни та, ни другая и виду не подала, что увидела меня или услышала. Проблема состояла в следующем: здороваться мне с ними или нет, и, если здороваться, то с которой начинать — с жены посла или с жены помощника государственного секретаря?

Я молча прошел мимо. Если их тянет посостязаться в заносчивости, о'кей. Но я подумал, что хорошо бы им заодно показать, перед кем они вздумали задирать нос. И стал действовать. Ни кустов, ни деревьев между верандой и рекой, а, вернее, просто ручьем, не было. Из целой коллекции кресел на веранде я выбрал алюминиевое, с холщевым сидением и высокой спинкой, пронес его вниз, через лужайку, поставил на ровной площадке футах в десяти от берега, достал из блесенницы «серый хакл», насадил, уселся в кресло, откинулся с комфортом на спинку, стравил немного лески, бросил мушку в бурун, дал ей отплыть футов на двадцать по течению, подтянул обратно и забросил еще раз.

Если вас интересует, рассчитывал ли я на поклевку на этом совершенно неподходящем порожистом участке, я отвечу: да. Я рассудил, что парень, задавший себе столько трудов, разыгрывая всю эту сцену перед заносчивыми половинами двух сильных мира сего, имеет право на участие со стороны какой-нибудь матерой форелины, а если так, то почему бы ей и не клюнуть? Она бы и клюнула, не объявись вдруг какая-то мелюзга, которая мне все испортила. После двадцатого заброса я краешком глаза заметил серебряную искорку, пальцы почувствовали рывок лески, и вот уже у меня на крючке сидит этот малец. Я тут же выдернул его

наверх, в надежде, что он сойдет, но он засел основательно. Будь на его месте папаша, я помучил бы его как следует, подтянул к себе и снял с крючка сухой рукой, так как ему все равно скоро на сковородку, но, чтобы сбросить этого чертенка, руку пришлось замочить. Я вынужден был вставать из кресла и лезть рукой в воду, что напрочь испортило все представление.

Проучив его как следует и возвратив туда, где ему и надлежало быть, я стал обдумывать ситуацию. Вернуться в кресло и продолжать, как ни в чем не бывало? Исключено. Этот чертов пескаришка сделал из меня посмешище. Я подумал, может, стоит подняться вверх по ручью и побросать всерьез, как вдруг раздался звук шагов, а затем голос:

— Я и не знала, что рыбу можно ловить прямо из кресла! Где она? — Она говорила «рииба».

— Доброе утро, миссис Келефи. Я выбросил ее в воду. Слишком мала.

— О! — Она подошла ко мне. — Дайте-ка. — Она протянула руку. — Я тоже поймаю. — При свете дня, как и накануне вечером, ее все так же хотелось подхватить на руки, а темные глаза глядели по-прежнему сонно. Когда у женщины такие глаза, любой мужчина с минимальным инстинктом исследователя непременно захочет выяснить, что нужно сделать, чтобы они зажглись. Но взгляд, брошенный на запястье, подсказал мне, что через восемнадцать минут пора уже уходить — за это время и познакомиться как следует не успеешь, не то что провести обстоятельное исследование. Тем более, когда на веранде сидит Сэлли Лисон и глядит во все глаза, теперь уже явно на нас.

Я покачал головой.

— Я бы с удовольствием посмотрел, как вы поймаете рыбу, — сказал я, — но я не могу отдать вам эту удочку — она не моя. Мне одолжил ее мистер Брэгэн, и вам он, наверняка, тоже даст. Мне очень жаль. И, чтобы доказать вам, до какой степени — я мог бы, если хотите, рассказать, что я подумал, глядя на вас вчера за столом.

— Я хочу поймать рыбу. Я никогда еще не видела, как ловят рыбу. — Она уже ухватилась за удилище.

Я не уступал.

— Мистер Брэгэн вернется с минуты на минуту.

— Если вы дадите мне удочку, я позволю вам рассказать, что вы такое подумали вчера вечером.

Я пожал плечами.

— Да бог с ним. Я уже толком и не помню.

Ни единой искорки в глазах. Но она отпустила удилище и заговорила несколько другим тоном, чуточку более интимным:

— Ну, конечно, вы помните. Что вы подумали?

— Погодите, как это было? А, да. Такая большая зеленая штука у вашего супруга на перстне — это что, изумруд?

— Конечно.

— Я так и думал. Ну вот, я подумал, что ваш супруг мог бы с большим эффектом выставлять свои драгоценности. Обладая двумя такими сокровищами, как изумруд и вы, ему следовало бы вас объединить… Лучше всего бы сделать вам из камня сережку — одну, в правое ухо, а левое пусть бы оставалось так. Я даже хотел подойти к нему и подсказать.

Она покачала головой.

— Нет. Мне так не нравится. Я люблю жемчуг. — Она снова протянула руку и ухватилась за удилище. — А теперь я поймаю рыбу.

Между нами, похоже, назревала драка, в результате которой мое «Уолтон Спешиэл» вполне могло и треснуть, но этому помешало появление одного из рыболовов. Джеймс Артур Феррис, тощий, длинный, в полном рыбацком облачении, вышел на лужайку, приблизился и заговорил:

— Доброе утро, миссис Келефи! Великолепный день, просто великолепный!

Меня опять щелкнули по носу. Но я все понял. За бильярдным столом я побил его — 100: 46.

— Я хочу поймать рыбу, — оказала ему миссис Келефи, — а этот мужчина не хочет дать мне свою удочку. Я возьму вашу.

— Конечно, — залебезил он. — С огромным удовольствием. У меня насажен «голубой дан», но если вы хотите попробовать что-нибудь другое…

Я отправился в путь.

Общее направление ручья — ну, ладно, реки — было на север, но, конечно, на нем хватало и петель, и поворотов — я видел на большой настенной карте, висевшей в домике. Все три мили частных угодий были поделены на пять равных участков для сольной ловли, и на границе каждого участка стоял столбик с номером. Два участка располагались к югу от охотничьего домика, вверх по течению, а другие три — к северу, по течению вниз. В этот день, как вчера и договаривались, Спирос Паппс и посол Келефи заняли южные участки, а Феррис, Лисон и Брэгэн — северные.

Я не люблю ловить с сухой мушкой, и с мокрой я тоже не ахти какой специалист, поэтому задумка моя была начать сверху и ловить вниз по течению. Я пошел на юг по тропке, которая, если судить по карте, более-менее игнорировала все изгибы реки и шла довольно прямо. Отойдя шагов на пятьдесят от домика, я

встретил Спироса Паппса, который поздоровался со мной без особого коварства или злорадства, приподнял крышку своей корзинки и показал мне семь красавиц, каждая из которых была более десяти дюймов в длину. Еще через четверть мили я встретил посла Келефи, который, хотя и опаздывал, но также остановился, чтобы похвалиться уловом. У него было восемь штук, и он обрадовался, когда я сказал ему, что Паппса он сегодня на одну обошел.

Начав с южной границы участка номер один, я за сорок минут добрался обратно до охотничьего домика. Отчет за эти сорок минут я предпочитаю представить в виде голой статистики. Количество использованных мушек — три. Подскользнулся и чуть не упал — три раза. Поскользнулся и упал, промокнув выше сапог — один раз. Зацепы крючка в ветвях над головой — четыре. Улов: одна большая, которую я оставил себе, и пять маленьких, которых пришлось отпустить. Когда я подошел к домику, было только двенадцать тридцать, время обеда, и я обошел его кругом и нацелился на участок номер три, где в это утро ловил Феррис. Там удача повернулась ко мне лицом, и за двадцать минут я вытащил три крупных рыбины — одну больше двенадцати дюймов, а две другие лишь немногим меньше первой. Вскоре я подошел к столбику с номером четыре — началу участка помощника госсекретаря Лисона. Это было отличное место: трава здесь подступала вплотную к журчащей струе. Я снял мокрый пиджак, расстелил его на залитом солнцем камне, сам сел на камень рядом и достал свои сэндвичи и шоколад.

Но так как я обещал Вулфу вернуться к двум, а впереди было еще более мили необловленного участка, я быстренько запихнул в себя все свои припасы, сделал пару глотков прямо из реки, которая была на самом деле ручьем, надел пиджак, накинул на плечо корзинку и двинулся дальше. Следующие ярдов двести берега так заросли, что мне пришлось идти прямо по ручью, плес был здесь не из тех, где любит жировать форель, но за ним открылся двойной поворот с длинным буруном вдоль одного берега. Я встал посередине, стравил футов сорок лески, бросил мушку — «черного комара» — в начале буруна и пустил ее вниз по течению. Не прошла она и пару футов, как по ней ударил настоящий дедуля; я подсек — и он сел у меня на крючке. И пошел вверх по ручью прямо на меня, что, конечно, один из недостатков ужения вниз по течению. Я ухитрился не дать ему слабину, но, подойдя так близко, что мог бы меня укусить, он вдруг сделал крутой разворот, умотал обратно в самый бурун, потом пошел вдоль него и махнул за второй поворот. Катушка-то у меня не километровая, и я заплюхал ему вслед, не глядя, куда

ставлю ноги. Сначала вода доходила до колен, потом до бедер, и снова до колен, пока я не выбежал за поворот. Дальше шел ровный порожистый участок футов тридцать в ширину, весь усеянный валунами, и я уже направился к одному из них, чтобы опереться на него — иначе против течения не устоять, — когда вдруг заметил нечто такое, что заставило меня остановиться. Если глаза меня не обманывали (а это совершенно исключено), то кто-то уже оперся о валун, лежавший у самого берега. Удерживая удилище, согнувшееся под напором дедули, я забирал все ближе к этому валуну у берега. Там был помощник госсекретаря Лисон. Ступнями и голенями он лежал на земле, колени упирались в самую кромку берега, а все остальное было в воде; течением его прижимало ко лбу валуна. Струя слегка покачивала тело вверх-вниз, так что лицо его то показывалось из воды, то исчезало.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы ответить на главный вопрос, но существуют иногда шансы — один на миллион, поэтому я выпрямился, чтобы немного смотать леску, и тут мой дедуля сделал первую свечку. Он вышел наверх всем корпусом, щелкнул по воде, и я не поверил собственным глазам. Рыбина куда меньше его висела на стене в охотничьем домике. Когда он так выпрыгнул, я, совершенно инстинктивно, конечно, стравил немного лески, а потом смотал ее обратно, когда он опять ушел в воду, и снова держал его внатяг, на согнувшемся от напряжения удилище.

— Черт побери, — сказал я вслух. — Вот незадача.

Я переложил удилище в левую руку, зажимая леску между большим и указательным пальцами той же руки, убедился, что под ногами у меня твердая опора, наклонился, захватил воротник пиджака Лисона правой рукой, приподнял ему голову из воды и заглянул в лицо. Этого было достаточно. Утонул он или нет, он все равно был мертв. Я попятился и, медленно двигаясь задом наперед, вышел на берег, таща его за собой, и, уже когда я отпустил тело, и его плечи коснулись земли, моя форель сделала еще одну свечку.

Обычно такую рыбину нужно водить минут пятнадцать-двадцать, причем очень аккуратно. Но в данной ситуации, я, естественно, испытывал некоторое нетерпение, поэтому уже минут через десять подтянул ее в такое место, где ее можно было подцепить сачком. Она была на семь дюймов длиннее корзинки, и мне пришлось ее сгибать, хотя страшно не хотелось этого делать. Я посмотрел еще раз на голову Лисона и, оттащив его чуть подальше от воды, подложил под нее носовой платок, чтобы она не лежала на голой земле. Я накрыл верхнюю половину его туловища своим пиджаком, разобрал удилище и взглянул на

часы. Двадцать минут второго. Очень хорошо. Когда я дойду до охотничьего домика, от форели «Монбарри» уже ничего не останется. Вулф в любом случае взъестся на меня, но что было бы, если бы я своим сообщением о найденном трупе перебил им процесс поглощения именно этого блюда, страшно даже подумать. Я зашагал по тропинке, держа удилище в одной руке, а корзинку — в другой.

По тропинке я добрался до домика гораздо быстрее, чем вброд по реке. Когда из-за деревьев показалась лужайка, я понял, что обед уже закончился, потому что все они вышли на веранду и пили кофе — четверо мужчин и две женщины. Поднявшись по ступенькам и направляясь к двери я уже думал, что опять получу щелчок по носу, но О. В. Брэгэн окликнул меня:

— Гудвин! Вы не видели секретаря Лисона?

— Нет. — Я продолжал идти.

— Разве вы не ловили на его участке?

— Только с одной стороны. — Немного помешкав, я добавил: — Я промок, мне нужно переодеться, — и пошел дальше.

Войдя в дом, я сразу двинул на кухню. Повар и два официанта сидели за столом и обедали. Выяснив у них, где Вулф, я вернулся по своим следам, перешел через коридор в другое крыло. Дверь в комнату Вулфа была открыта нараспашку. Я вошел, заметив, что он укладывал что-то в чемодан, лежавший с откинутой крышкой на кровати.

— Что-то вы рановато, — хмыкнул он. — Очень удовлетворительно.

— Да, сэр. Я поймал четыре форели и одну суперфорель для Фрица, как и обещал. Ну, как обед?

— Сносно. Я приготовил двадцать рыбин, и все были съедены. Я уже почти готов, мы можем ехать. Немедленно.

— Да, сэр. Но сначала у меня отчет. Примерно в трех четвертях мили отсюда по реке, у валуна, возле самого берега, я обнаружил секретаря Лисона. Ноги у него были на берегу, а все остальное — в воде. Он пролежал там довольно долго: подмышки у него совсем холодные.

— О, господи. — Вулф, скривившись, смотрел на меня. — Как это на вас похоже. Он утонул?

— Не знаю. Я…

— Вы сказали мистеру Брэгэну?

— Нет, сэр. Я решил доложить вам. Я вытащил тело из воды на берег. У него пробит череп, сзади, чуть повыше правого уха, ударом или ударами, я бы сказал, камня или тяжелой дубинки. Просто упасть он не мог, это исключено, разве только специально взобрался на высокое дерево и упал оттуда, но поблизости таких

высоких деревьев нет. Его кто-то ударил. Я подумал, что вам неплохо бы стоять рядом, когда я буду им об этом рассказывать, и лучше всего — с широко открытыми глазами.

— Пф-ф. Вы думаете, его убили.

— Ставлю двадцать против одного, как минимум.

Он поджал губы и скривился еще больше.

— Очень хорошо. Они его сейчас найдут. Они решили, что он заупрямился и хочет во что бы то ни стало наполнить свою корзину, и собрались после обеда на поиски. Раз он почти полностью был в воде, вы могли его и не заметить. Нет, проклятье, вы же его вытащили. Ну, хотя бы и так, снимайте все это и одевайтесь. Мы уезжаем. Я не намерен…

— Нет, сэр. — Я был тверд. — Вы же сами говорите, что я его вытащил. Они знают, что я ловил на этом участке. Мы, скорее всего, и до дома доехать не успеем. Нас остановят где-нибудь возле Олбани, привезут обратно, и знаете, где мы тогда проведем эту ночь? На ответ дается одна попытка.

Он набрал воздуха побольше — вдох, который наполнил его от горла до самой талии. Когда закончился выдох, он выпалил с ожесточением:

— Ну на кой черт вам понадобилась эта рыбалка? — Он снова вздохнул.

— Пойдите расскажите мистеру Брэгэну.

— Да, сэр. А вы?

— Нет! Чего ради? Я тут ни при чем. Идите!

Я запарился в болотниках, поэтому сначала стащил их и надел туфли. Когда я вышел на веранду, трое из мужчин — Брэгэн, Феррис и Паппс — уже покинули ее и направлялись через лужайку к тропинке. Я громко крикнул:

— Брэгэн! Вернитесь все трое сюда, пожалуйста.

Он отозвался с удивлением:

— Зачем? Мы идем искать Лисона!

— Я его уже нашел. Подойдите сюда, я вам скажу.

— Нашли? Где?

— Я же сказал, подойдите сюда.

Может, Вулфу и было наплевать, как они отреагируют на мое сообщение, но мне — нет. Я хотел видеть их лица, каждого из них. Я не стал отвечать Брэгэну, пока они втроем не поднялись по ступенькам и не встали передо мной всей группой, включая посла Келефи и обеих женщин.

— Я действительно, видел секретаря Лисона, — сказал я. — Я решил сначала предупредить мистера Вулфа — я думал, он сам захочет вам сказать, но он предоставил это сделать мне. Лисон погиб. — Я замолчал.

Спирос Паппс, стоявший рядом с Сэлли Лисон, взял ее за руку. Она молча смотрела на меня. У Адрии Келефи отвисла челюсть. Феррис и посол Келефи стали издавать какие-то звуки, а Брэгэн резко спросил:

— Погиб? Как? Где?

— Я нашел его тело на берегу реки, он почти полностью был в воде, голова тоже. Я вытащил его, но он был уже мертв. — Я посмотрел на Брэгэна. — Какого-нибудь врача вы, конечно, разыщете, но и полицию тоже нужно вызвать. Пока они не приедут, тело трогать нельзя, потому что…

Сэлли Лисон вырвала руку и бросилась от Паппса к ступенькам. Я прыгнул, догнал, обхватил ее сзади руками. — Погодите минутку, — сказал я. — Я вас сам туда отведу, если захотите. Только погодите немного.

— А полиция зачем? — властно спросил Брэгэн.

— У него пробита голова. Не спорьте со мной, поберегите силы для полицейских. Я вернусь к телу и побуду там, пока они не приедут. Или мне сначала им позвонить?

— Нет. Я сам.

— И врачу.

— Да.

— Хорошо. Это возле двойного поворота, ярдов двести ниже четвертой отметки. — Я ослабил свои объятия, но вдова стояла прямо, как будто застыла. — Вам лучше остаться здесь, миссис Лисон.

— Нет, я должна… проводите меня.

— Ну, тогда пусть с нами пойдет кто-нибудь еще, Феррис?

— Нет.

— Келефи?

— Думаю, нет.

— Паппс?

— Конечно, — учтиво сказал он, и мы пошли втроем.

4

Через два часа, без четверти четыре, съехалось великое множество народу. Сначала явились двое из местной полиции, и Брэгэн привел их к нам, на двойной поворот. Потом приехал какой-то врач, и, хотя государственным судмедэкспертом он не был, голова у него была на месте. Когда он поинтересовался, зачем я подложил Лисону под голову носовой платок, а я ответил, потому, что вода могла и не успеть смыть следы того предмета, которым был нанесен удар, он сказал, что это разумно, и как

неудачно, что он не захватил с собой хорошей лупы. Но главное, что он сделал, — это засвидетельствовал смерть Лисона и настоял, чтобы миссис Лисон позволила Паппсу проводить ее обратно в дом. Трогать тело, до приезда шерифа, было нельзя.

Явился шериф и привез с собой двух детективов из округа. Потом приехали еще полицейские штата и с ними лейтенант. Потом — прокурор округа, суетливый лысый тип по имени Джаспер Колвин, в очках без оправы, которые на каждом шагу оползали ему на нос. С ним было двое помощников. Затем двое журналистов — один с блокнотом, другой с фотоаппаратом. Все они топали прямо ко мне и, кажется, все подозревали, что я чего-то не договариваю, что, впрочем, и не удивительно: любому представителю закона легче умереть, чем поверить, что вы говорите правду, только правду и ничего кроме.

Когда, наконец, за покойником прибыли носилки, большинство слуг закона рыскали вокруг в поисках орудия убийства или других, имеющих к нему отношение предметов, и мое предложение поработать носильщиком было принято. Весил он прилично, и мы с ним намучились. Когда мы затолкнули носилки в машину скорой помощи, приткнувшуюся с краю, на битком набитой стоянке, за охотничьим домиком, я обошел веранду кругом и увидел, что на ней никого нет, кроме полицейского, который стоял и задумчиво жевал нижнюю губу. В доме, в большой комнате, на стульях у окна сидели разговаривали Феррис и Паппс, и еще какой-то незнакомый человек говорил у стола по телефону.

Паппс окликнул меня:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Только не у меня, — ответил я ему и прошел через комнату во внутренний коридор. Вулф был у себя, в кресле с радужными ковриками, — читал какую-то книжку. Когда я вошел, он быстро взглянул на меня и снова углубился в чтение. Я постоял немного.

— Хотите отчет?

Он ответил, не отрывая глаз от страницы:

— Только, если это имеет отношение к нашему отъезду.

— Это не имеет отношения к нашему отъезду. Есть какие-либо вопросы или инструкции?

— Нет.

— Черт побери, — сказал я ласково, — вы же сами отпустили меня на рыбалку. Где моя форель?

— На кухне, в большом холодильнике. Уже почищена.

— Благодарю вас. — Я вышел от него и пошел к себе.

Там я и сидел, когда через час зашел полицейский и сказал,

что меня приглашают. Я думал, меня ждет продолжение того, что уже было, но в коридоре, у своих дверей, топтался Вулф, который, при моем приближении, повернулся и пошел в сторону большой комнаты. Полицейский шел за нами следом.

Похоже, они что-то затевали. Гости — все пятеро — сидели группой посреди комнаты, а Брэгэн стоял рядом — разговаривал с окружным прокурором Колвином. Шериф и двое полицейских расположились у двери, а один из помощников прокурора сидел за маленьким столиком с блокнотом наготове. Вулф вошел, сделал три шага, остановился и громко опросил:

— Вы меня звали, мистер Брэгэн?

Ответил ему Колвин.

— Это я вас вызвал. Я — Джаспер Колвин, прокурор этого округа. — Он подтолкнул вверх очки, упавшие на нос. — Вы — Неро Вулф, частный дэ-этэктив?

— Да.

— Садитесь сюда, пожалуйста. Вы тоже, Гудвин. Я всем вам должен кое-что сказать.

Я бы ни капли не удивился, если бы Вулф развернулся и пошел обратно, так как поводов для этого было целых три: во-первых, тон, которым Колвин с ним разговаривал, во-вторых, то, что он сказал «частный детектив», а не «тот самый частный детектив», и, в-третьих, — размер стула, стоявшего позади всех гостей, на который ему указал Колвин. Но после секундного колебания он прошел за спины сидевших и сел на свободный стул рядом.

Окружной прокурор повернулся лицом к аудитории. Откашлялся. — Я уверен, леди и джентльмены, что мне не нужно…

— Уже записывать? — Это заговорил человек с блокнотом, у столика.

Колвин посмотрел на него, рявкнул:

— Да, все подряд! — и снова повернулся лицом к нам. Он подтолкнул упавшие очки на место и откашлялся еще раз. — Мне не нужно говорить вам, леди и джентльмены, какая тягостная обязанность выпала на мою долю сегодня. Но точно так же, как помощник государственного секретаря Лисон, на высоком посту всегда ставил на первое место не личные чувства, а свой долг государственного деятеля и дипломата, так и я, в гораздо более скромном качестве, обязан выполнить свой долг до конца. Я всецело рассчитываю на вашу поддержку.

Ответа не последовало. Он продолжал. — Когда, два часа назад, я прибыл сюда со своей горестной миссей, то обнаружил, что шериф Делл и лейтенант Хопп уже на месте. Мы

посоветовались и решили, что, пока не отработаны некоторые версии, нет смысла особенно вас беспокоить. Вам только задали несколько стандартных вопросов и предложили не покидать пределов дома — на случай, если вдруг возникнет необходимость в более детальном расследовании. В этой связи я хотел бы выразить глубокую признательность от себя лично, и от имени народа штата Нью-Йорк послу Келефи. Он, его супруга и его сотрудник мистер Спирос Паппс защищены правом дипломатического иммунитета и не могут быть подвергнуты ни аресту, ни задержанию, и, тем не менее, они любезно откликнулись на нашу просьбу. Я могу добавить, что я звонил в Вашингтон, в госдепартамент, и специально там консультировался.

— В этом не было необходимости, — успокоил его Келефи. — Даже дипломатам случается быть иногда просто людьми. — Произношение посла в этой напряженной ситуации не улучшилось, но я даже не пытаюсь передавать его на письме.

Колвин кивнул ему; очки тут же сползли на нос. Подтолкнув их пальцем на место, прокурор продолжал.

— А сейчас я с огорчением вынужден заявить, что, в связи с открывшимися новыми обстоятельствами, нам придется пойти несколько дальше обычных стандартных вопросов. Мы пришли к выводу, что гибель секретаря Лисона не была результатом несчастного случая. Два врача утверждают, что никакой несчастный случай, в том месте, где находился мистер Лисон, не мог стать причиной подобного ранения черепа. Они сходятся в том, что такую рану потерпевший не мог нанести себе сам. Следовательно, речь идет об убийстве.

Так как мы с Вулфом сидели в последнем ряду, я не мог видеть их лиц, а затылки у них оказались не слишком-то выразительными. Единственный, кто шевельнулся, был Джеймс Артур Феррис. Он повернул голову и посмотрел на Сэлли Лисон.

Заговорил О. В. Брэгэн.

— Я хотел бы сделать заявление.

— Прошу вас, мистер Брэгэн.

— Когда вы сюда приехали, я вам говорил, что это, может быть, убийство. Я напомнил и вам, и полиции, что на мой участок заходят браконьеры, и предложил вам немедленно направить людей на расследование этой версии: Лисон мог столкнуться на реке с одним из них, и тот на него напал. Вы это сделали?

Колвин откашлялся и вынужден был снова водворять очки на место.

— Мы не оставили вашу версию без внимания, мистер Брэгэн, но позвольте мне договорить до конца. Исследование раны на

черепе с помощью увеличительного стекла показало наличие в ней трех частичек древесной коры, которые не успело смыть водой. Это подтвердило наше предположение, что удар или удары были нанесены деревянной дубинкой. Если так, то где она сейчас? Ее не было ни у самого тела, ни поблизости. Вряд ли убийца стал бы уносить ее с собой. Скорее всего, он ее выбросил, и, вероятнее всего, в реку. Там мы ее и нашли, вернее, нет, не так: мы нашли в воде какую-то дубинку… Дайте ее сюда, Нейт.

Шериф подошел и протянул ему дубинку. Она была фута в три длиной, может, чуть больше, и толщиной с мою руку.

— Ее нашли, — сказал Колвин, — в пятистах футах от поворота, ниже по течению. Она застряла между двух камней. Это ясень. Она было полностью покрыта водой, но кора еще не успела промокнуть, так что она попала туда недавно. Как видите, оба конца у нее отпилены. С одного конца участок коры длиной в три-четыре дюйма поврежден, будто от удара по твердому предмету. Чтобы выяснить, остались ли на дубинке в месте повреждения какие-нибудь следы или их смыло водой, нужен микроскоп. Но, думаю, у нас достаточно оснований полагать, что именно эта дубинка и послужила орудием убийства. И позвольте мне сказать, мистер Брэгэн, позвольте мне сказать, что, если секретарь Лисон действительно застал какого-то браконьера на ваших угодьях, то непонятно, откуда у того в руках оказалась дубинка. Шериф Делл и лейтенант Хопп разделяют мое мнение.

— Зачем гадать, откуда она взялась? — рявкнул Брэгэн. — Найдите его и спросите.

— Такую возможность исключать нельзя, — согласился прокурор. — Двое полицейских и двое из людей шерифа в настоящее время ее разрабатывают. Но еще вот какой факт. За домом на вашей территории находятся две большие поленницы дров. В одной из них — восьмифутовые поленья для большого камина в этой комнате, в другой — поленья поменьше, для маленьких каминов в других комнатах, и среди них — десятки, сотни обрезков ясеня, похожих на тот, который только что показывал шериф. Другой такой поленницы в радиусе двух миль отсюда, а может, и больше, — нет. Уверяю вас, мистер Брэгэн, факты вынуждают нас прийти к следующему заключению, хотя оно нам и не по душе, оно нам чрезвычайно неприятно. Но долг есть долг, ничего не поделаешь. Наше заключение состоит в том, что убийство секретаря Лисона совершено этой дубинкой, что оно было преднамеренным, и что дубинка была взята из вашей поленницы, а убийца — кто-то из присутствующих здесь. Так ведь, Нейт?

— По мне, так иначе и быть не может, — заявил шериф.

— Лейтенант?

— Мне кажется, — согласился лейтенант, что оно соответствует имеющимся фактам и может служить основой для проведения расследования.

Брэгэн подался вперед.

— То есть, короче говоря, вы утверждаете, что я или кто-то из моих гостей убили секретаря Лисона? А вы знаете, кто эти люди?

— Конечно, знаю. — Колвин поправил очки. Дальше я буду фиксировать не каждый такой его жест, а только через четыре раза на пятый. — Но среди них есть двое, у которых могло быть основание… — Он замолчал. — Нет. Последнее предложение вычеркни.

— О'кэй. — Тот заскрипел ручкой.

Колвин продолжал.

— Я вполне отдаю себе отчет о серьезности положения, мистер Брэгэн, но расследование должно проводиться в полном объеме и, конечно же, беспристрастно. Позднее, может быть, возникнет необходимость побеседовать с одним или несколькими из вас с глазу на глаз, но сейчас, я думаю, лучше начать прямо так. И, естественно, начнем с хозяина. Я вас спрашиваю для протокола: «Это вы ударили Лисона дубинкой или любым иным предметом?»

— Нет. Боже мой, нет.

— Есть ли у вас основания подозревать в этом действии кого-нибудь из присутствующих здесь?

— Нет. Никого.

Колвин посмотрел на остальных. Движение пальцем — и очки на месте.

— Эти же два вопроса касаются всех вас и каждого в отдельности. Вы их слышали и теперь, пожалуйста, отвечайте на них. Миссис Лисон?

— Нет. — Она говорила тихим, но твердым голосом. — На оба вопроса.

— Миссис Келефи?

— Минуточку, — вмешался Феррис. — Задавать подобные вопросы супруге выдающегося иностранного посланника в высшей степени недопустимо.

Мне захотелось спросить, как насчет подобных вопросов супругам невыдающихся иностранных посланников, но промолчал. Кроме того, выдающийся посланник заговорил сам.

— Сейчас неподходящий момент для соблюдения этикета. Ответь, дорогая.

— Ну, конечно, нет, — сказала она. Мне захотелось увидеть ее глаза. — Естественно, нет. На оба вопроса.

— Посол Келефи, если вам будет угодно ответить?
— Конечно. Мой ответ — нет.
— Мистер Паппс?
— Нет и нет.
— Мистер Феррис?
— На оба вопроса — нет.
— Неро Вулф?
— Нет.
— На оба?
— Да.
— Гудвин?
— Меня уже спрашивали. Снова — нет, два раза.

Колвин перевел взгляд направо, потом налево.

— Ранее вас уже спрашивали, где и когда вы в последний раз видели секретаря Лисона живым, но в новой ситуации мне хотелось бы проверить ваши ответы еще раз. Посол Келефи и мистер Паппс, чьи участки находились к югу, вверх по течению, видели его в последний раз на веранде, утром, около восьми часов, перед выходом на рыбалку. Миссис Лисон видела его в последний раз утром, когда он уходил завтракать. Миссис Келефи — вчера вечером, когда они с супругом покинули эту комнату, направляясь спать. Мистер Феррис видел его в последний раз на тропе, когда сошел с нее и пошел к реке, где начал облов своего участка под номером три, в направлении с севера на юг. Секретарь Лисон и мистер Брэгэн прошли по тропинке дальше, и мистер Брэгэн видел его в последний раз, когда он свернул к реке в начале участка номер четыре. Мистер Брэгэн прошел по тропинке до самой границы своих угодий, к началу участка номер пять. Вулф и Гудвин видели его в последний раз в этой комнате, вчера вечером. Так у меня записано, с ваших же слов. А сейчас у меня вопрос ко всем вам и к каждому в отдельности: эта запись соответствует действительности во всех деталях? Вы не хотите внести исправления? Не только, что касается себя лично, но и других тоже? Если да, то скажите мне сейчас.

В ответ — ни звука. Колвин вздохнул. Очки.

— Мистер Брэгэн, я вынужден задать вам следующий вопрос. Позавчера в газете была заметка — сообщение из Вашингтона о рыболовной экспедиции в вашем охотничьем домике. Естественно, она меня заинтересовала, это ведь мой округ. Там оказано, что главной задачей посла Келефи на новом посту будет ведение переговоров о концессиях на добычу нефти в его стране, что речь идет об астрономических суммах, что с этой целью в его миссию включен Спирос Паппс, что помощник госсекретаря Лисон командирован на эту рыбалку, так как он лично знаком с

послом Келефи — еще с тех пор, когда работал в стране господина посла секретарем нашего посольства, и что соглашение, вполне возможно, будет подписано здесь, на берегу форелевого ручья, поскольку на переговорах присутствуют оба главных претендента на получение нефтяных концессий. В статье названы их имена: О. В. Брэгэн из «Хемисфиэр Ойл Компани» и Джеймс Артур Феррис из «Юниверсал Синдикэт».

— Да, ну и что?

— Это была информация «Ассошиейтид Пресс», поэтому ее перепечатали по всей стране. В ней говорилось, что между соперниками — «Юниверсал» и «Хемисфиер» — идет жестокая борьба, именно так — жестокая борьба. Я не хочу ни на что намекать, вообще ни на что, но вы ведь понимаете: теперь пойдут циркулировать самые разные слухи. Вы ничего не хотите сказать по этому поводу?

— Не хочу.

— Мне кажется, было бы в ваших интересах, если бы вы сообщили мне в двух словах, если предпочитаете — конфиденциально, на какой стадии находились переговоры. О взаимоотношениях заинтересованных сторон. Тогда можно было бы отбросить это, как… э-э-э… как версию.

— Она уже и так отброшена. Вы замахнулись не по своему росту, Колвин.

— Совершенно верно, — Феррис пришел на выручку своему заклятому сопернику. — Это неслыханно. Ступайте лучше, ищите этого браконьера.

— Если позволите, — дипломатично вмешался посол Келефи, — я согласен с мистером Брэгэном и мистером Феррисом. Американцы, даже из-за миллионов, не молотят друг друга дубинками по голове.

Я мог бы рассказать ему об одном американце, который шарахнул кувшином своего соотечественника, чтобы избавить его от двух долларов тридцати восьми центов, но этот американец нефтяным королем, конечно, не был.

— Вы не только замахнулись не по своему росту, — сказал Брэгэн прокурору, — но вы как-то слишком вольно обращаетесь с фактами. Пусть именно эта дубинка послужила орудием убийства, и пусть даже ее взяли из моей поленницы, что делает убийство преднамеренным, но почему непременно один из нас? Да кто угодно мог выскочить из леса и выдернуть это полено.

— Вы правы, — согласился Колвин. — Вы совершенно правы. Но убийство наверняка было преднамеренным, и жертвой был намечен именно секретарь Лисон. Я вам уже говорил, что в данный момент четыре специально подготовленных человека

разрабатывают эту версию. Но, по теории вероятности, основное внимание мы вынуждены направить именно на этот дом, и на людей, которые в нем находятся. Я никоим образом не хочу сказать — только на вас и пятерых ваших гостей. Кроме них здесь еще пятеро: Вулф, Гудвин и трое слуг. Слуг мы уже допросили, но это, разумеется, далеко не все. Я хочу, чтобы вы мне о них рассказали. Имя повара — Майкл Самек?

— Да. Это смешно. Майкл работает у меня пятнадцать лет. Летом — дома, в Нью-Йорке, а зимой — во Флориде. Другие…

— Это русское имя? Он русский?

— Нет. Американец. Вам, Колвин, уже черт знает что мерещится. Он родом из Буффало. Другие два — из одного агентства в Нью-Йорке, я их много раз к себе приглашал, в течение многих лет. Вам дать название агентства?

— Мы его у них взяли. Имеете ли вы хоть какие-нибудь основания подозревать, что кто-нибудь из этой троицы как-либо замешан в убийстве?

— Не имею. Я имею все основания полагать, что — никто.

— Хорошо. Но вы ведь понимаете, что я должен тщательно их проверить. Теперь о Вулфе и Гудвине. В газете писали, будто Вулф приглашен готовить форель для посла. Это так?

— Да.

— С ним договаривались вы? Лично?

— Нет. Секретарь Лисон.

— Когда они сюда приехали?

— Вчера вечером, как раз перед обедом.

— Зачем он взял с собой Гудвина?

— Думаю, чтобы вести машину. Спросите у него сами.

— Обязательно спрошу. Но сначала скажите, пожалуйста, не известно ли вам — может, за этим приглашением что-нибудь стоит? Какой-нибудь другой повод для приезда Вулфа и Гудвина?

— Нет. Мне об этом ничего не известно.

— Значит, если существует какая-то тайная причина, какой-то скрытый мотив для приглашения сюда Вулфа и Гудвина, о них знал только секретарь Лисон, который сейчас мертв?

— Не могу сказать. Мне ничего не известно.

Колвин посмотрел на Вулфа, и заговорил, задрав подбородок и повысив голос.

— Вопрос к вам, Вулф. Гудвин говорит, что вас пригласил секретарь Лисон, по телефону. Кроме того, что записано в вашей памяти, существует какая-либо другая запись этого разговора?

Просиди он хоть целую неделю, более неудачного начала он бы придумать не смог.

Вулф сидел рядом со мной и медленно качал головой. Мне показалось, он промолчит, будто ничего и не случилось. Но нет. Он заговорил.

— Очень плохо, мистер Колвин.

— Что очень плохо?

— Что вы все смазали. Вы и ваши люди очень быстро и очень профессионально провели следствие, великолепно разработали эту ситуацию, хотя мне кажется, на данном этапе лучше бы употребить слово «предположение», а не «заключение». Вы даже про…

— Я задал вам вопрос! Отвечайте!

— Я отвечу. Вы даже проявили похвальное мужество в столкновении с послом и двумя миллиардерами. И я вовсе не в обиде, что вы считаете возможным, в надежде произвести на них впечатление, разговаривать со мной и более резким, и более грубым тоном, чем с ними. Однако, хоть я и не в обиде, я непременно послал бы вас сейчас к чертовой матери, но мне смертельно хочется домой. Поэтому я предлагаю следующий модус операнди. Я делаю заявление — у вас есть стенографист. Когда я закончу, вы можете задавать мне вопросы, на которые я, может быть, отвечу.

— Я уже задал вам один вопрос. Можете начать с него.

Вулф терпеливо покачал головой.

— Я вызвался сделать заявление. Разве вы не обязаны его выслушать?

Шериф, который отошел к стоящим у двери, громко сказал:

— Может, у него на нарах язык развяжется?

Прокурор не ответил. Он подтолкнул очки на место. — Давайте, делайте ваше заявление.

— Да, сэр. — Вулф старался вести себя смирно. Ему действительно хотелось домой. — Одиннадцать дней назад мне позвонили из Вашингтона и сказали, что со мной хочет говорить мистер Дейвид М. Лисон, помощник государственного секретаря. Мистер Лисон, с которым я до того знаком не был, сказал мне, что для посла Келефи готовится выезд на рыбалку. Он прибыл в нашу страну недавно и выразил желание попробовать свежую форель, приготовленную Неро Вулфом, поэтому меня просят оказать такую любезность. Мистер Лисон сказал, что будет мне очень признателен. Я обещал подумать, хотя и вел в этот момент очень трудное дело.

Через два дня мистер Лисон позвонил еще раз, и потом еще раз — через три дня. Я дал согласие на эту поездку, и он

рассказал мне, как ехать. Ни о каких других делах во время наших переговоров упоминания не было ни с моей стороны, ни с его.

— Мистер Лисон писал вам что-нибудь?

— Нет. Мы договаривались по телефону. Вчера утром мы с мистером Гудвином выехали из моего дома в Нью-Йорке, в моей машине и прибыли сюда около шести часов. Он поехал со мной потому, что он всегда это делает, о чем мистера Лисона я предупредил. Я и мистер Гудвин обедали в этой комнате вместе со всеми, затем вернулись к себе и легли спать около десяти часов. До этого никто из нас ни с кем из присутствующих не встречался и не имел ни с кем личной беседы ни вчера вечером, ни ночью. Сегодня утром мы встали довольно поздно и позавтракали вместе, в этой комнате, в половине десятого; нам оказали, что остальные, все пятеро мужчин, ушли на рыбалку еще до восьми часов. После завтрака я отправился на кухню и занялся приготовлениями к обеду, а мистер Гудвин стал собираться на рыбалку. Начиная с этого момента он отчитается о своих передвижениях сам, что, я не сомневаюсь, он уже сделал. Я пробыл на кухне до конца обеда, и сам обедал там же. В начале второго я вернулся к себе и не выходил из комнаты до возвращения мистера Гудвина, который сообщил, что нашел тело мистера Лисона.

— Во сколько это было?

— Прошу прощения, я еще не закончил. Вы намекнули — хотя и вскользь, но намекнули — на возможную связь между нападением на мистера Лисона и борьбой за нефтяные концессии в ходе переговоров под председательством посла Келефи. Я полагаю, когда следствие начнет набирать обороты, вы еще вернетесь к этому в личных беседах, и, рано или поздно, кто-нибудь сообщит об инциденте, имевшем место вчера в этой комнате во время обеда. Хотя бы тот же мистер Гудвин, который случайно оказался его участником. Поэтому я расскажу о нем сейчас. Мистер Брэгэн поставил стол и стулья таким образом, что мистер Феррис и мистер Гудвин стали буквально поджариваться у всех на глазах. У них оставалось только два выхода: либо проявить невоспитанность, либо сгореть заживо; они выбрали первое: вышли из-за стола и стали играть в бильярд. Я не хочу сказать, что это имеет какое-нибудь отношение к убийству; просто это был примечательный инцидент, и я сообщаю о нем, чтобы впоследствии избежать упреков в том, что я о нем умолчал.

Вулф закрыл глаза, снова открыл.

— Вот, пожалуй, и все. Можно добавить, что я хорошо понимаю ваше щекотливое положение. Факты вынуждают вас

полагать, что убийца здесь, в этом доме. Нас одиннадцать человек. Трое слуг — это, скорее всего, безнадежно. Остается восемь. Миссис Лисон — в высшей степени невероятно. Остается семь. Посла Келефи, его супругу и мистера Паппса вы даже допросить не имеете права, не то что выдвинуть против них обвинение. Остается четверо. Мистер Брэгэн и мистер Феррис — всемогущие люди с огромным состоянием, оскорблять которых, не имея решительных доказательств, опасно — все равно что самому сунуть голову в петлю. Остаются двое — Гудвин и я. Так что я понимаю, откуда это рвение обвинить нас, но разделить его не могу. Не стоит понапрасну тратить ни времени, ни сил.

— Вы закончили?

— Да. Если вы хотите услышать также заявление мистера Гудвина, то…

— Мы уже записали его показания. Они, естественно, совпадают с вашими. — В его голосе не было и намека на стремление к мирному сосуществованию. — Для протокола: я отвергаю ваши инсинуации насчет нашего, как вы выразились, рвения обвинить вас. Наше рвение заключается только в одном: узнать всю правду о совершенном преступлении. Вы сказали, что расстались с Гудвином сразу после завтрака и немедленно пошли на кухню?

— Да.

— Около десяти часов?

— Почти ровно в десять.

— Когда вы увидели его после этого?

— За несколько минут до одиннадцати он зашел на кухню, сделал себе несколько сэндвичей на обед и вышел. Потом я видел его в своей комнате. Он пришел сообщить мне о том, что нашел тело мистера Лисона.

Колвин кивнул:

— Около тринадцати тридцати. Гудвин признал, что, после того, как вы ушли на кухню, он минут сорок, или даже больше, был один. Он говорит, что находился в этой комнате — выбирал снасти и сапоги, но у него было достаточно времени, чтобы проскочить черным ходом на улицу, добежать до участка номер четыре, найти секретаря Лисона, разделаться с ним, вернуться и показаться на веранде, чтобы миссис Келефи и миссис Лисон засвидетельствовали его присутствие в доме. Или — другой вариант — он имел причины полагать, что секретарь Лисон задержится на реке после урочного часа и, пройдя в южном направлении и встретившись на тропе с мистером Паппсом и мистером Келефи, он вернулся лесом назад, обошел домик стороной, нашел секретаря Лисона, может, даже, по

предварительной с ним договоренности, и убил его.

Вулф высоко поднял брови.

— Он что, спятил? Я не спорю, мистеру Гудвину случалось иногда действовать импульсивно, но это уж чересчур.

— Убийство — это всегда чересчур. — Голос у Колвина поднялся на тональность выше. — Оставьте свой сарказм при себе, Вулф. Я понимаю, у вас в Нью-Йорке такие шуточки идут на ура, но здесь, в глубинке, мы проживем и без них. Если убил Гудвин, то мотив у него, конечно, был. Так сразу я назвать его не могу, но выбирать есть из чего. Вы любите деньги. Что, если секретарь Лисон стоял кому-то поперек дороги, а этот кто-то пришел к вам и предложил кругленькую сумму за то, что вы поможете от него избавиться? Он знал, что вы с Гудвином приглашены сюда, и возможностей у вас будет предостаточно. Вы согласились и поехали. Так что сходить с ума ни Гудвину, ни вам было вовсе не обязательно.

— Пф-ф, — выдохнул Вулф. — Во время следствия, мистер Колвин, дикие предположения, конечно, имеют место, я не спорю, но пока нет хотя бы намека на доказательства, языком попусту лучше не молоть. Это бред сивой кобылы. Мое заявление у вас есть. Можете, если хотите, и дальше распалять свое богатое воображение, но меня от этого увольте. Давайте не будем ходить вокруг да около. Вы считаете, что я лгу?

— Да!

— Ну, тогда нам говорить больше не о чем. — Вулф поднялся со стула, который едва ли поддерживал его седалище более, чем на 80 процентов. — Я буду у себя. Дальнейшее общение с вами меня интересует только в том смысле, что я жду, когда нам будет позволено ехать домой. Мистер Гудвин вам тоже больше не нужен: его рассказ у вас есть. Пойдемте, Арчи. — Он тронулся с места.

— Минуточку! — Повелительным тоном сказал Колвин. — Я еще не закончил. Вы к своему заявлению больше ничего не хотите добавить?

Вулф, уже сделав один шаг, остановился и повернул голову.

— Нет.

— Вы упомянули примечательный инцидент, как вы его называете. А не имел ли место другой примечательный инцидент, о котором вы умолчали?

— Нет. Другого я не помню.

— Никакого?

— Нет.

— А вы не считаете примечательным то, что вы, приехав сюда готовить форель для посла Келефи, — вы ведь за этим сюда

приехали? — когда вам сегодня принесли корзинки с уловом, и вы с поваром почистили рыбу, не взяли ни одной рыбешки из корзинки посла? Той форели, которую он поймал сам? Вы не считаете, что это примечательный факт?

Плечи Вулфа поднялись примерно на четверть дюйма и снова опустились.

— Да, вроде, нет.

— А я считаю. — Колвин перешел в атаку с каким-то остервенением. — Повар Самек говорит, что на каждой корзинке была табличка с фамилией. Рыбу из них выбирали вы. В корзинке Брэгэна было десять рыбин, и вы взяли девять. У Ферриса было девять, и вы взяли шесть. У Паппса — семь, и вы взяли пять. У посла Келефи было восемь, достаточно крупных, но вы не взяли ни одной. Они так и лежат на кухне, Самек мне показывал. Насколько я могу судить — форель, как форель. Вы не станете этого отрицать?

— О, нет. — В глазах Вулфа мелькнул огонек. — Но вы можете мне сказать, каким образом этот факт связан с расследуемым вами убийством?

— Не знаю. Но я считаю этот факт примечательным, а вы о нем не упомянули. — Колвин повернул голову в сторону. — С вашего позволения, посол Келефи, — вы знали, что Вулф не взял ни одной пойманной вами рыбешки?

— Нет, мистер Колвин, не знал. Для меня это сюрприз.

— А в чем причина, вы не знаете? Вам ничего не приходит в голову?

— Боюсь, нет. — Посол повернул голову, бросил взгляд на Вулфа и снова повернулся к прокурору. — Думаю, мистер Вулф сможет объяснить сам?

— Конечно, сможет. Так как, Вулф? В чем дело?

Вулф покачал головой.

— Свяжите это как-нибудь с убийством, мистер Колвин. Я не имею, конечно, права укрывать вещественные доказательства, но я их и не укрывал — рыба на месте. Рассматривайте ее, режьте ее на кусочки, отправьте в ближайшую лабораторию на анализ. Меня возмущает ваш тон, ваш выбор выражений, ваши манеры и ваши методы работы. Только пустозвон мог назвать лгуном человека с моим чувством собственного достоинства. Пойдемте, Арчи.

Трудно сказать, чем бы это кончилось, если бы нам не помешали. Когда Вулф направился к выходу в коридор, а следом за ним — я, шериф, лейтенант и другой полицейский рысцой бросились вперед, чтобы загородить нам дорогу, и это им удалось, поскольку ни телосложение Вулфа, ни темперамент не

позволяют ему носиться сломя голову. Но выход нам перекрыли только двое, потому что как раз в это время зазвонил телефон, и лейтенант, изменив курс, подошел к столу и снял трубку. Проговорив в трубку несколько слов, он повернулся и позвал Колвина:

— Это вас, Колвин. Генеральный прокурор Джессел.

Колвин пошел к телефону, а наши две группы — шестеро на стульях, посреди комнаты, и мы вчетвером, стоя у двери, — изображали немую сцену. Разговор был недолгим, и последнее слово оказалось не за ним. Положив трубку, он повернулся, поправил очки и объявил:

— Это был мистер Герман Джессел, генеральный прокурор штата Нью-Йорк. Перед тем, как собрать вас сюда, я звонил ему и обрисовал ситуацию. Он переговорил с губернатором Холландом и сию минуту выезжает из Олбани сюда. Он попросил меня, леди и джентльмены, отложить дальнейшее разбирательство до своего приезда. Он будет здесь где-то около восьми. Тем временем мы займемся некоторыми другими версиями. Лейтенант Хопп выставил оцепление вокруг дома, чтобы сюда не проник никто посторонний, особенно представители прессы. Вас я прошу ограничить свои передвижения только домом и верандой.

Он поправил упавшие на нос очки.

6

Вулф сидел у себя, в многоцветном кресле, откинувшись на спинку. Глаза его были закрыты, губы сжаты, пальцы сложены в замок на верхней оконечности центральной возвышенности. Я остановился у окна и смотрел на улицу. Шагов за пятьдесят от дома, на опушке леса, стоял полицейский, разглядывая что-то на дереве. Я прищурился и тоже посмотрел в ту сторону, решив, что на ветке у самой вершины пристроился какой-нибудь репортер, но это была, скорее всего, белка или пичужка.

Вулф заговорил у меня за спиной:

— Который час?

— Двадцать минут шестого. — Я повернулся к нему.

— Где бы мы сейчас были, если бы выехали в два часа?

— На шоссе номер двадцать два, в четырех милях южнее Хусик Фоллз.

— Чепуха! Откуда вы можете знать?

— Это-то я как раз знаю. Чего я не знаю, так это — почему вы подсунули послу чужую форель.

— Они поймали тридцать четыре штуки. Я приготовил

двадцать. Только и всего.

— О'кэй, не хотите говорить — не надо. Если я чего-то не знаю, это мне не повредит. Я скажу вам, что я думаю. Я думаю, что этот тип, который наладил нас сюда убивать Лисона, поддерживал с вами связь через форель. Разрезал рыбину, клал туда записку и пускал в реку. Келефи поймал несколько таких, и вам пришлось выжидать, пока повар отвернется, чтобы достать эти записки, и когда…

В дверь постучали, я подошел, открыл, и хозяин, О. В. Брэгэн, молча шагнул внутрь. Ну и манеры. Когда я закрыл дверь, он уже прошел через всю комнату и разговаривал с Вулфом. — Я хочу вас о чем-то попросить.

Вулф открыл глаза.

— Да, мистер Брэгэн? К чему нам церемонии? Да и стоять тоже, вроде, ни к чему. Меня всегда смущает, когда приходится говорить с человеком, глядя на него снизу вверх. Арчи?

Я пододвинул кресло коренастому верзиле шести футов ростом, не рассчитывая на благодарность, и, само собой, ее не услышал. Руководители делятся на два типа: одни умеют говорить спасибо, другие — нет, и мистера Брэгэна я уже расклассифицировал. Но поскольку Вулф выдал ему разок насчет церемоний, я решил, что могу тоже попробовать, и сказал: «не стоит благодарности». Он не расслышал.

Холодный пронзительный взгляд серых глаз нацелился на Вулфа.

— Мне понравилось, как вы разделались с Колвином, — заявил он.

— А мне — нет. Я хочу домой. Если я поговорил с человеком, который мог дать мне то, что я хочу, но не дал, значит, я опростоволосился. Надо было к нему подмаслиться. Тщеславие — могучая вещь.

— Он болван.

— Не согласен. — Сегодня у Вулфа было явно поперечное настроение. — Я считаю, что, в общем, он справился неплохо. Для мелкого чиновника из глубинки он держался против вас с мистером Феррисом просто молодцом.

— Ба. Он болван. Додуматься, что кто-то из нас преднамеренно убил Лисона. Это такая нелепица, что только болван может говорить о ней всерьез.

— Не большая нелепица, чем история о том, как браконьеру, прихватившему у вас полено вместо тросточки, вдруг ни с того ни с сего взбрело в голову убить им человека. Застигнутые браконьеры не убивают, а убегают.

— Ну, пусть, не браконьер, — резко сказал Брэгэн. — И никто

из нас. Но одному богу известно, что теперь станется с моими планами. Если это дело не распутать немедленно, может случиться все, что угодно. Лисона убили в моем доме. Госдепартамент может указать мне на дверь, но это еще не самое страшное. Страшно, если посол Келефи не захочет больше иметь со мной дела.

Он грохнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Оно должно быть раскрыто НЕМЕДЛЕННО! Но, видит бог, ничего же не выйдет, если они будут и дальше так копаться. Вулф, я о вас кое-что слышал, и только что звонил одному своему компаньону в Нью-Йорк. Он говорит, что вы порядочный человек, классный профессионал и берете баснословные гонорары. Но это — черт с ним. Если следствие затянется, если мои планы рухнут, я потеряю в тысячу раз больше, чем самый крупный гонорар, который вы когда-нибудь видели в своей жизни. Я хочу, чтобы за это дело взялись вы. Найдите, кто убил Лисона, и, чем скорее, тем лучше.

— Сидя на одном месте? — Скучающим голосом сказал Вулф. — Не смея шагу ступить дальше веранды? Еще одна нелепица.

— Да нет, все будет в порядке. Джессел, генеральный прокурор, будет здесь через пару часов. Мы хорошо с ним знакомы, я финансирую его выборы по мелочи. Я с ним поговорю, он прочитает ваше заявление, задаст пару вопросов, если захочет, и отпустит. Здесь есть аэродром, в двенадцати милях отсюда, там у меня самолет. Вы с Гудвином полетите в Вашингтон и займетесь делом. Я дам вам фамилии кое-каких людей, они смогут вам помочь, а сам позвоню их предупредить. Мне кажется, кто-то давно хотел прикончить Лисона, и решил это сделать именно здесь. Найдите его быстренько и накройте. Я не говорю — как, это ваше дело. Ну, что?

— Нет. — Резко оказал Вулф.

— Почему нет?

— Мне это не нравится.

— К черту, нравится или не нравится. Почему нет?

— Я обязан отчитываться о своих действиях, мистер Брэгэн, но не перед вами, а перед самим собой. Но раз уж я ваш гость. Я полетел бы самолетом только в самой безвыходной ситуации, а она у меня сейчас не такова. И потом, я хочу домой, а мой дом не в Вашингтоне. И еще, даже если бы ваша версия насчет убийства соответствовала действительности, на поиски преступника и на его поимку ушло бы столько времени, что спасать ваши планы уже было бы ни к чему. Есть еще и четвертая причина, гораздо более весомая, чем первые три, но ее я обсуждать не готов.

— Какая?

— Нет, сэр. Вы привыкли повелевать, мистер Брэгэн, но я очень упрямый человек. Как гость, я обязан вести себя учтиво по отношению к вам, но не более того. От работы я отказываюсь. Арчи, там кто-то пришел.

Я уже и сам шел открывать на стук. На этот раз, пообвыкнув с манерами этого дома, и не желая быть растоптанным, я открыл дверь и быстро отошел вместе с ней назад. И точно — он пронесся мимо, прямиком в комнату. Это был Джеймс Артур Феррис. Брэгэн сидел спиной к двери. Когда Феррис подошел достаточно близко и увидел, кто это, он остановился и выпалил:

— Вы здесь, Брэгэн? Хорошо.

Брэгэн выпалил в ответ:

— Чего же тут хорошего?

— Потому что я пришел просить Вулфа и Гудвина об одном одолжении. Я хотел пригласить их пройти со мной к вам в кабинет и побыть там, пока я с вами разговариваю. Я уже по опыту знаю, что без свидетелей с вами лучше не говорить.

— Ох, да отстаньте вы, ради бога. — Брэгэн был сыт по горло. Сначала Вулф отказывается наотрез, теперь еще этот. — Совершено убийство. Государственного деятеля. О нем уже трезвонят все радио- и телекомпании, а завтра оно будет на первой полосе тысяч газет. Уймитесь вы!

Феррис явно его не слушал и, прищурившись, смотрел на Вулфа.

— Если вы не возражаете, — оказал он, — я скажу здесь. Не беспокойтесь, вам не придется ни перед присяжными выступать, ни заявлений писать: у Брэгэна кишка тонка, он не посмеет врать при счете три — один не в его пользу. Я буду вам очень обязан. — Он повернулся, прищуренными глазами посмотрел на Брэгэна. Ни за что бы не подумал, что его тоненький тиреобразный ротик способен на выражение ненависти. — Я просто хочу вам рассказать, что я собираюсь делать, чтобы вы потом не говорили, что я нанес удар без предупреждения.

— Валяйте. — Брэгэн откинул голову назад, чтобы смотреть в упор в прищуренные глаза Ферриса. — Мы послушаем.

— Вы знаете, сюда едет генеральный прокурор. Он спросит, в каком состоянии находились наши переговоры с Келефи и Паппсом, и какую позицию занимал Лисон. Он, возможно, и не думает, что это как-то связано с убийством, но такой вопрос он задаст, и не на общей сходке, как Колвин, а в личной беседе, с глазу на глаз. Когда он опросит меня, я ему скажу.

— Что же вы ему скажете?

— Правду. Как вы приставили к Келефи и Паппсу своего

человека в Париже, когда они даже из собственной страны выехать не успели. Как вы искали на Паппса компромат. Как вы в самолете подослали к ним эту женщину, чтобы она обработала миссис Келефи, но у нее ничего не вышло. Как вы приставили к Лисону двоих — я могу назвать их имена — чтобы они на него давили, и…

— Не забывайтесь, Феррис! Я вам советую: не забывайтесь! Мы не одни. Здесь ваши свидетели.

— Конечно, здесь. Их у меня будет еще больше, когда я переговорю с генеральным прокурором. Я расскажу ему, как вы пытались подкупить Паппса — подкупить за наличные, за деньги ваших акционеров. Как вы, наконец, обработали Лисона и заставили его кормиться из ручки. Как вы заставили его организовать этот выезд на рыбалку, сюда, к себе, чтобы в одиночку обхаживать Келефи и Паппса. Как Паппсу это не понравилось, и он настоял, чтобы пригласили меня. И как, когда мы сюда приехали, я загнал вас в угол и раскрыл всю вашу грязную аферу, которая, вы думали, уже у вас в кармане; и как вчера вечером Лисон начал кое-что понимать. Еще немного, и вы бы сели в галошу, еще бы один день — и все. Этот день — сегодня. Этот день сегодня, но Лисона уже нет. Вот что я собираюсь рассказать генеральному прокурору, и не говорите, что я вас не предупреждал. Я не хочу, чтобы вы потом так сказали, для чего мне и понадобились свидетели. Вот и все.

Феррис повернулся и пошел к выходу. Брэгэн окликнул его, но тот не остановился. Брэгэн вскочил и бросился за ним, но когда он был у двери, Феррис уже перешагнул через порог и захлопнул дверь за собой. Брэгэн посмотрел на меня невидящим взглядом, сказал:

— Бог ты мой, он ведь сам сунул Паппсу взятку! — Открыл дверь и был таков.

Я закрыл за ним, повернулся к двери спиной и спросил Вулфа:

— Мне пойти кого-нибудь предупредить? Или подождем немного, а потом пойдем на поиски трупа?

— Плейстоцен, — прорычал он. — Саблезубые гиены.

— О'кэй, — согласился я, — но, как бы то ни было, вы, по-моему, дали маху. Этот подонок мог и вправду нас вызволить отсюда. И, если так, то смотрите: на машине отсюда до 35-й улицы, Манхэттен, — семь часов. На самолете отсюда до Вашингтона — три часа. Я сажусь в такси, еду в город и приступаю к работе. Вы сигаете в самолет до Нью-Йорка. Полет до «Ла Гардиа» — час с четвертью. На такси от «Ла Гардиа» до 35-й улицы, Манхэттен, — сорок пять минут. Итого, на все про все —

пять часов. На два часа меньше, чем на машине. Я уже не говорю, что так они нас вообще не выпустят. А помимо всего прочего, можно было бы и счет Брэгэну выставить, тысяч на десять зелененьких, как минимум. Вы могли бы ему сказать…

— Арчи.

— Да, сэр.

— На полке, там, в комнате, есть книга «Власть и политика», Томаса К. Финлеттера. Я хотел бы ее почитать.

Между нами уже давно существует молчаливый уговор, что дома книги с полок он достает себе сам, но здесь, надо признать, ситуация была совсем иная, поэтому я решил его немного побаловать. Идя по коридору, я все ждал, что услышу звуки сражения, но все было тихо. В большой комнате под дверью сидел полицейский. Я без труда нашел книгу, вернулся к Вулфу и вручил ему.

— Мне пришло в голову, — сказал он, — что чуть позже они начнут шуровать на кухне. Они могут даже попробовать собраться за столом на ужин. В холодильнике еще осталась третья часть ветчины «Райдер», половина жареной индейки, оливки, созревшие на дереве, молоко и пиво. Хлеб там совершенно несъедобный, но в буфете есть крекеры «Кэсуэлл», а в другом буфете — банка черничного варенья «Брэнтлинг». Если увидите что-нибудь еще, что вам понравится, — несите сюда.

Он открыл книгу и устроился в кресле поудобнее. Я еще не закончил обрабатывать его на предмет предоставления Брэгэну возможности выпустить нас на волю и выплатить нам гонорар (отчасти из соображения, что брэгэнокая теория насчет убийства — наиболее стоящая из всех, что есть), но мне подумалось, что полчаса наедине с книгой сделают его более благосклонным к идее авиапутешествия. Поэтому я выкатился обратно в коридор и проследовал на кухню. Повар, Самек, был уже там, а вокруг него — целая куча блюд, подносов и отборной жратвы. Я сказал, что, если он не против, то я возьму пару подносов для себя и для Вулфа, и он ответил: «Валяйте». Достав бутылку молока, я небрежно спросил:

— Кстати, я хотел взглянуть на форель, которую поймал посол. Где она?

— Ее здесь нет. Копы унесли.

Подносы были тяжелые, пришлось делать две ходки. Во время второй, уже с моим подносом, навстречу в коридоре попался Паппс, и мы обменялись кивками. Наш ужин в комнате у Вулфа прошел нормально, если не считать, что он запивал его пивом — дома он это делает редко — что, по его словам, вызвало у него раздражение вкусовых пупырышков, и он не сумел оценить

черничный джем по достоинству. Я же пил молоко, поэтому мои пупырышки пропустили джем, не пикнув.

Я возвратил подносы на кухню и отправился к Вулфу, готовый насесть на него как следует насчет предложения Брэгэна. Я оценивал свои шансы примерно как один к пятидесяти, но если нужно убивать время, то не все ли равно — как? Между прочим, он платит мне еще и за то, что я постоянно держу его в полной боевой. Однако с этим пришлось повременить. Подойдя к комнате, я увидел, что дверь нараспашку, а когда вошел, понял, что мы принимаем новых гостей. Адриа Келефи сидела в кресле, которое я подавал Брэгэну, а посол пододвигал себе еще одно — бог любит троицу.

Я закрыл дверь.

7

Я опять получил по носу. Когда я обошел их по кругу и уселся в кресле, стоящем чуть сбоку, Вулф и миссис Келефи лишь мельком покосились в мою сторону, а посол не снизошел и до этого. Он увлекся беседой.

— Я хорошо знаком, — говорил он, — с теорией Финлеттера о том, что в атомный век мы не сможем больше рассчитывать на промышленный потенциал, как на решающий фактор в новой мировой войне. Кое в чем он, по-моему, прав, хотя берет на себя многовато. Но, в целом, это хорошая книга, ценная книга.

Вулф сунул в нее кусочек бумажки, чтобы заметить место, которое читал, — в собственных книгах он просто загибает страницы. Отложив ее в сторону, он сказал:

— Все-таки человек — удивительное животное с уникальным, присущим только ему качеством. Из многих миллионов видов живых существ, стертых эволюцией с лица земли, мы — единственные, кому известно наперед, что нас погубит. Наше неуемное любопытство. И этим можно гордиться.

— Да, действительно. — Келефи явно не очень расстраивала такая перспектива. — Я рассчитывал, мистер Вулф, что смогу принести вам свою благодарность при менее печальных обстоятельствах. Смерть мистера Лисона превратила нашу маленькую экскурсию в трагедию, но, несмотря ни на что, я считаю своим долгом выразить вам глубокую признательность. Вы откликнулись на мою просьбу, и это было очень любезно с вашей стороны.

— Для меня это и привилегия, и честь, — заявил Вулф. Станет он уступать какому-то дипломату. — Я был избран моей

страной в качестве орудия ее гостеприимства. И я скорблю вместе с вами о трагедии, которая все испортила.

— Конечно, — согласился посол. — Я думал также, что следует объяснить, каким образом возникла эта моя просьба к секретарю Лисону. Некоторое время назад мне довелось работать в Риме. Там есть один человек, владелец ресторана, по имени Паскуале Донофрио. Мне понравился соус, который он подает с жареными на гриле почками, и он сказал, что автор этого соуса — вы. Нечто подобное произошло со мной и в Каире, а потом в Мадриде. От моего друга Лисона, когда он работал у нас в столице, мне стало известно кое-что и о ваших достижениях в области частного сыска. Поэтому, когда, по приезде в вашу страну, меня спросили о моих личных пожеланиях, я подумал о вас.

— Я счастлив, сэр. Я польщен.

— Моя жена присоединяется в выражении нашей благодарности. — Он улыбнулся ей. — Дорогая?

Ее темные глаза выглядели все так же сонно. Видимо, чтобы зажечь их, требуется нечто большее, чем обыкновенное убийство. Она заговорила.

— Я настояла на том, чтобы прийти сюда вместе с мужем и принести вам свою благодарность, мистер Вулф. Я тоже много слышала о вас, а ваша форель просто замечательна. Я никогда ничего подобного не пробовала. И еще одно. Я хотела у вас спросить — знаете, наше женское любопытство, — почему вы не приготовили ни одной из тех, которые поймал мой муж?

— Да-да, — согласился Келефи. — Я тоже хотел об этом спросить.

— Каприз, — сказал Вулф. — Мистер Гудвин может вам подтвердить, что я законченный эксцентрик.

— Так вы действительно не взяли у меня ни одной?

— Теперь это, кажется, установленный факт.

— Но это довольно-таки странно. Вы ведь приехали сюда именно по моей просьбе. Даже каприз должен иметь под собой какие-то основания.

— Не обязательно, сэр. — Терпеливо ответил Вулф. — Прихоть, блажь, причудливый полет фантазии.

Посол заупрямился.

— Извините великодушно, что я так заостряю на этом внимание, но мне хотелось бы избежать возможных недоразумений. Мистер Колвин особо подчеркнул данное обстоятельство, наверное, просто из стремления обвинить вас, но для меня было бы крайне нежелательно, чтобы эта история просочилась в прессу. В cause célebre, а это наверняка будет

именно такое дело, любой необъясненный факт дает повод для возникновения самых диких слухов, которые, в данном случае, будут касаться лично меня, и все только лишь от того, что вы не стали готовить именно мою форель! Конечно, здесь нет никакой связи с убийством секретаря Лисона, но сплетни наверняка постараются таковую изобрести, а положение посла всегда очень уязвимо и деликатно, особенно у меня в настоящий момент. Вам это, конечно, известно.

Вулф кивнул:

— Да.

— Тогда вам понятна моя озабоченность. Если вы откажетесь представить какое-либо объяснение, или если назовете это просто причудой эксцентричного человека, то что в таком случае подумают? Вернее, о чем только не подумают?

— Да. — Вулф поджал губы. — Я понимаю, что вы хотите сказать. — Он тяжело вздохнул. — Хорошо. Это не бог весть какая задача. Я могу объявить, что у меня просто неортодоксальное чувство юмора, что, впрочем, соответствует действительности, и что мне доставляет удовольствие разыгрывать деятелей высокого ранга, и, так как вы изъявили желание порыбачить и попробовать форель, приготовленную мной, и я приехал сюда исключительно с этой целью, я решил, что получится весьма забавно, если именно вашу рыбу я готовить не стану. А я ничего в долгий ящик откладывать не привык. Ну, так сойдет?

— Великолепно. Вы именно так и скажете?

— В данный момент я не вижу против этого никаких возражений. Хотя и не исключаю, что в случае непредвиденных обстоятельств таковые могут появиться. Поэтому твердых гарантий я вам дать не могу.

— Я не осмелился бы на них настаивать. — Безусловно, он был дипломат. — Позвольте еще раз выразить вам свою признательность. У меня еще одно небольшое дело, но, может быть, я вас отвлекаю?

— Вовсе нет. Я просто жду, как и все в этом доме, когда приедет генеральный прокурор.

— Тогда я в двух словах. Мистер Феррис сообщил мне о своем разговоре с мистером Брэгэном, который имел место в вашем присутствии. Он счел своим долгом сделать это, так как в разговоре упоминалось мое имя, и речь шла о моей миссии в вашей стране. Я сказал, что глубоко признателен ему за эту информацию и выразил надежду, что он откажется от своего намерения передать ее генеральному прокурору. Мы обсуждали эту проблему в течение некоторого времени, и он в конце концов согласился, что его решение было неудачным, что оно может

нанести ущерб переговорам, в успехе которых мы оба заинтересованы. Он выразил сожаление по поводу своей горячности, побудившей его пойти к вам, а затем, после того, как он увидел у вас мистера Брэгэна, и совершить то, что он совершил. Он глубоко раскаивается. Не будет преувеличением сказать, что он сейчас в отчаянии, поскольку считает, что скомпрометировал себя, разговаривая с мистером Брэгэном в присутствии свидетелей, а идти к вам и мистеру Гудвину с просьбой вычеркнуть этот эпизод из памяти он считает бесполезным. Я сказал ему, что просьба поступить благородно, обращенная к благородным людям, никогда не может быть бесполезной, и что я лично обращусь к вам с такой просьбой. Что я сейчас и делаю. Поверьте, сообщение кому бы то ни было, и где бы то ни было о вспышке мистера Ферриса в присутствии мистера Брэгэна не может послужить никакой полезной цели.

Вулф хмыкнул.

— Я вам, конечно, верю. Здесь я могу вам дать самые твердые гарантии. — Он повернулся. — Арчи?

— Да, сэр.

— Все, что мистер Феррис сказал сегодня мистеру Брэгэну, мы уже забыли, и никакие побуждения, от кого бы они ни исходили, не смогут освежить нашу память. Вы согласны?

— Да, сэр.

— Речь идет о нашем благородстве. Ваше честное благородное слово?

— Договорились. Мое честное благородное слово.

Он повернулся.

— И мое тоже, сэр. Этого достаточно?

— Вне всякого сомнения. — Келефи, казалось, не шутил. — Мистер Феррис будет в восторге. Что касается меня, то я просто не знаю, как выразить свою благодарность. Надеюсь, вы позволите мне вручить вам это, как ее скромный знак. — Он приподнял левую руку и пальцами правой начал стягивать перстень с изумрудом. Тот немного заупрямился, но после нескольких рывков и вращательных движений поддался. Он потер его о рукав пиджака и повернулся к жене.

— Я думаю, дорогая, — сказал он, — будет более уместным, если вручишь его мистеру Вулфу ты. Ты хотела прийти сюда, чтобы поблагодарить его, а это символ нашей благодарности. Пожалуйста, попроси, чтобы он его принял.

Она, казалось, замялась на секунду, и мне подумалось, уж не клюнула ли она на мою идею с сережкой, и теперь ей жалко с ним расставаться. Потом она, не глядя, взяла его и протянула Вулфу.

— Примите это, прошу вас, от всей души, — сказала она так

тихо, что я еле расслышал. — Как символ нашей признательности.

Вулф мяться не стал. Он взял его, мельком взглянул и зажал в кулаке. Я думал, он сейчас рассыпется в любезностях, выдаст что-нибудь большое и цветистое, но он, как всегда, меня удивил, что уже само по себе не удивительно.

— Это совершенно не обязательно, мадам, — сказал он ей. Он повернулся. — Совершенно не обязательно, сэр.

Келефи уже стоял. Он улыбнулся.

— Будь это обязательно, это не доставило бы мне такого удовольствия. Мне нужно поговорить с мистером Феррисом. Еще раз огромное вам спасибо, мистер Вулф. Пойдем, дорогая.

Я шагнул вперед и открыл им дверь. Они проследовали мимо, одарив меня дружелюбными улыбками, без изумрудов; я закрыл дверь и подошел к Вулфу. Свет от окон, которые были далековато, начал угасать, он включил торшер рядом с креслом и любовался камнем в его свете. Я стал любоваться тоже. Он был размером с лесной орех.

— Может быть, мое честное благородное слово, — сказал я, — и не такое благородное, как ваше, но оно тоже кое-чего стоит. Вы носите его с понедельника по пятницу, а я по субботам и воскресеньям.

Он хмыкнул.

— Ваш рабочий чемоданчик у вас ведь с собой?

— Да, там у меня пистолет.

— Мне нужна лупа, самая сильная, пожалуйста.

Я пошел к себе, отпер чемоданчик, достал луну и вернулся. Он взял ее, долго рассматривал изумруд, потом передал и его, и лупу мне. Я решил, что тем самым меня как бы берут в долю, поэтому принялся изучать сей символ благодарности спереди, сзади и с боков.

— Я не специалист, — сказал я, возвращая перстень ему, — и, может быть, это коричневое пятнышко в самом центре добавляет ему и редкости, и красоты, но, на вашем месте, я бы отдал его обратно и попросил взамен хороший чистый камень, вроде того, который я недавно видел в витрине «Вулворта».

Комментария не последовало. Я пошел к себе отнести лупу в рабочий чемоданчик. Если я хочу напрячь его на предложение Брэгэна, то нужно торопиться, время истекает. Я заготовил свой первый залп и вернулся к нему в комнату, но, сделав пару шагов, остановился, как вкопанный. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами, а губы его работали вовсю.

Он вытянул их вперед, потом втянул обратно… вытянул… втянул… вытянул… втянул…

Я стоял и смотрел. Это случается только тогда, когда мысли у него в голове несутся во весь опор, шарики вращаются на всю катушку, а провода поют от напряжения. Сейчас-то что? О чем это он? Притворяется? Исключено: он, конечно, притворщик, но этот феномен он еще при мне ни разу не имитировал. Когда он сидит вот так с закрытыми глазами и двигает губами взад-вперед, это значит, что он работает, работает по-настоящему. Но над чем? Никаких клиентов, никаких доказательств, никакой головной боли, кроме одной: как поскорее забраться в машину и уехать. Тем не менее, у нас существует порядок: если на него накатывает такое, то его нельзя отвлекать ни под каким видом, поэтому я отошел к окну и стал смотреть, что творится на улице. Полицейский все стоял на своем посту, спиной ко мне. Солнце село за деревьями, а, может, и за горизонтом; сгущались сумерки. Если смотреть все время в одну точку, то не заметно, как наползает темнота, а если посмотреть тридцать секунд в одну точку, а потом на тридцать секунд быстро перевести глаза в другую, то можно заметить. Я научился этому в Огайо, примерно в те же времена, когда поймал свою первую форельку.

Голос Вулфа заставил меня обернуться:

— Который час?

Я взглянул на запястье:

— Без двадцати восемь.

Он уже сидел прямо и щурил глаза от света.

— Мне нужно позвонить. Где?

— Один есть там, в большой комнате, вы же знаете. Должен где-то быть и параллельный аппарат, в кабинете у Брэгэна — наверняка, но я не видел. Я так понимаю, что звонить отсюда можно, но все разговоры прослушиваются. В большой комнате сидит коп, но, кроме того, побьюсь об заклад, они подключились и к наружной линии.

— Я должен поговорить, это очень важно. — Он уперся ладонями в подлокотники и помог себе подняться. — У Натаниэля Паркера какой домашний телефон?

— Линкольн, три, четыре-шесть-один-шесть.

— Пойдемте. — Он двинулся к двери.

Я последовал за ним по коридору в большую комнату. Полицейский был на месте — ходил по комнате и включал светильники. Он одарил нас взглядом, но разговором не удостоил. На столике, возле телефона, стоял поднос с пустой тарелкой и чашкой из-под кофе, так что его, видимо, определили на довольствие. Когда Вулф поднял трубку, он двинулся в нашем направлении, но не стал ни кричать, ни размахивать пистолетом. Вулф достал свой блокнот и раскрыл его на столе; полицейский

прищурился на него с другой стороны стола, но, кроме чистой страницы, ничего не увидел.

Вулф говорил:

— Разговор по номеру, с Нью-Йорк Сити. Мой номер — Уайтфейс, семь-восемь-ноль-восемь. Имя — Неро Вулф. Мне нужен в Нью-Йорке мистер Натаниэль Паркер, Линкольн, три, четыре-шесть-один-шесть.

По выражению лица полицейского я понял, что он был бы счастлив получить какую-нибудь кость, и сказал ему:

— Паркер — наш адвокат. Уважаемый член коллегии и очень хороший человек. Он уже три раза выручал меня из тюрьмы.

Разговора у нас не получилось: он был не в том настроении. Он стоял. Я стоял тоже. В это время дня дозвониться до Нью-Йорка не составляет труда, и вскоре Вулф уже говорил в трубку:

— Мистер Паркер? Да, Неро Вулф. Надеюсь, я не поднял вас из-за стола? Я звоню из охотничьего домика мистера Брэгэна в Эйдирондаксе… Да, конечно, вы уже слышали… Мне нужна от вас кое-какая информация, majs il faut parler français exclusivement. Vous comprenez?.. Bien… [17] И так далее. — Теперь уже полицейский возражал. Телефонные переговоры наверняка где-то записываются на подслушивающем устройстве, но ему, без сомнения, велено было сидеть рядом и запоминать, о чем идет речь, а набор бессмысленных звуков запоминается не очень-то. Смена выражений на его лице служила мне источником информации. Во-первых, по-французски он ни бум-бум — это очевидно. Потом, он собрался было протянуть руку и прервать связь, и рука у него даже дернулась к телефону, но он передумал. Далее, он решил изобразить умное и снисходительное лицо, долженствующее означать, что он прекрасно все понимает, но посмотрел на меня, встретился со мной взглядом и решил, что не стоит. Наконец, он принял такой вид, будто все идет, как надо, а он здесь поставлен лишь для того, чтобы Вулф не вздумал крутить телефонный шнур. Все эти фазы заняли у него довольно много времени, минут пятнадцать, если не больше, и последняя уже начала ему удаваться особенно хорошо, когда вдруг Вулф сам пошел ему навстречу: достал карандаш и стал записывать в блокноте. Теперь у копа появилась возможность хоть на чем-нибудь остановить свой взор, что было большим облегчением для нас обоих, хотя, я подумал, вряд ли ему удастся разобрать мелкий почерк Вулфа на расстоянии пяти футов, да еще вверх ногами. Я стоял ближе, и, вытянув шею, увидел, что записывает он на том же наречии, на котором только что разговаривал. По-французски я тоже ни бум-бум, поэтому просто принял очень умный вид.

Вулф исписал всю страницу, и на следующей еще немножко, а потом неожиданно перешел на английский:

— Очень вам благодарен, мистер Паркер. Удовлетворительно. Прошу прощения, что поднял вас из-за стола, но дело не терпит отлагательств… Нет, мне больше нечего добавить, и вопросов у меня больше нет… Да, конечно, но больше вы мне вряд ли понадобитесь. До свидания, сэр.

Он положил трубку, сунул блокнот в карман, повернулся ко мне, открыл рот и хотел было что-то сказать, но не успел. Дверь на веранду распахнулась, и вошло несколько человек. Впереди — прокурор Колвин, следом — какой-то тип среднего роста с круглым красным лицом и большими ушами, а за ним — шериф Делл.

Колвин, увидев нас, остановился и повернулся.

— Это Неро Вулф. Вулф и Гудвин. — Он подошел. — Вулф, это мистер Герман Джессел, генеральный прокурор штата Нью-Йорк. Я обрисовал ему ситуацию, и он хочет сначала побеседовать с вами. Немедленно.

— Отлично, — заявил Вулф. — Я готов, много времени это не займет. Но только не с глазу на глаз. Если вы хотите, чтобы я назвал имя убийцы мистера Лисона, что я как раз и собираюсь сделать, то при этом должны присутствовать все заинтересованные лица. Будьте любезны, не могли бы вы их собрать?

Они вытаращились на него. Шериф что-то пробормотал. У Колвина очки сползли на кончик носа — он не заметил. Джессел подошел к Вулфу вплотную.

— Повторите, что вы сказали, пожалуйста?

— По-моему, я выразился ясно. Я готов назвать убийцу. Я сделаю это только в присутствии всех остальных. Я не скажу ни слова, не отвечу ни на один вопрос, пока они сюда не придут. И, когда они будут здесь, включая, конечно, и вас, джентльмены, я должен сначала поговорить по телефону с государственным секретарем. Если его нет в Вашингтоне, значит, его следует разыскать. Уверяю вас, джентльмены, нет никакого смысла орать на меня или волочь меня куда бы то ни было — я глух и нем. Другого способа продолжения разговора, кроме того, который я вам только что предложил, не существует.

Шериф с прокурором переглянулись. Джессел смотрел на Вулфа.

— Мы с вами уже встречались, мистер Вулф. Вы, наверное, не помните.

— Нет, сэр, не помню.

— И мне, конечно, известна ваша репутация. Вы утверждаете,

что можете назвать имя убийцы. У вас есть доказательства?

— Для ареста — нет. Для обвинения — да. Для того, чтобы убедить всех, кто меня услышит, в том числе и вас — безусловно, да.

— А при чем здесь госсекретарь?

— Я должен начать с разговора с ним. Когда вы меня выслушаете — вы поймете, почему.

— Хорошо. Мы можем до него дозвониться. Но у меня тоже есть условие. Сначала я должен узнать от вас, с глазу на глаз, что вы собираетесь ему сказать.

— Нет, сэр. — Вулф говорил тоном, не терпящим возражений. — Ни единого слова.

— Почему нет?

— Потому что за мной числится должок, а если я скажу вам раньше времени, вы можете мне как-нибудь помешать его выплатить. — Вулф повернул руку ладонью вверх. — В чем проблема? Соберите их здесь. Свяжитесь с государственным секретарем. Я с ним поговорю. Вы можете прервать наш разговор в любую минуту, в любом месте. Станьте рядом, чтобы чуть что — вырвать у меня трубку. Поставьте у меня за спиной полисмена с дубинкой.

— Если предварительно вы переговорите со мной, я буду считать это огромным одолжением с вашей стороны.

Вулф покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Джессел. Я упрям, как осел. Не стоит труда.

Генеральный прокурор оглянулся. Если за подсказкой, то он ее не получил. Он сунул руки в карманы, развернулся на каблуках и пошел в сторону камина. На полпути остановился, повернул обратно, подошел ближе и спросил у Колвина:

— Они все здесь?

— Да, конечно.

— Пошлите за ними, пожалуйста. Я пока позвоню.

8

Генеральный прокурор Джессел разговаривал по телефону стоя.

— Значит, ситуация вам ясна, господин секретарь. Одну минутку. Даю Неро Вулфа.

Он передал трубку Вулфу, который сидел. Брэгэн, посол и миссис Келефи устроились на диване — его развернули от стенки к центру. Миссис Лисон сидела в кресле, сбоку. Спирос Паппс,

злокозненный, злорадный, искренний и простой, оседлал толстую диванную подушку у ног миссис Лисон. Феррис и шериф сидели в креслах немного в стороне, а лейтенант Хопп и двое его коллег стояли у них за спиной. Окружной прокурор Колвин стоял у стола, практически вплотную к Вулфу, а Джессел, передав трубку Вулфу, — так же близко от него, только с другой стороны. Я тоже стоял — у Вулфа за спиной. Я не имел ни малейшего понятия, куда он клонит, но он обещал назвать убийцу, поэтому, пока они занимались приготовлениями, я сбегал к себе, достал пистолет и спрятал в боковой карман.

Вулф говорил легко и непринужденно.

— Это Неро Вулф, господин секретарь. Мне следовало предупредить мистера Джессела, что нам понадобится довольно много времени — боюсь, минут десять, если не больше. Я надеюсь, вы сидите удобно… Да, сэр, я знаю; я не буду злоупотреблять вашим вниманием. Вы знакомы с ситуацией в деталях, поэтому я сразу перехожу к своим личным затруднениям. Мне известно, кто убил мистера Лисона. Разоблачать его перед представителями закона не имеет смысла. Но я хочу, чтобы это разоблачение состоялось. Во-первых, потому, что в противном случае меня здесь задержат и будут мурыжить до бесконечности всякой ерундой, а во-вторых, потому, что он имел глупость оскорбить мое чувство собственного достоинства… Да, сэр. Но, либо я рассказываю это так, как я хочу, либо я вообще не скажу ни слова. Я думаю, в первую очередь меня должны выслушать вы…

— Сегодня, к обеду я должен был приготовить форель. Мне принесли четыре корзинки, помеченные табличками с именами владельцев. В трех корзинках рыба была абсолютно свежей и ароматной, но не в корзинке посла Келефи. Не то, чтобы она окоченела или потеряла окраску — ничего такого, что бы сразу бросалось в глаза, не случайно и повар ничего не заметил, — но выловлена она была не сегодня. Мне трудно это объяснить, но специалист всегда сумеет определить, давно ли поймана рыба, как бы осторожно с ней ни обращались. Уверяю вас, я в таких случаях не ошибаюсь. Конечно, я отложил ее в сторону. Повар спросил, в чем дело, но я не стал ему объяснять, боясь поставить посла в неловкое положение: я решил, естественно, что ему на этот раз не повезло, и он раздобыл где-то мертвой форели, чтобы прикрыть свою неудачу.

— Я стараюсь рассказывать, как можно короче. Известие о насильственной смерти мистера Лисона заставило меня посмотреть на ситуацию другими глазами. Я не мог не прийти к выводу, что убийца — посол Келефи, и что убийство совершено

преднамеренно. Он поймал эти восемь форелей днем раньше, вместе с теми, которые сдал на кухню вчера — специально я этот вопрос не выяснял — и спрятал их где-нибудь у берега, в заводи. Возможно, они тогда были еще живыми — я не могу так точно определить, когда они умерли. Очевидно, таким же образом, заранее, он заготовил себе орудие убийства: вынул из поленницы полено и где-то припрятал. Итак, сегодня, поскольку ему не нужно было тратить времени на рыбалку, — рыба у него уже была, — в его распоряжении оказалось четыре часа для другой работы — для убийства мистера Лисона. Пробраться через лес незамеченным труда не составляет.

— Таково было мое предположение, но рассказывать о нем кому бы то ни было, значило оказаться в дураках. Одних предположений мало, а о состоянии форели в корзинке посла знал только я. Представители закона тоже осматривали ее, но ничего не заметили. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что я видел эту рыбу, когда ее пытались выдать за только что пойманную, а они — четыре часа спустя. Правда, я мог бы рассказать обо всем окружному прокурору в конфиденциальной беседе, ведь он спросил меня, почему я не использовал рыбу, пойманную послом. Но меня остановила его ничем не спровоцированная недоброжелательность.

— Теперь у меня есть больше, чем просто предположение. У меня есть признание самого посла — пусть и не высказанное напрямую, но, тем не менее. Чуть более часа назад он пришел ко мне в комнату вместе с супругой, якобы для того, чтобы выразить свою благодарность, и стал расспрашивать, почему я не приготовил пойманную им форель. Из моих ответов и последовавшей затем беседы он понял, что мне все известно. По его предложению я придумал фальшивое объяснение. Он стал просить меня придерживаться именно этой версии, но я не дал ему твердых гарантий. Тогда он обратился ко мне еще с одной просьбой — неважно какой — которая, как он прекрасно знал, была совершенно излишней, так как мы понимали друг друга без слов, вернее, ему так казалось. И когда я, не колеблясь, удовлетворил ее, он подарил мне, якобы в знак признательности, перстень с изумрудом: снял его с пальца и предложил своей супруге передать его мне. Она это сделала. Он сейчас со мной, в кармане жилета.

— Это, господин секретарь, я воспринял, как покушение на мое человеческое достоинство. Изумруд не был знаком признательности. Меня подкупали, чтобы я держал язык за зубами. Я ценю себя, господин секретарь: будь этот камень «Кохинор» или «Забара», он мог бы послужить своей цели, но это

просто крупный изумруд с хорошо заметным изъяном. Естественно, что я почувствовал себя уязвленным. После ухода посла я сел и проанализировал ситуацию. Меня не только оскорбили: я, как и все в этом доме, оказался в опасности. Если посол не будет разоблачен, нам всем предстоит подвергаться бесконечным разбирательствам и, возможно, до конца своих дней находиться под подозрением. А разоблачить его могу только я. Я решил действовать, но сначала надлежало выяснить, что для меня выгодно, а что — нет, поэтому я позвонил в Нью-Йорк, своему адвокату.

— Среди книг в своей библиотеке он нашел нужную мне информацию, которую я записал. Чтобы мой отчет был полным, я должен вам ее прочитать.

— Из статьи двадцать пятой уголовного кодекса штата Нью-Йорк: «Послы и другие представители иностранных государств, аккредитованные при президенте или правительстве Соединенных Штатов, и получившие официальное признание согласно законам Соединенных Штатов, а также их секретари, курьеры, семьи и обслуживающий персонал не могут быть подвергнуты уголовному наказанию в данном штате, но подлежат высылке в свою страну для суда и определения меры наказания».

— Из статьи два, пятьдесят два, раздела двадцать два уголовного кодекса Соединенных Штатов: «Все без исключения судебные постановления или иски, предъявляемые или исполняемые любым лицом в любом суде Соединенных Штатов или в любом суде другого штата, любым судьей или председателем суда, в результате которых любой посол или официальный представитель любого иностранного принципата или государства, признанные и принятые в таком качестве президентом, или любой член семьи или обслуживающего персонала вышепоименованного представителя подвергаются задержанию или аресту, или его личное движимое имущество подвергается конфискации, аресту или описи, надлежит считать не имеющими силы».

— Из статьи два, пятьдесят три, — эту цитату я даю в сокращении: «Любое лицо, отдавшее распоряжение об исполнении вышепоименованных постановлений или исков в нарушение статьи два, пятьдесят два, а также любое официальное лицо, связанное с исполнением указанных постановлений или исков, рассматривается как нарушитель законов международного права и возмутитель общественного спокойствия и подлежит тюремному заключению сроком до трех лет и денежному начислению по усмотрению суда».

— Последняя цитата, господин секретарь, объясняет, почему

я настаивал на беседе с вами. Если бы я сообщил свою информацию присутствующим здесь представителям закона, и если бы они, из стремления к осуществлению правосудия, преступили в отношении посла границы дозволенного, то не только они подпали бы под действие федерального закона, но и я вместе с ними. Я не желаю попадать на три года за решетку, не желаю даже теоретически рисковать чем-либо подобным, поэтому и счел необходимым обратиться непосредственно к вам. Я, конечно, не ответил на вопрос о мотивах его поступка. Что толкнуло его на убийство? Точного ответа у меня нет. Но есть предположение. Вам, я думаю, небезынтересно узнать, что связь между этим убийством и официальной миссией посла, а также переговорами, которые он вел, маловероятна.

— Я уже говорил, что изумруд он передавал не сам, а предложил это сделать своей супруге. Он сказал буквально следующее: «Я думаю, дорогая, будет более уместным, если вручишь его мистеру Вулфу ты».

— Не только слова эти содержали намек, но и его интонация, и его жесты — тоже. Изумруд давался мне как взятка, как гарантия, что я ни с кем не поделюсь своей догадкой о том, кто убил мистера Лисона. Но тогда при чем тут жена? Почему передавать камень уместно именно ей? Не потому ли, что она сама не без греха? Что это она послужила причиной, дала импульс к совершению преступления? Короче говоря, не она ли вынудила его пойти на эту крайнюю…

Оказалось, Вулф раньше меня догадался, что нужно сделать, чтобы в глазах Адрии Келефи вспыхнул огонь. Она метнулась с дивана и, в прыжке, как дикая кошка, ударом руки смахнула на пол и телефонную трубку, и сам телефон со шнуром. Колвин и Джессел бросились их поднимать. Я взял на себя дикую кошку — схватил ее сзади за руки, но она вырывалась, царапалась, пинала меня каблуками в голени. Джессел схватил телефон и забубнил в трубку:

— Алло, алло, алло.

Его перебил другой голос.

— Да, это все из-за нее. — Говорила Сэлли Лисон. Она встала, обошла Паппса и приблизилась к Адрии Келефи на расстояние вытянутой руки. Я сжал руки Адрии покрепче. А Сэлла продолжала ровным, мертвым, монотонным голосом, от которого всем в комнате стало зябко.

— Ты даже не гадюка, Адриа. Я даже не знаю, кто ты. Моего мужа ты соблазнила у себя в доме, в доме собственного мужа. Я все знала. Он сказал, что не в силах от тебя оторваться; тогда я оторвала его от тебя: сделала так, что его отозвали домой. Я

думаю, ты все рассказала своему мужу — это в твоем стиле. Где-нибудь после нашего отъезда, во время очередного большого припадка. Потом его направили сюда, и в первый же день ты опять принялась за него. Я знала, я хотела помешать — не сумела. Зато твой муж — сумел. Убил Дейва. Ну, почему же не тебя? — Она сжала бессильно обвисшие кулаки, выпрямилась вся, ее стала бить мелкая дрожь. — О, господи, — закричала она, — почему он тебя не убил?

Она перестала дрожать, повернулась к окружному прокурору и заговорила твердым голосом.

— Я солгала вам, — сказала она. — Что никого не подозреваю. Я знала. Но я знала и то, что его нельзя арестовать, и я не хотела, чтобы все знали, каким глупцом оказался мой муж. Да и какой был бы смысл? Какой вообще теперь смысл, во всем?

Посол поднялся с дивана, подошел к нам. Я подумал — он ей что-нибудь ответит, но он заговорил не с ней, а с женой. Он положил руку ей на плечо, и я отступил назад.

— Пойдем, дорогая, — сказал он. — Это невыносимо. — Она двинулась с места; он повернул голову и резко сказал: — Спирос!

Никогда не думал, что мне доведется увидеть нечто подобное; думаю, что никогда больше и не увижу. Рядышком, как на параде, стояли генеральный прокурор, окружной прокурор, шериф и трое полицейских штата в форме, не говоря уже о двух частных детективах, и никто из них пальцем не шевельнул, когда убийца спокойнехонько удалился, прихватив с собой жену, спровоцировавшую его на преступление, и своего сотрудника, безусловно знавшего имя убийцы.

Только Вулф шевельнул челюстными мышцами. Он резко заговорил уходящим в спину:

— Мистер Келефи! Будьте любезны. Чисто личный вопрос. Мой приезд сюда — это тоже попытка меня оскорбить? Ко всему прочему, одурачить самого Неро Вулфа?

— Нет, мистер Вулф. — Посол остановился у самой двери и повернулся к нему. — Выражая желание попробовать приготовленную вами форель, я еще не предполагал, что совершу действие, которое может возбудить у вас профессиональный интерес. Я не забыл о прошлом, но смирился с ним. Когда же события вынудили: меня предпринять этот шаг, я решил, что просить вас не приезжать было бы слишком неосторожно.

Повернувшись, он коснулся пальцами локтя своей жены, и они исчезли в коридоре; следом за ними и Паппс.

Наша немая сцена рассыпалась. Джессел пробормотал что-то насчет государственного секретаря и взялся за телефон. Колвин подтолкнул очки на место. Шериф и лейтенант обменялись

какими-то словами. Полицейские стояли с ошарашенным видом.

Вулф, все еще на ногах, вынул из кармана перстень с изумрудом и передал его окружному прокурору.

— Поступайте с ним, как сочтете необходимым, мистер Колвин. Насчет примечательного инцидента вы были, конечно, правы. Мистер Гудвин и я соберем свои вещи и через пять минут будем готовы к отъезду. Будьте любезны, предупредите там. Пойдемте, Арчи.

Он двинулся в коридор, и я пошел следом.

9

Вам, конечно, не терпится узнать, поплатился ли Келефи за то, что совершил. Мне тоже. Он отбыл домой на следующий же день, прихватив с собой жену и Паппса. Месяц спустя его расстреляли, но за убийство ли, или за срыв переговоров — трудно сказать. Между нами, дипломатами, говоря, я сомневаюсь, чтобы он почувствовал какую-нибудь разницу.

notes

Примечания

1

1978 год.

2

«Redbook», October, 1934. «The Adventures of Ellery Qween». 1934. (Сборник).

3

Лонг-Айленд — остров в устье реки Гудзон. Часть его территории занимают восточные районы Нью-Йорка. *(Прим. переводчика.)*

4

Викторианская эпоха — период правления английской королевы Виктории (1837–1901), оказавший большое влияние на образ жизни, мораль и культуру в Англии и США во второй половине XIX и начале XX века. *(Прим. переводчика.)*

5

«Безумное чаепитие» — глава из знаменитой сказки английского писателя Льюиса Кэролла «Алиса в стране чудес». *(Прим. переводчика.)*

6

Уолл-Стрит — старейшая улица Нью-Йорка, деловой и финансовый центр Соединенных Штатов. *(Прим. переводчика.)*

7

Гринвич-Вилледж — район Нью-Йорка, центр культурной жизни и средоточие богемы. *(Прим. переводчика.)*

8

Чеширский Кот — персонаж сказки «Алиса в стране чудес». *(Прим. переводчика.)*

9

«Одеон» — один из нью-йоркских театров. *(Прим. переводчика.)*

10

Очевидно, имеется в виду английский писатель Томас Гарди (1840–1928).

11

Эллери имитирует по-детски неправильную речь Алисы из сказки Л. Кэролла. *(Прим. переводчика.)*

12

Льюис Кэролл (псевдоним Ч. Л. Доджсона) был преподавателем оксфордского богословского колледжа и носил священническое звание.

13

Полицейский (жарг.).

14

По Фаренгейту.

15

Карточная игра.

16

Оригинал: *Immune to murder*

В сборнике: *Rex Stout*

Three for the chair (A Nero Wolf threesome) Bantam Books, N.-Y., 1958

но следует говорить только по-французски. Вы меня поняли? Хорошо…